



АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

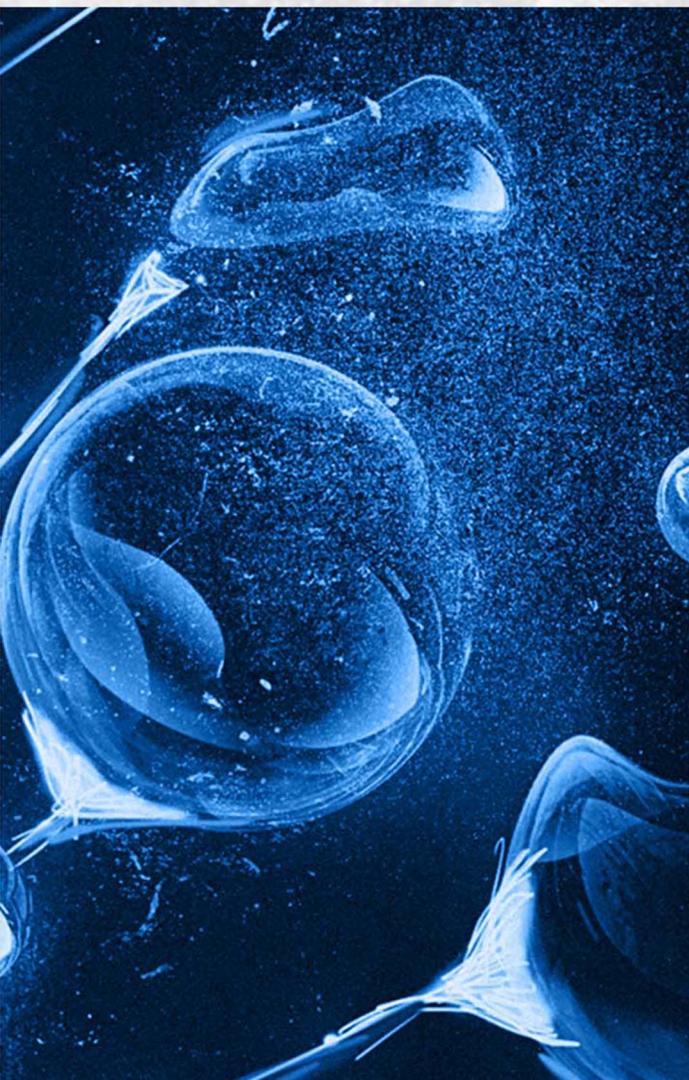
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

ПЕРИОДИЧЕСКИЙ НАУЧНЫЙ СБОРНИК

ПО МАТЕРИАЛАМ XIX МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Г. БЕЛГОРОД, 31 ОКТЯБРЯ 2016 Г.



2016 № 10-8
ISSN 2413-0869



АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(АПНИ)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

2016 • № 10, часть 8

Периодический научный сборник

*по материалам
XIX Международной научно-практической конференции
г. Белгород, 31 октября 2016 г.*

ISSN 2413-0869

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

2016 • № 10-8

Периодический научный сборник

Выходит 12 раз в год

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-65905 от 06 июня 2016 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель и издатель:

ИП Ткачева Екатерина Петровна

Главный редактор: Ткачева Е.П.

Адрес редакции: 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а

Телефон: +7 (919) 222 96 60

Официальный сайт: issledo.ru

E-mail: mail@issledo.ru

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)** по договору № 301-05/2015 от 13.05.2015 г.

Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте: **www.issledo.ru**

По материалам XIX Международной научно-практической конференции «Современные тенденции развития науки и технологий» (г. Белгород, 31 октября 2016 г.).

Редакционная коллегия

Духно Николай Алексеевич, директор юридического института МИИТ, д.ю.н., проф.

Васильев Федор Петрович, профессор МИИТ, д.ю.н., доц., чл. Российской академии юридических наук (РАЮН)

Датий Алексей Васильевич, главный научный сотрудник Московского института государственного управления и права, д.м.н.

Кондрашихин Андрей Борисович, профессор кафедры экономики и менеджмента, Институт экономики и права (филиал) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» в г. Севастополе, д.э.н., к.т.н., проф.

Тихомирова Евгения Ивановна, профессор кафедры педагогики и психологии Самарского государственного социально-педагогического университета, д-р пед. наук, проф., академик МААН, академик РАЕ, Почётный работник ВПО РФ

Алиев Закир Гусейн оглы, Институт эрозии и орошения НАН Азербайджанской республики, к.с.-х.н., с.н.с., доц.

Стариков Никита Витальевич, директор научно-исследовательского центра трансфера социокультурных технологий Белгородского государственного института искусств и культуры, к.с.н.

Ткачев Александр Анатольевич, доцент кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ», к.с.н.

Шаповал Жанна Александровна, доцент кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ», к.с.н.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»	6
<i>Ануфриев А.В.</i> ОСОБЕННОСТИ РЕШЕНИЙ СПОРТИВНЫХ АРБИТРАЖНЫХ ОРГАНОВ КАК ОСОБОГО ВИДА ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫХ АКТОВ.....	6
<i>Бахновский А.В.</i> «СДЕЛКА С ПРАВОСУДИЕМ» В ПРАКТИКЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ТРИБУНАЛА ПО БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ: ОБОСНОВАННОСТЬ ЛИМИТИРОВАННОГО ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СЕРЬЁЗНЫЕ НАРУШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА.....	14
<i>Битаев И.Р.</i> РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО СООБЩЕСТВА В РЕШЕНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ.....	19
<i>Булгаков В.В., Феденко Н.Ю.</i> ЖИЛИЩНЫЕ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ГРАЖДАН, ПРОЖИВАЮЩИХ В ОБЩЕЖИТИИ.....	22
<i>Булгаков В.В., Переславцев А.О.</i> ОБЩЕДОМОВАЯ СОБСТВЕННОСТЬ. ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ.....	25
<i>Булгаков В.В., Ефанова Е.А.</i> ОСОБЕННОСТИ ЖИЛИЩНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, ЛИЦ, УВОЛЕННЫХ С ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ, И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ.....	28
<i>Булгаков В.В., Мирович А.Р.</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЖИЛЬЕМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ	31
<i>Булгаков В.В., Долгов А.С.</i> СТАНОВЛЕНИЕ ИДЕЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ОБЩЕСТВЕ	34
<i>Ганжина В.И.</i> ДОГОВОРНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА В СИСТЕМЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ.....	36
<i>Голяндин Н.П.</i> ИЗМЕНЕНИЯ В ФОРМАХ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКО-ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СУБЪЕКТАХ СКФО.....	41
<i>Губашева С.А.</i> СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ И ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА В РОССИИ	45
<i>Дашко Ю.В.</i> СУВЕРЕНИТЕТ ГОСУДАРСТВА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ.....	48
<i>Желаков М.М.</i> ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ: ПОНЯТИЕ И СПЕЦИФИКА РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА.....	50
<i>Загайнова Г.Г.</i> ПРАВСТВЕННОСТЬ КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ.....	52
<i>Заметаева Л.В.</i> СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА, СВЯЗАННАЯ С ПРОБЛЕМАМИ ТОЛКОВАНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РФ О РАМОЧНОМ ДОГОВОРЕ.....	55
<i>Калоша Н.А.</i> ПРОИЗВОДСТВО ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ: УСЛОВИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ	61
<i>Кива-Хамзина Ю.Л.</i> ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ ДОГОВОРА НА ОКАЗАНИЕ УСЛУГ.....	67
<i>Коломийцева О.В.</i> ПОДЛОГ ДОКУМЕНТОВ ПО СОБОРНОМУ УЛОЖЕНИЮ 1649 ГОДА.....	69

<i>Лукьянчикова Е.Ф., Машков И.И.</i> НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЙ ПО СТ. 317 УК ЗА ПОСЯГАТЕЛЬСТВО НА ЖИЗНЬ СОТРУДНИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА	72
<i>Лукьянчикова Е.Ф., Рожкова И.О.</i> УБИЙСТВО, СОВЕРШЕННОЕ ПРИ ПРЕВЫШЕНИИ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ (СТ.108 УК РФ)	74
<i>Лукьянчикова Е.Ф., Лютенко М.А.</i> УБИЙСТВО МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА (СТ. 106 УК РФ)	77
<i>Никурадзе Н.О.</i> К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО КАК МЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАНСКОГО ИСТЦА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	81
<i>Новикова В.И.</i> ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ЧЛЕНА СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ – ПРЕДСТАВИТЕЛЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	84
<i>Осодоева Н.В.</i> О НЕДОПУСТИМОСТИ ДОПРОСА АДВОКАТА В СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ	89
<i>Пахомова К.С.</i> ПРАВОВАЯ ОХРАНА ПРОМЫШЛЕННЫХ ОБРАЗЦОВ В ЕС И РФ. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	93
<i>Решетова Е.С., Булгаков В.В.</i> ПОНЯТИЕ И ВИДЫ СУДЕБНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ.....	99
<i>Рябцев А.А.</i> К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ СИСТЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРИОРИТЕТОВ	102
<i>Сафина С.Д.</i> АЛГОРИТМ ПЕРЕХОДА ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УНИТАРНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ НА ПРИМЕНЕНИЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОТ 05.04.2013 № 44-ФЗ «О КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЕ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ, УСЛУГ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД».....	111
<i>Скрябина Н.В.</i> ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ, СВЯЗАННЫХ С ЗЕМЕЛЬНЫМИ УЧАСТКАМИ	115
<i>Слюсарева Т.Г., Зорина В.Ю.</i> НАЛОГОВАЯ ТАЙНА В СИСТЕМЕ МЕР ЗАЩИТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ	121
<i>Солодовник В.В.</i> ИНСЦЕНИРОВКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ЕЁ ЦЕЛИ.....	125
<i>Солодовник В.В.</i> О НЕОБХОДИМОСТИ УЧАСТИЯ ПЕДАГОГА, ПСИХОЛОГА И ЗАКОННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ПРИ ДОПРОСЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО	128
<i>Стуконог И.В.</i> УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В РАССМОТРЕНИИ СУДОМ ХОДАТАЙСТВ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ О ПРОДЛЕНИИ СРОКА СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ	131
<i>Таилова А.Г., Алиева Э.Б.</i> ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ СТРАХОВАНИЯ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ	138
<i>Таилова А.Г., Алиева Э.Б.</i> ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ.....	140
<i>Таилова А.Г., Магомедов А.А.</i> СОСТОЯНИЕ, СТРУКТУРА И ДИНАМИКА УБИЙСТВ	143
<i>Тимонина М.В.</i> ВОЗОБНОВЛЕНИЕ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛА ПО СУЩЕСТВУ В ПОРЯДКЕ ЗАОЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА	146
<i>Тимонина М.В.</i> ИСТОРИЯ ИНСТИТУТА ЗАОЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ.....	148

<i>Тимонина М.В.</i> ОБЖАЛОВАНИЕ ЗАОЧНОГО РЕШЕНИЯ.....	151
<i>Тишкина Н.В., Часовникова О.Г.</i> СПОСОБЫ НЕЗАКОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СЛЕДОВАТЕЛЯ КАК НА ДОЛЖНОСТНОЕ ЛИЦО, ВЕДУЩЕЕ РАССЛЕДОВАНИЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ	155
<i>Тишкина Н.В.</i> ЦЕЛИ И ПРИЧИНЫ ОКАЗАНИЯ НЕЗАКОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	158
<i>Шхагапсоев З.Л.</i> ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ: СОВРЕМЕННЫЙ АНАЛИЗ И ПРОГНОЗЫ	161
<i>Якушева В.О., Цепкова Т.М.</i> ВОЗМОЖНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКУМЕНТОВ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ.....	164

СЕКЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»

ОСОБЕННОСТИ РЕШЕНИЙ СПОРТИВНЫХ АРБИТРАЖНЫХ ОРГАНОВ КАК ОСОБОГО ВИДА ПРАВООПРЕДЕЛЯТЕЛЬНЫХ АКТОВ

Ануфриев А.В.

аналитик, ФГБУ «Центр спортивной подготовки сборных команд России»,
Россия, г. Москва

В статье рассмотрены основные виды актов правоприменения, выносимых спортивными арбитражными органами в Российской Федерации по результатам рассмотрения конкретных споров, особенности их исполнения, а также возможность и порядок обжалования указанных актов на территории Российской Федерации и в международных судебных органах. Деятельность спортивных арбитражей на сегодняшний день регулируется нормами Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», вступившего в силу с 1 сентября 2016 года. Кроме того, в отношении арбитража, начатого и не законченного до вступления в силу Федерального закона № 382-ФЗ, применяются нормы Федерального закона от 24.07.2002 № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации». Для целей настоящей статьи будут использованы нормы Федерального закона № 382-ФЗ как вступившего в силу на момент написания.

Ключевые слова: спортивный арбитраж, арбитражное соглашение, определение спортивного арбитражного суда, решение спортивного арбитражного суда, окончательность решений спортивных арбитражных органов, обжалование решений спортивных арбитражных судов, исполнение решений спортивных арбитражных судов.

В свете последних событий в сфере спорта большое значение приобрели решения Международного спортивного арбитража в Лозанне (CAS), выступающего в качестве главной судебной инстанции при разрешении спортивных споров. На территории Российской Федерации по примеру CAS созданы свои органы спортивного арбитража – Спортивный Арбитражный Суд при АНО «Спортивная Арбитражная Палата» и Спортивный арбитраж при Торгово-промышленной палате Российской Федерации. Фактически не рассмотренным остается вопрос юридической силы правоприменительных актов спортивных арбитражных судов в Российской Федерации. Между тем, проблема юридической силы правоприменительных актов органов спортивного арбитража в России представляется одной из основных при анализе работы спортивных арбитражных органов.

Конечным итогом рассмотрения спора в спортивном арбитражном суде является вынесение судом соответствующего правоприменительного акта. Правоприменительные акты спортивных арбитражных судов, как и правоприменительные акты других третейских судов, обязательны к исполнению на территории Российской Федерации.

Решение спортивного арбитража представляет собой акт применения права, выносимый по результатам рассмотрения конкретного юридического спора и адресованный сторонам третейского разбирательства. С формальной

точки зрения – это процессуальная форма, в которую облекается позиция спортивного арбитража по конкретному спору.

В.В. Ярков под арбитражным решением предлагает понимать окончательное решение арбитров по существу спора [1, с. 753]. При таком понимании важно разграничить решения третейского суда по существу спора и решения, не затрагивающие существа спора, по процессуальным вопросам.

В Федеральном законе «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» такое разграничение проведено, и основным критерием для него выступает вопрос о предмете выносимого решения.

Статья 35 Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» [2, ст. 35] указывает, что по вопросам, не затрагивающим существа спора, суд выносит постановление. Кроме того, постановление выносится третейским судом и при прекращении арбитража в случаях, предусмотренных частью 2 статьи 36 Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации».

Данное положение федерального закона находит свое отражение в Регламенте Спортивного Арбитражного Суда при АНО «Спортивная Арбитражная Палата» и в Регламенте Спортивного арбитража при Торгово-промышленной палате Российской Федерации. Однако нормы регламентов в этом вопросе не соответствуют нормам действующего законодательства, поскольку по вопросам, не затрагивающим существо спора, обоими спортивными арбитражными органами выносятся определения, а не постановления.

Основными случаями вынесения определения спортивным арбитражем являются прекращение третейского разбирательства в отсутствие рассмотрения спора по существу, вопрос о компетенции спортивного арбитража при разрешении конкретного спора, а также необходимость применения каких-либо процессуальных мер и т.д.

Обращает на себя внимание тот факт, что ни Федеральным законом «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», ни регламентами спортивных арбитражных органов не установлена возможность обжалования постановления третейского суда и, соответственно, определения спортивного арбитража. Говорить об указании такой возможности в арбитражном соглашении также не представляется возможным, поскольку арбитражным соглашением регулируются вопросы, не затрагивающие процессуальных особенностей третейского разбирательства. Таким образом, за определением спортивного арбитража признаются окончательность и обязательность его исполнения.

Основным актом правоприменения спортивных арбитражей, служащим основанием возникновения новых прав и обязанностей сторон третейского разбирательства, является решение спортивного арбитража. Решение спортивного арбитража, как и решение других третейских судов, имеет отличительные особенности, позволяющие отделить его от решений государственных судов.

Ю.А. Кононенко отмечает некоторую схожесть решения третейского суда с решением государственных судов и выделяет следующие черты реше-

ния третейского суда, присущие всем без исключения актам применения права:

- 1) решение третейского суда касается конкретного правоотношения и содержит властное предписание, адресованное конкретному лицу;
- 2) оно четко определяет меру возможного и должного поведения участников спорного правоотношения;
- 3) выражает волю третейского суда;
- 4) должно отвечать требованиям, предъявляемым к нему законодательством, арбитражным соглашением, положениями и регламентами [3, с. 213-214].

Вместе с тем, правовой статус арбитражных органов как особого вида органов, создаваемых для разрешения конкретного спора, позволяет выделить отличительные черты решения спортивного арбитража.

Во-первых, добровольность исполнения решения спортивного арбитража отличает такое решение от решений государственных судов, исполнение которых обеспечено силой государственного принуждения.

Во-вторых, решение спортивного арбитража выносится по конкретному спору, который должен входить в круг споров, выносимых на рассмотрение спортивного арбитража в соответствии с арбитражным соглашением. Решение спортивного арбитража, которое выходит за пределы арбитражного соглашения, является недействительным. Кроме того, круг споров, выносимых на рассмотрение спортивного арбитража, ограничен сферой физической культуры и спорта и детализирован в статье 2 Регламента Спортивного Арбитражного Суда при АНО «Спортивная Арбитражная Палата» [4] и статье 3 Регламента Спортивного арбитража при Торгово-промышленной палате Российской Федерации [5].

В-третьих, стороны арбитражным соглашением вправе предусмотреть, что решение спортивного арбитражного суда окончательно по предмету конкретного спора и не подлежит обжалованию в компетентный государственный суд. Однако окончательность решения в таком случае не отменяет право одной из сторон в течение 10-дневного срока после получения решения обратиться в орган спортивного арбитража с заявлением о принятии дополнительного решения в отношении требований, которые были заявлены в ходе третейского разбирательства, но не нашли отражения в решении.

В.В. Чубаров отмечает еще одну особенность решения спортивного арбитража – оно действует лишь в отношении спортивной организации, которая участвовала в споре [6, С. 161]. Таким образом, если спортсмен покинул спортивную организацию, принимавшую участие в споре, то решение спортивного арбитража в отношении данного спортсмена будет действовать только в рамках спортивной федерации, которая принимала участие в третейском разбирательстве. Это означает, что фактически спортивный арбитраж своим решением не может обязать спортсмена исполнить обязательства, являющиеся предметом спора, в рамках спортивной федерации, не являющейся стороной арбитражного соглашения.

Сложившаяся практика позволяет говорить о возможности классификации решений третейских судов. Так, И.М. Чупахин предлагает классифицировать решения третейских судов по следующим основаниям: 1) по объему разрешенных требований – на полные решения (находят отражение все заявленные требования) и на решения по части заявленных требований (частичные и промежуточные); 2) по объему полномочий суд – на решения, вынесенные составом суда в качестве дружественных посредников или по справедливости; 3) по степени влияния волеизъявления сторон на содержание решения – на решения, содержание которых не зависит от воли сторон, и на решения на согласованных условиях [7, с. 10].

Практика спортивного арбитража свидетельствует о том, что классификация решений третейского суда на основе полномочий суда вряд ли применима к решениям спортивного арбитража, поскольку спортивный арбитраж представляет собой постоянно действующий третейский суд, основной задачей которого является разрешение спора именно по справедливости. Разделение по степени реализации воли сторон в принятии решения спортивным арбитражем также не представляется возможным, поскольку решение спортивного арбитража должно основываться на конкретных материалах дела. О волеизъявлении сторон при вынесении решения суда можно было бы говорить в том случае, если бы процессуальный момент принятия мирового соглашения фиксировался бы именно в итоговом решении спортивного арбитража. Однако о заключении мирового соглашения спортивный арбитраж выносит определение.

Принимая во внимание классификацию И.М. Чупахина, представляется возможным разделение итоговых решений спортивного арбитража на полные, частичные и промежуточные. В полных решениях находят отражение все требования, заявленные в исковом заявлении; в частичных и промежуточных – только часть заявленных требований.

Нормами Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [8, глава 46] и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [9, § 1 главы 30] предусмотрена возможность оспаривания решений третейских судов. Сторона арбитражного соглашения в зависимости от характера спора подает в районный суд по месту жительства или месту нахождения должника или в арбитражный суд субъекта Российской Федерации, на территории которого принято решения третейского суда, заявление об отмене решения третейского суда.

Судья единолично рассматривает заявление в срок, установленный для арбитражного судопроизводства, не позднее 3 месяцев со дня поступления заявления в суд, и не позднее одного месяца, при обращении в суд общей юрисдикции.

Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации определяют одинаковые основания для отмены решения третейского суда. Как правило, это различного рода несоответствия закону: недееспособность одной из сторон; недействительность третейского соглашения по праву, которому стороны его

подчинили; рассмотрение спора не было предусмотрено условиями арбитражного соглашения; несоответствие состава арбитража соглашению сторон или закону; неуведомление одной из сторон об избрании третейских судей или о времени и месте заседания арбитража; рассмотрение спора не могло являться предметом рассмотрения в третейском разбирательстве; противоречие решения третейского суда публичному порядку Российской Федерации [8, ст. 421; 9, ст. 233].

Сторона, подающая заявление об отмене решения третейского суда, должна представить доказательства, подтверждающие факт наличия оснований для отмены решения третейского суда.

Рассмотрим особенности исполнения решений спортивного арбитража.

В соответствии со статьей 33 Регламента Спортивного Арбитражного Суда при АНО «Спортивная Арбитражная Палата» и статьей 41 Регламента Спортивного арбитража при Торгово-промышленной палате Российской Федерации стороны арбитражного соглашения принимают на себя обязательство добровольно исполнять решение арбитражного органа [4, ст. 33; 5, ст. 41]. Именно добровольность исполнения является главной отличительной чертой решений, выносимых спортивными арбитражами. При этом добровольность исполнения лишает стороны права обращения в суд общей юрисдикции с иском о том же предмете и по тем же основаниям.

Стороны, заключая между собой арбитражное соглашение, принимают на себя обязанность добровольного исполнения решения спортивного арбитража в срок, указанный в этом решении. Как отмечает В.В. Чубаров, механизм добровольного исполнения решений спортивного арбитража на сегодняшний день является господствующим в области спорта [6, С. 160]. Однако на практике зачастую возникают ситуации, когда необходимо принудительное исполнение решения спортивного арбитража.

В случае, если решение спортивного арбитража не исполнено стороной добровольно в указанный в решении срок, такое решение приводится в исполнение в соответствии с законодательством [4, ст. 47; 5, ст. 60] и международными договорами [5, ст. 60]. Однако, как отмечает Е.А. Погосян, в практике отечественных спортивных арбитражей не зафиксировано ни одного случая, когда стороны, ходатайствуя о принудительном исполнении решения суда, ссылались бы на нормы международных договоров [10, с. 152]. Поэтому на сегодняшний день основным способом обеспечения принудительного исполнения решений спортивных арбитражей в Российской Федерации является исковое заявление в государственный суд о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения спортивного арбитража.

Принудительный порядок исполнения решений спортивного арбитража регулируется положениями главы 30 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [9, § 2 гл. 30] и главы 47 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [8, глава 47]. Общий порядок выдачи исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда выглядит следующим образом.

Сторона арбитражного соглашения в зависимости от характера спора подает в районный суд по месту жительства или месту нахождения должника или в арбитражный суд субъекта Российской Федерации, на территории которого принято решения третейского суда, заявление о выдаче исполнительного листа.

Судья единолично рассматривает заявление о выдаче исполнительного листа в срок, установленный для арбитражного судопроизводства, не позднее 3 месяцев и не позднее одного месяца, при обращении в суд общей юрисдикции.

По результатам рассмотрения заявления суд выносит определение о выдаче исполнительного листа или об отказе в выдаче исполнительного листа.

Причем, и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации определяют одинаковые основания для отказа в выдаче исполнительного листа. Основания для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда аналогичны основаниям для отмены решения третейского суда [8, ст. 426; 9, ст. 239]. Сторона, против которой вынесено решения третейского суда, обязана доказать факт наличия оснований для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда.

Определение о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда может быть обжаловано в вышестоящий суд.

Особенностью рассмотрения дел по иску о выдаче исполнительного листа на принудительное решение спортивного арбитража является то, что в этом случае дело не рассматривается по существу. То есть, судом учитываются только материалы дела об исполнении решения спортивного арбитража. Так, например, определением Арбитражного суда города Москвы от 03.03.2015 по делу № А40-217451/2014 [11] было удовлетворено заявление АНО «Организационный комитет XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в г. Сочи» о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения Спортивного Арбитражного Суда при АНО «Спортивная Арбитражная Палата» по делу № 103А/14 от 29.10.2014. При этом ответчиком по делу – АО «Ингеоком» был заявлен встречный иск об истребовании материалов третейского разбирательства. Судом встречный иск был отклонен с указанием на то, что пересмотр решения спортивного арбитража по существу противоречит действующему законодательству [11].

Поэтому стоит отметить, что при рассмотрении дела о выдаче исполнительного листа на принудительное решение спортивного арбитража государственным судом будут учитываться именно обстоятельства, в соответствии с которыми одна из сторон не исполняет решение спортивного арбитража. Только в том случае, если судом будет установлено наличие обстоятельств, на основании которых заявителю может быть отказано в выдаче исполнительного листа, в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения спортивного арбитража будет отказано.

Особый интерес представляет исполнение и обжалование решения Спортивного арбитража при Торгово-промышленной палате Российской Федерации, вынесенного по результатам рассмотрения апелляционного заявления на решения дисциплинарных органов спортивных федераций. Статья 59 Регламента Спортивного арбитража при Торгово-промышленной палате Российской Федерации [5, ст. 59] прямо указывает на то, что такое решение обжалованию не подлежит.

Однако, как показывает практика, решения Спортивного арбитража при Торгово-промышленной палате Российской Федерации по делам о рассмотрении апелляционного заявления обжалуются в CAS города Лозанна. Например, в 2013 году Всемирным антидопинговым агентством в CAS города Лозанна была подана апелляция на решение Спортивного арбитража при Торгово-промышленной палате Российской Федерации по апелляционному заявлению Л.В. Черновой на решение Дисциплинарного антидопингового Комитета некоммерческого партнерства Российской антидопинговое агентство «РУСАДА». CAS в Лозанне удовлетворил апелляцию Всемирного антидопингового агентства, сославшись на то, что между сторонами не было заключено соответствующего соглашения, устанавливающего компетенцию Спортивного арбитража при Торгово-промышленной палате Российской Федерации на рассмотрение данного спора [12].

Статья 13.1 Всемирный антидопинговый Кодекс ВАДА [13] прямо указывает на то, что на решения национальных антидопинговых организаций, а также решения спортивных арбитражей по апелляционным заявлениям на решения антидопинговых организаций может быть подана соответствующая апелляционная жалоба. Таким образом, решение Спортивного арбитража при Торгово-промышленной палате Российской Федерации по апелляционному заявлению на решение антидопинговой организации можно считать окончательным чисто условно. В соответствии с нормами Всемирного антидопингового Кодекса ВАДА такое решение может быть обжаловано в CAS в Лозанне. В этом проявляется серьезное противоречие действующего Регламента Спортивного арбитража при Торгово-промышленной палате Российской Федерации аналогичным нормам международных договоров.

Подводя итог исследованию решений спортивных арбитражных органов на территории Российской Федерации, можно сделать вывод о том, что решения спортивных арбитражей носят обязательный характер для сторон третейского разбирательства. Стороны, заключая арбитражное соглашение, принимают на себя обязанность по добровольному исполнению решения спортивного арбитража. Более того, арбитражным соглашением стороны ограничивают себя в праве обращения в государственный суд с иском по тому же предмету и по тем же основаниям. Законодательством предусмотрена процедура оспаривания решений третейских судов. Следовательно, решения спортивного арбитража при наличии соответствующих оснований можно оспорить в суде общей юрисдикции или в арбитражном суде субъекта Российской Федерации, в зависимости от характера спора.

В случае неисполнения решения спортивного арбитража одна из сторон третейского разбирательства вправе обратиться в государственный суд с заявлением о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения спортивного арбитража. В таком случае судом будут приниматься во внимание только фактические объяснения должника по поводу неисполнения им решения спортивного арбитража. Пересмотр дела по существу в таком случае невозможен.

Отдельный вопрос представляет собой рассмотрение Спортивным арбитражем при Торгово-промышленной палате Российской Федерации апелляционных заявлений на решения антидопинговых организаций. Решение по такому заявлению не подлежит обжалованию в России, как и любое другое решение спортивного арбитража. Однако Всемирный антидопинговый Кодекс допускает обжалование таких решений в порядке апелляции в CAS в Лозанне. Судебная практика показывает, что решения по апелляционным заявлениям зачастую обжалуются в международные органы. Однако в этом случае речь идет о новом рассмотрении дела, а не о пересмотре решения органа первой инстанции. CAS в Лозанне заново рассматривает дело и указывает свою позицию, которая нередко идет вразрез с позицией национальных спортивных арбитражей.

Список литературы

1. Арбитражный процесс: учебник / под ред. В.В. Яркова. М.: Инфотропик Медиа, 2010. 848 с.
2. Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (часть I). Ст.2.
3. Кононенко Ю.А. Правоприменительная деятельность третейских судов Российской Федерации // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2008. № 3. С. 213-214.
4. Регламент Спортивного Арбитражного Суда при Автономной некоммерческой организации «Спортивная Арбитражная Палата», утверждено Президиумом АНО «Спортивная Арбитражная Палата» 10 июня 2003 года // [элек. рес.] Официальный сайт Спортивного Арбитражного суда при АНО «Спортивная Арбитражная Палата» <http://law.infosport.ru> (дата обращения: 23.10.2016).
5. Регламент Спортивного арбитража при Торгово-промышленной палате Российской Федерации, утвержден приказом ТПП РФ № 21 от 21 апреля 2009 // [элек. рес.] Официальный сайт Спортивного арбитража при Торгово-промышленной палате Российской Федерации <https://http://sport.tpprf.ru> (дата обращения: 26.10.2016)
6. Чубаров В.В. К теории и практике спортивного арбитража // Третейский суд. № 2. 2011. С. 153-166.
7. Чупахин И.М. Решение третейского суда: теоретические и прикладные проблемы: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2012. – 30 с.
8. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002. № 138-ФЗ (с изм. и доп. ред. от 03.07.2016) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; Рос. газ. 2016. 08 июля. № 149.
9. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002. № 95-ФЗ (с изм. и доп. ред. от 01.09.2016) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012; СЗ РФ. 2016. № 1 (часть I). Ст. 29
10. Погосян Е.В. Формы разрешения спортивных споров: Дисс. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2009. – 223 с.

11. Определение Арбитражного суда города Москвы от 03.03.2015 по делу № А40-217451/2014 // [элек. рес.] Интернет-портал «Право.Ru» URL: <http://docs.pravo.ru> (дата обращения: 27.10.2016).

12. Решение CAS в Лозанне по делу № 2013/A/3112 // Официальный сайт Спортивного арбитража при Торгово-промышленной палате Российской Федерации <https://http://sport.tpprf.ru> (дата обращения: 27.10.2016).

13. Всемирный антидопинговый кодекс (с изм. и доп. ред. от 01.01.2015) // [элек. рес.] Официальный сайт Российского антидопингового агентства (РУСАДА) <https://http://www.rusada.ru> (дата обращения: 27.10.2016).

«СДЕЛКА С ПРАВОСУДИЕМ» В ПРАКТИКЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ТРИБУНАЛА ПО БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ: ОБОСНОВАННОСТЬ ЛИМИТИРОВАННОГО ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СЕРЬЁЗНЫЕ НАРУШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

Бахновский А.В.

доцент кафедры международного права, к.ю.н.,
Северо-Кавказский филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия», Россия, г. Краснодар

В статье рассматриваются особенности применения Международным трибуналом по бывшей Югославии правового института «сделка с правосудием», возможность ухода подсудимыми от полноценной и объективной ответственности. Изучены практические обоснования поддержания жизнеспособности правового института «сделка с правосудием», которые не совпадают с позицией научной доктрины.

Ключевые слова: Международный трибунал по бывшей Югославии, Устав, «сделка с правосудием», обвинение, защита, подсудимый, отказ от обвинения, свидетельские показания, доказательственная база.

Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ) [1] был учрежден резолюцией Совета Безопасности ООН № 827 от 25.05.1993 года [2] для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 года на основании главы VII Устава Организации Объединенных Наций. Объективное стремление стороны обвинения получить достаточные доказательства для привлечения виновных лиц к ответственности, сопряженное с натиском официальных лиц в вопросах ускорения судебного следствия, привели к постепенному допущению в практику работы трибунала элементов соглашения стороны обвинения и защиты, объединенных единой категорией «сделка с правосудием».

В научной доктрине институт «сделки с правосудием», как правило, не встречает «лестных отзывов» ввиду большого контраста условий достигнутых между стороной обвинения и подсудимыми соглашений при инкриминировании одних и тех же составов преступлений. Например, подсудимый,

обладающий полезной для следствия информацией в части действия всей преступной группы или готовый дать показания против других членов преступной группы, может в итоге оказаться в более выгодном положении, нежели чем лицо, которое фактически не было вовлечено в активную фазу деятельности преступной группы, или не обладает информацией о деятельности и ролях других членов преступной группы [23] (§ 66).

Востребованность института сделки с правосудием на уровне МТБЮ объясняется и финансовыми причинами: затраты на функционирование суда, работу персонала, обеспечение технической возможности работы несет ООН. По некоторым оценкам, стоимость содержания МТБЮ в год составляет порядка 50 млн. долларов США. Двенадцать соглашений о признании вины, которые были заключены с 2001 по 2003 год помогли снизить нагрузку на суд на 40 %, что стало своего рода признанием полезности института с позиции «менеджмента» [20].

В итоге представители судебной власти поощрили применение института сделки с правосудием, отметив существенную экономию времени и ресурсов [24]. Если же дополнительно учесть, что подсудимые в обмен на выполнение условий соглашений часто дают показания по другим делам, упрощая формирование доказательственной базы и ускоряя процесс призыва к ответственности и отправления правосудия – выгода в применении института становится очевидной. МТБЮ акцентирует внимание на том, что любая процессуальная экономия и эффективность не могут быть приоритетными перед правами привлекаемых к ответственности лиц [23] (§ 67). Общая позиция суда находит радикальный оттенок в высказываниях отдельных авторов: так признается недопустимым снижение наказания для лиц, ответственных за самые отвратительные преступления, известные человечеству [5]. При этом, многие жертвы преступлений предпочитают быстрое и эффективное судебное разбирательство, нежели годы судебных тяжб, которые впоследствии переносятся в апелляцию.

Крайняя позиция в критике института «сделки с правосудием» сводится к заявлению о превращении судебного разбирательства в фарс, рыночную торговлю [12]. Применительно к практике Международного уголовного суда как постоянно действующего органа, М. Дамаска утверждает, что высказывание о невозможности отказа от института сделки ввиду необходимости обеспечения процессуальной экономии не актуально (в отличие от трибуналов *ad hoc*, имеющих временный характер функционирования и деятельности) [9].

Автор Regina E. Rauxloh предлагает использовать институт сделки с правосудием в международных судах только при расследовании дел высшего руководства, где невозможно обойтись без показаний подчиненных для доказательства вины [16]. Без использования института «сделки с правосудием» большинство национальных судебных систем будут просто не в состоянии справиться с потоком дел [10, с. 895]. Также отмечается, что сторона обвинения может использовать институт «сделки с правосудием» в ситуации, когда слабая доказательственная база и высокие стандарты судопроизводства и

оценки доказательств не позволяют вести речь о вынесении обвинительного приговора: подсудимый признается в содеянном, а обвинитель просит о снисхождении [17].

При разработке положений Устава трибунала по бывшей Югославии и Правил доказательств и процедуры [3] представители США предлагали включить в эти документы положения о возможности заключения «сделки с правосудием», но не нашли поддержки. Впоследствии к этому вопросу вернулись, но трибунал дал ясно понять, что не собирается менять позицию [8, с. 248]: он намерен рассматривать преступные деяния столь отвратительные, что не может вести переговоры с подсудимыми [13].

Однако возросшее количество рассматриваемых трибуналом дел (после совершенствования процедуры ареста обвиняемых), объективная невозможность следования полноценной процедуре для каждого из обвиняемых, убежденность Совета Безопасности ООН в необходимости форсирования рассмотрения дел в целях завершения работы трибунала по Югославии – привели к осознанию необходимости использовать исследуемый институт. Стоит отметить, что Антонио Кэссезе довольно ясно дал понять сторонникам введения института «сделки с правосудием», что Трибунал не является обычным муниципальным уголовным судом, перед ним стоит задача расследовать действия лица, обвиняемого в геноциде, пытках, убийствах, сексуальных посягательствах и иных нечеловеческих деяниях; ни одно лицо не должно пользоваться иммунитетом от наказания за подобные действия, несмотря на всю полезность предоставленных ими свидетельских показаний.

Однако смена президента трибунала по Югославии, когда ярый противник института «сделки» Антонио Кэссезе был заменен представителем США Гэбриэль Кирк Макдональд, и усиление давления на международный орган со стороны США [7, с. 475] – искоренили колебания между применением и неприменением спорного института [11, с. 208].

Некоторые авторы предлагают разделить историю становления института «сделки с правосудием» в практике МТБЮ на три этапа [18, с. 1074]. Первый этап охватывает 10 лет работы трибунала, когда было заключено всего 8 соглашений [6, с. 92], и только два из них действительно предполагали послабления для подсудимых [7, с. 473, 474].

В деле троих подсудимых (Дуко Сикирика, Рамир Досен, Драган Коландья), которые изначально признавали свою вину в неразумном поведении (хотя фактически отвечали за прямые умышленные действия) – суд предоставил всем подсудимым возможность смягчения наказания, приравняв признание вины к раскаянию [25]. Исходя из текста приговора по данному делу, МТБЮ придал признанию вины статус неоспоримого доказательства, заменяющего процесс установления истины по делу: было отмечено, что признание вины до судебного процесса экономит время и усилия по долгому расследованию и изучению доказательств; способствует достижению одной из основных целей Международного трибунала (установлению истины).

28 декабря 2001 года МТБЮ принял правило 62 ter («Процедура заключения сделок о признании вины» – Plea Agreement Procedure), которое

предусматривало возможность заключения соглашений между сторонами обвинения и защиты. Внесенные изменения позволили суду принимать позицию сторон по рекомендации диапазона грозящего наказания, что по-прежнему не являлось обязательным для суда.

На втором этапе (2002-2003 год) наблюдался рост случаев признания вины со стороны подсудимых и значительное снижение грозящих наказаний. Однако судебная практика имела исключения. По делу Драгана Николича судья не принял во внимание рекомендации стороны обвинения по назначению наказания в пределах 15-ти лет и приговорил подсудимого к двадцати трем годам. Официально суд пояснил, что жестокость, число совершенных преступлений и цель совершения преступлений приводит к восприятию предложения стороны обвинения как несправедливому. Однако само признание вины положительно сказалось на назначенном наказании: вероятная перспектива могла бы привести к пожизненному сроку [22] (§ 275, 279–282). По делу Момира Николича суд не учел рекомендаций стороны обвинения (от 15 до 20 лет тюремного заключения) и приговорил подсудимого к 27 годам [23] (§ 19, 156, 183). По делу Деронжи председательствующий судья Вольфганг Шомбург искренне возражал против предложений стороны обвинения, которые сводились к тюремному сроку в 10 лет, отмечая, что совокупность совершенных деяний с учетом справедливости наказания требует назначить срок в два раза больше [21]. После 2003 года начинается третья стадия, когда резко уменьшается количество заключенных сделок о признании вины, что было обусловлено:

1. Потерпевшие и рядовые критики процесса негативно высказываются против слишком мягких приговоров и стремления исключить открытый судебный процесс;

2. Сами подсудимые, наблюдающие отказы судейского корпуса согласовать заключенное соглашение, уже не верили в эффективность сотрудничества со стороной обвинения.

В качестве «оправдания» повсеместного использования института «сделки» высказывается мнение о том, что если бы международные трибуналы не столкнулись с необходимостью завершения своей деятельности к определенному сроку – от использования этого института можно было бы отказаться [14, с. 28].

Заключение соглашений между сторонами обвинения и защиты как бы исключает из перспективных задач непосредственное установление фактических обстоятельств. Если обратиться к статистике, то становится очевидным, что сторона обвинения отказывается от любых сомнений в фактической стороне дела: суду представляется на обозрение лишь та часть, которая уже признана подсудимым и вместо тысяч страниц протоколов судебных заседаний все участники процесса готовы уделить этому вопросу лишь незначительное время [14, с. 16]. Упомянутые в позициях стороны обвинения и защиты детали совершенных деяний не всегда способны претендовать на истинность, они не подвергаются оценке участниками процесса, не дожидаются позиции обществу.

При заключении соглашений без проведения полноценного судебного разбирательства общественность и история в целом теряют возможность исследовать все собранные доказательства: они не изучаются судом, не заносятся в протокол судебного заседания. «В тени» судебного следствия остаются многочисленные деяния, официально не имевшие места [19, с. 283]. В итоге геноцид может быть заменен общим термином «преступления против человечества» [23] (§ 11); изнасилование может быть заменено фактами насильственных действий и т.д. Спустя годы сомнения в истинности суждений суда уступят место официально сохранившимся материалам, в которых не будет упоминаний об отдельно взятых преступлениях. Таким образом, из реальных исторических фактов останутся только «согласованные», а не «установленные».

Список литературы

1. Устав Международного трибунала по Югославии (Принят 25.05.1993 Резолюцией 827) // Действующее международное право. Т. 1. – М.: Московский независимый институт международного права, 1996. С. 748 – 759.
2. Резолюция Совета Безопасности ООН № 827 от 25.05.1993 года URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N93/306/30/IMG/N9330630.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.06.2016).
3. Резолюция Совета Безопасности ООН № 808 от 22.02.1993 года URL: http://www.icty.org/x/file/Legal%20Library/Statute/statute_808_1993_en.pdf (дата обращения: 12.02.2016).
4. Statute of the International Criminal Tribunal for Former Yugoslavia, Report of the Secretary-General pursuant to para. 2 of Security Council Resolution 808, Annex, U.N. Doc. S/25704 (1993)) URL: <http://www.un.org> (дата обращения: 12.02.2016).
5. Clark Theresa Marie. Transplant Justice?: The Efficacy of a Purely Common Law Concept in the International Criminal Forum // Buffalo Human Rights Law Review. 2003. № 9.
6. Combs Nancy Armoury. Procuring Guilty Pleas for International Crimes: The Limited Influence of Sentence Discounts // Vanderbilt Law Review. 2006. № 69.
7. Cook Julian A. Plea Bargaining at The Hague // Yale Journal for International Law 2005. № 30.
8. Coonan Terry. Prosecuting And Defending Violations Of Genocide And Humanitarian Law: The International Tribunal For The Former Yugoslavia // American Society of International Law Proceedings. 1994.
9. Damaska Mirjan. Negotiated Justice in International Criminal Courts // Journal of International Criminal Justice. 2004. № 2.
10. Darbyshire Penny. The Mischief of Plea Bargaining and Sentencing Rewards // Criminal Law Review. 2000.
11. Hafida Lahiouel. The Right of the Accused to an Expeditious Trial // Kluwer Law International. 2000.
12. Ivković Sanja Kutnjak, John Hagan. The Politics of Punishment and the Siege of Sarajevo: Toward a Conflict Theory of Perceived International (In)Justice // Law & Society Review. 2006. № 40.
13. Morris V., Scharf M.P. An Insider's Guide to the International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia, Vol. 2 Transnational Publishers Inc, Irvington-on-Hudson // New York, 1995.
14. Petrig Anna. Negotiated Justice and the Goals of International Criminal Tribunals-With a Focus on the Plea-Bargaining Practice of the ICTY and the Legal Framework of the ICC // Chicago-Kent Journal of International and Comparative Law. 2008. № 8.

15. Rauxloh Regina E. Negotiated History – The Historical Record in International Criminal Law and Plea Bargaining // International Criminal Law Review. 2010. Volume 10. Issue 5. P. 739 – 770.
16. Rauxloh Regina E. Plea bargaining in international criminal justice can the international criminal court afford to avoid trials? // The journal of criminal justice research (jcjr). 2011. Volume 1, Number 2. P. 1- 25.
17. Rauxloh Regina E. Plea Bargaining – A Necessary Tool for the International Criminal Court Procedure // Judicature. 2011. № 94(4).
18. Scharf Michael P. Trading Justice for Efficiency // Journal of International Criminal Justice. 2004. № 2.
19. Sienho Yee. The Erdemovic Sentencing Judgement: A Questionable Milestone for the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia // Georgia Journal of International and Comparative Law. 1997.
20. Simons Marlise. Plea Deals Being Used to Clear Balkan War Tribunal’s Docket // The New York Times. 2003. Nov. 18.
21. Case Prosecutor v. Deronjic (Case No. IT-02-61-S) Sentencing Judgement. Dissenting Opinion of Judge Schomburg (30 March 2004) para. 2 URL: <http://www.icty.org/x/cases/deronjic/tjug/en/sj-040330e.pdf> (дата обращения: 15.06.2016).
22. Case Prosecutor v. Dragan Nikolic (Case No. IT-94-2) Sentencing Judgment (18 December 2003) URL: http://www.icty.org/x/cases/dragan_nikolic/tjug/en/nik-sj031218e.pdf (дата обращения: 15.06.2016).
23. Case Prosecutor v. Momir Nikolic (Case No. IT-02-60/1-S). Sentencing Judgement (2 December 2003) URL: <http://www.icty.org/x/cases/nikolic/tjug/en/mnik-sj031202-e.pdf> (дата обращения: 10.04.2016).
24. Case Prosecutor v. Plavšić, (Case IT-00-39 & 40/1) (Feb 27, 2003) Sentencing Judgement URL: <http://www.icty.org/x/cases/plavsic/tjug/en/pla-tj030227e.pdf> (дата обращения: 10.04.2016).
25. Case Prosecutor v. Sikirica (Case No. IT-95-8-S) Sentencing Judgment (13 November 2001) URL: <http://www.icty.org/x/cases/sikirica/tjug/en/sik-ts011113e.pdf> (дата обращения: 10.04.2016).

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО СООБЩЕСТВА В РЕШЕНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Битаев И.Р.

магистрант 2-го курса заочной формы обучения,
Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина,
Россия, г. Саратов

В статье анализируются теоретические и практические вопросы роли международного сообщества в решении экологических проблем. Выделяется роль ООН и ее структурных подразделений. Отмечается противоречивость решения таких проблем на современном этапе глобализации. Особенно в связи с военными конфликтами и потоками беженцев с территории конфликтов. Отмечается необходимость совершенствования глобальной экологической политики с учетом соблюдения экологической безопасности как составной части национальной безопасности каждого суверенного государства, в том числе РФ.

Ключевые слова: международное сообщество, экологические проблемы, охрана окружающей среды, международные экологические организации, глобализм, экологическая политика, национальная безопасность, демографические особенности.

В рамках функционирования современного общества можно признать очевидным все более важное значение решения экологических проблем, что, очевидно, является следствием хозяйственной деятельности человеческого сообщества, увеличения численности населения, безграничного расширения ареалов обитания человека, все более безответственного отношения к различным видам природных ресурсов, в том числе и к животному миру. Эти явления все более четко проявляются на современном этапе глобализации.

Как отмечают М.Н.Копылов и В.А. Мишланова международные организации прочно вошли в структуру системы международных экологических отношений в качестве важного ее элемента, без которого само функционирование всей системы в целом уже немыслимо и практически невозможно, учитывая характер экологической проблематики. На сегодняшний день сложилась довольно разветвленная сеть международных организаций, которые в той или иной степени занимаются экологической проблематикой. В этих условиях центральное место в системе международного природоохранного сотрудничества занимает ООН в силу практически универсальной правосубъектности, которой Организация наделена ее членами. Среди главных органов ООН основная роль в организации международных природоохранных мероприятий принадлежит Генеральной Ассамблее и ЭКОСОС [1].

Международное юридическое сообщество детально рассматривает отдельные вопросы, касающиеся структуры международных организаций и их деятельности, в частности, такие как привилегии и иммунитеты как самих таких организаций, так и их сотрудников, вопросы правосубъектности, а также внутреннего права международных организаций, их ответственности в различных сферах сотрудничества, в том числе в области защиты окружающей среды [2. с. 11].

Следует отметить, что реальное функционирование современного глобального общества ставит огромное количество препятствий, которые зачастую сводят к нулю огромные усилия международных организаций в области решения экологических проблем и даже препятствуют давно назревшей выработке международной политики, адекватной действительности XXI века. Противоречие это, как ни странно, состоит в том, что человечество, признав официально завершение индустриального века и переход его в эпоху информации, на самом деле прилагает все усилия, как для разрушения всех экологических ценностей, так и для уничтожения результатов цивилизованных переговорных стратегий и современных договорных юридических отношений.

По мнению А.С. Алихаджиевой резкое увеличение производственных темпов в области природопотребления за последнее время стремительно ухудшило экологическую обстановку на земном шаре [3, с.8]. Она также отмечает, что в процессе хозяйственной и иной деятельности на своей территории государства могут оказывать вредное воздействие на состояние окружающей среды соседних государств. Трансграничный атмосферный перенос химических радиоактивных веществ приводит к выпадению кислотных дождей, тяжелых металлов и радиоактивных осадков на территориях других стран [4, с. 193].

В течение долгого периода времени как в XX так уже и в XXI ключевой международной организацией, призванной способствовать международному урегулированию ключевых проблем разных направлений является Организация Объединенных Наций и ее структурные подразделения.

Однако, разноплановость требующих решения проблем зачастую вступает в противоречие с эффективностью их решения. И главным здесь, становится постоянно усиливающийся рост политизации деятельности как ООН, так и других международных организаций. В результате чрезмерной политизации работы организаций, решающих проблемы международного сообщества, все чаще на задний план рассмотрения проблем и принятия решений отодвигаются именно проблемы экологические. Естественно, что все большее расширение территорий, где полыхают военные конфликты, причем в разных частях света, включая даже цивилизованную Европу, гибель множества людей в результате этих конфликтов, превращение множества территорий в театры военных действий, очистка которых и восстановление животного и растительного мира, потребует многих лет. Здесь пока даже трудно оценить временные масштабы, тем более, что положительных сдвигов в этой ситуации крайне мало.

Как отмечает А.С. Алихаджиева, экологическая безопасность как составная часть национальной безопасности России является одним из государственных приоритетов [3, с. 9].

И в ситуации современной глобальной действительности конкретные суверенные государства и РФ в частности, вынуждены в значительной мере взять на себя заботу об экологической безопасности своей страны и окружающего региона (учитывая практику переговорных процессов в подобной тематике) [5].

Для российских экологов в подобной ситуации основополагающим направлением должны стать, положения Указа Президента РФ «О стратегической национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» [6].

Как отмечает Президент РФ В.В. Путин развитие мира идет по пути глобализации всех сфер международной жизни, отличающаяся высоким динамизмом и взаимозависимостью событий. При этом между государствами обострились противоречия, связанные с неравномерностью развития в результате глобализационных процессов, а также углублением разрыва между уровнями благосостояния стран. Поэтому неизбежно усиление участия российского государства и в разработке глобальной экологической стратегии.

Исходя из вышеуказанного, можно предложить следующие направления работы для Российского законодателя в плане совершенствовании участия в работе международного сообщества по решению экологических проблем.

Российские экологи, исходя из полученных выводов, что наиболее действенным инструментом по решению глобальных экономических проблем можно считать ООН и структурные подразделения этой международной организации, должны на современном этапе в предлагаемых для рассмотрения ООН документах делать акцент на то, что многочисленные имеющие место в

рамках конкурентной борьбы за ресурсы агрессивных проявлениях ряда государств, в первую очередь США и членов НАТО, фактически нарушают сложившийся экологический баланс вблизи границ многих государств, в том числе Российской Федерации и границ ее союзников. Таким образом, наносится значительный вред здоровью ныне живущих и будущих поколений в указанных странах, который может быть приравнен фактически к скрытому применению средств равноценных химическому и биологическому оружию к населению РФ и сопредельных стран. Такое активное применение доводов и категорический отказ от несогласия с данными аргументами может привести к определенному усилению международных мер по решению экологических проблем в глобальном масштабе.

Список литературы

1. Копылов М.Н., Мишланова В.А. Вклад международных организаций в решение экологических проблем // <http://xn----7sbbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/3282> Дата размещения статьи 11.05.2015 г.
2. Право международных организаций / Под ред. И.П. Блищенко, А.Х. Абашидзе. – М.: РУДН, 2013. – 597 с.
3. Алихаджиева А.С. Стратегия экологического развития российского государства (анализ и прогнозы) // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015 № 8-6. С. 8-11.
4. Алихаджиева А.С. Экологическое право: краткий курс / А.С. Алихаджиева. – Ростов н/Д : Феникс, 2014. – 222 с.
5. Алихаджиева А.С. Интеграционные процессы в сфере реализации экологической политики стран-участниц ЕврАзЭС // Современное право. 2014. № 3. С. 142-147.
6. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2444; 2014. № 27. Ст. 3754.

ЖИЛИЩНЫЕ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ГРАЖДАН, ПРОЖИВАЮЩИХ В ОБЩЕЖИТИИ

Булгаков В.В.

доцент кафедры гражданского права, канд. юрид. наук,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
России, г. Тамбов

Феденко Н.Ю.

студентка 4 курса Института права и национальной безопасности,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
России, г. Тамбов

В статье раскрываются особенности субъектного состава, содержания жилищных правоотношений, возникающих по поводу пользования жилыми помещениями в общежитии, а также права граждан, проживающих в общежитии.

Ключевые слова: справедливость, жилищные правоотношения, общежитие.

Справедливость, как понятие, всегда охватывала и охватывает практически все стороны человеческой жизни. Она является как морально-нравственной категорией, так категорией политики и права.

В современный период сохраняется тенденция к изучению специфики проявления справедливости в сфере отдельных отраслей права [1, с. 5].

Справедливость – это внутреннее свойство и качество права, правовая категория и характеристика. Право по сути справедливо. Поэтому вопрос о справедливости или несправедливости закона можно смело интерпретировать как вопрос о правовом или не правовом характере закона, его соответствии или несоответствии праву [2, с. 4-5].

Справедливость, как общественное понятие предусматривает наличие определенной свободы для любого человека, включая право на жизнь, свободу вероисповедания, жилищные права и так далее.

Жилищные правоотношения, возникающие в общежитии, – это обособленный и самостоятельный элемент системы существующих жилищных правоотношений. Их обособленность обусловлена особенностями объекта, субъектного состава, а также содержания [3, с. 120].

Общежитием является специально построенные или переоборудованные для этих целей дома либо части домов [3].

Недопустимо предоставлять под общежитием часть жилого дома, например, одну секцию или один этаж многоэтажного дома. Это правило установлено для того, чтобы не ущемлять жилищные интересы граждан, проживающих в жилом доме в соответствии с договором найма, не создавать им дополнительные неудобства при проживании в доме. Под общежитием понимается как специально построенные, так и переоборудованные под общежитие жилые здания, т.е. дома, приспособленные именно для проживания указанных выше граждан и имеющие соответствующие санитарно-гигиенические и бытовые удобства. В таких домах должны быть предусмотрены наряду с жилыми комнатами помещения для занятий и для проведения культурно-просветительных мероприятий, а также помещения для бытового обслуживания проживающих.

Жилая площадь в общежитии предоставляется рабочим, служащим, студентам, учащимся по решению администрации предприятия, учреждения, организации, в ведении которых находится общежитие, на время работы или учёбы. На основании такого решения выдаётся специальный ордер на занятие предоставленной жилой площади в общежитии.

Проживающие в общежитии, с одной стороны, существенно ограничены в праве распоряжаться занимаемой жилой площадью (они не вправе требовать раздела, выдела, обмена жилой площади, вселения других членов семьи, сдачи в поднаём и т.д.), а с другой – им предоставлен ряд дополнительных полномочий, связанных со спецификой проживания в общежитии (пользование мебелью, постельными принадлежностями, другими предметами домашнего обихода и культурно-бытового назначения и т.д.) [4, с. 33].

Жилая площадь в общежитии предоставляется в размере не менее 6 кв. м на одного человека. Семьям предоставляются изолированные жилые по-

мещения. Вселяемому(ым) на основе договора найма выдается мебель, постельные принадлежности и другой инвентарь.

Размер платы за проживание и бытовые услуги для обучающихся (студентов) за счет средств соответствующего бюджета не может превышать 5% от размера стипендии.

Вместе с тем государственные образовательные учреждения профессионального образования в пределах нормативов самостоятельно устанавливают порядок и размеры оплаты за проживание в общежитии за предоставляемые коммунально-бытовые и другие услуги, непосредственно не связанные с образовательным процессом. К ним относятся дополнительные услуги, которые могут предоставляться только по желанию студентов и при наличии материально-технических возможностей (пользование телефоном, камерами хранения, пунктами проката бытовой орг-, теле-, радиотехники, химчисткой и прачечной, получение дополнительных медицинских услуг и т.п.).

В иных случаях за проживание в общежитии размер платы не должен превышать установленный органами исполнительной власти в данной местности уровень платы за жилье и коммунальные услуги в жилых муниципальных домах.

Наниматели, проживающие в общежитии как в специализированном жилом фонде, не вправе осуществлять обмен занимаемого жилого помещения, а также передавать его в поднаем. Они (наниматели) как имеющие права только временного проживания, при отсутствии другой жилой площади (на территории РФ) и наличии оснований признания малоимущими (ст. 49 ЖК РФ), вправе требовать от местных органов самоуправления постановки на учет на получение жилья в порядке ст. ст. 51, 52 ЖК РФ. Правовой режим семей, живущих в общежитиях, зависит от условий их проживания. Если члены семьи пользуются жилой площадью в общежитии на условиях, установленных для общежития, то на них распространяются нормы, регулирующие проживание в общежитиях. Если семья, проживающая в отдельной комнате в общежитии, на общих основаниях оплачивает жилую площадь и за коммунальные услуги по установленным ставкам, а не по ставкам для общежитий, то на членов данной семьи должны распространяться нормы, регулирующие отношения по найму жилых помещений.

Таким образом, проживание в общежитии представляет собой юридически интересный и одновременно простой процесс.

Список литературы

1. Булгаков В. В. Концепции справедливости в праве: автореферат доцент, канд.юр.наук. Тамбов. 2001. 23 с.
2. Булгаков В. В., Климова Г. О., Лозовская Е. А., Марикян М. М. Взаимосвязь права и справедливости // Научная электронная библиотека. Белгород. 2016. 8 с.
3. Карпенко Н.В. Особенности жилищного правоотношения, возникающего при пользовании жилым помещением в общежитии // Гражданское право и процесс. Москва. 2012. 150 с.
4. Жилищный кодекс Российской Федерации" от 29.12.2004 N 188-ФЗ (ред. от 06.07.2016).
5. Батычко В.Т. Жилищное право. Конспект лекций. Таганрог: ТТИ ЮФУ. 2009. 300 с.

ОБЩЕДОМОВАЯ СОБСТВЕННОСТЬ. ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Булгаков В.В.

доцент кафедры гражданского права, канд. юрид. наук,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
России, г. Тамбов

Переславцев А.О.

студент 4 курса Института права и национальной безопасности,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
России, г. Тамбов

В статье исследуются проблемные вопросы, касающиеся понятия и основных характеристик общедомовой собственности. На основе действующего федерального законодательства проанализирована нормативно-правовая регламентация деятельности, связанной с владением и пользованием общедомовой собственностью.

Ключевые слова: жилищные права, жилищное законодательство, жилое помещение, общедомовая собственность.

Общедомовой собственностью в многоквартирном доме называют такие зоны использования, которые, в соответствии с Жилищным кодексом РФ, являются собственностью всех жильцов в равной степени. И если приобретенной площадью владеет человек, то с общедомовой собственностью ситуация в корне обратная. Право собственности на общедомовое имущество имеют все жильцы дома. Проблемы с определением общедомового имущества существуют повсеместно. Зачастую происходит незаконное отчуждение с последующим оформлением в собственность. Как правило, большинство новоиспеченных владельцев квартир не знают о том, что при покупке самой жилплощади, помимо квадратных метров, собственник также получает во владение часть площади подвала, лестничной клетки, чердачного помещения и т.д. [6].

В соответствии со ст. 36 Жилищного Кодекса РФ:

1. Собственникам помещений в многоквартирном доме принадлежит на праве общей долевой собственности общее имущество в многоквартирном доме, а именно помещения в данном доме, не являющиеся частями квартир и предназначенные для обслуживания более одного помещения в данном доме, в том числе межквартирные лестничные площадки, лестницы, лифты, лифтовые и иные шахты, коридоры, технические этажи, чердаки, подвалы, в которых имеются инженерные коммуникации, иное обслуживающее более одного помещения в данном доме оборудование (технические подвалы);

2. Собственники помещений в многоквартирном доме владеют, пользуются и в установленных настоящим Кодексом и гражданским законодательством пределах распоряжаются общим имуществом в многоквартирном доме [3].

Жилищный Кодекс РФ определяет порядок отчуждения и выделения общедомового имущества, а также определяет признаки, по которым можно определить, является ли имущество многоквартирного дома общедомовым [3].

Для собственников многоквартирных домов очень важно иметь правильное представление о том, где завершается частная собственность и где начинается общедомовая. Можно привести пример: в соответствии с определением Волгоградского областного суда от 19 июля 2012 года, в котором Судебная коллегия установила:

«В настоящее время балкон квартиры, находящейся в собственности, пришел в полную непригодность, находится в аварийном состоянии. Собственники обратились в ООО «УК Тракторозаводского района» с заявлением о ремонте балконной плиты. Заявителю было предложено произвести ремонт балкона по решению общего собрания собственников за счет собственных средств. Собственники обратились в суд с иском к УК и просили возложить обязанность на ответчика произвести замену аварийной плиты...

Согласно п.п. 14 и 22 Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме и правил изменения размера платы за содержание и ремонт жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность, основанием для принятия решения о проведении капитального ремонта служит акт осмотра общего имущества, обязанность проводить который, возлагается на управляющую организацию [4]. Акт осмотра фиксирует состояние общего имущества и выявляет несоответствие его элементов требованиям законодательства, требованиям обеспечения безопасности граждан. Данные, указанные в акте осмотра, позволяют управляющей организации разработать мероприятия, необходимые для устранения выявленных дефектов, неисправностей, повреждений...

В соответствии со ст.161 Жилищного кодекса РФ при управлении многоквартирным домом управляющая организация несет ответственность перед собственниками помещений в многоквартирном доме за оказание всех услуг и (или) выполнение работ, которые обеспечивают надлежащее содержание общего имущества в данном доме и качество которых должно соответствовать требованиям технических регламентов и правил содержания общего имущества, за предоставление коммунальных услуг в зависимости от уровня благоустройства данного дома [3]...

Согласно ст.309 Гражданского кодекса РФ, обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиям закона [2]...

В результате проведенного 19 января 2012 года сотрудниками Государственной жилищной инспекции волгоградской области обследования санитарно-технического состояния общего имущества... выявлено локальное разрушение кирпичной кладки несущей стены, прогиб балконной плиты, трещины...

...Суд первой инстанции пришел к обоснованному выводу о наличии оснований для возложения обязанности на УК провести ремонт балкона».

Довод апелляционной жалобы УК о том, что балкон не относится к общему имуществу в многоквартирном доме, противоречит установленным по делу обстоятельствам. Балкон действительно относится к помещениям квартир, однако, учитывая, что капитального ремонта требует балконная плита, относящаяся к несущим конструкциям дома, ремонт должен осуществляться управляющей организацией.

Так же можно отметить то, что имущество, находящееся в собственности двух или нескольких лиц, принадлежит им на праве общей собственности [2]. Общая собственность возникает при поступлении в собственность двух или нескольких лиц имущества, которое не может быть разделено без изменения его назначения (неделимые вещи) либо не подлежит разделу в силу закона. По соглашению участников совместной собственности, а при недостижении согласия по решению суда, на общее имущество может быть установлена долевая собственность этих лиц [2].

В соответствии со ст.37 Жилищного кодекса РФ [3], доля в праве общей собственности на общее имущество в многоквартирном доме собственника помещения пропорциональна размеру общей площади указанного помещения. Доля каждого собственника определяется путем деления площади помещения (по свидетельству о собственности) на сумму площадей жилых и нежилых помещений в доме, находящихся в соответствующих видах собственности (частной, государственной), по следующей формуле: $D = S (\text{помещения собственника}) / S (\text{всех помещений в собственности в МКД})$, где, D – доля собственника помещения в праве общей собственности на общее имущество в многоквартирном доме; S (помещения собственника) – общая площадь жилого или нежилого помещения, принадлежащее конкретному собственнику; S (всех помещений в многоквартирном доме) – общая площадь всех жилых нежилых помещений в многоквартирном доме.

На практике, самой распространенной ситуацией незаконного использования общедомовой собственности в многоквартирном доме является несогласованная установка дверей в лифтовом четырехквартирном тамбуре, что по сути является незаконной перепланировкой. Наряду с этим всё же бывают значительные нарушения, связанные с единоличным занятием всей площади подвала или чердака, либо незаконным вмешательством в систему коммуникаций. Острой проблемой также является оплата коммунальных услуг, так как менее половины жильцов, по статистике, регулярно оплачивают счета по содержанию общих зон.

Выражение справедливости в праве в своей совокупности служат для того, чтобы максимально защищать интересы каждой личности и не наносить при этом ущерба общественному благу, интересам народа и государства, законным интересам других лиц [5, с. 40]. Законодательство четко и справедливо определяет степень ответственности и нормы штрафов при нарушении установленных правил использования общедомовой территории.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12.12.1993 г.) // Российская газета. 1993 г. № 237.

2. Гражданский Кодекс РФ от 30 ноября 1994 г. N 51-ФЗ (принят Государственной Думой 21 октября 1994 г.) // Российская газета. 8 декабря 1994. №238.

3. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. N 188-ФЗ // Российской газете" от 12 января 2005 г. N 1.

4. Постановление Правительства РФ от 13 августа 2006 г. N 491 "Об утверждении Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме и Правил изменения размера платы за содержание и ремонт жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность" (с изменениями и дополнениями) // Российская газета, от 22 августа 2006 г. N 184.

5. Булгаков В.В Принцип справедливости в праве. Диссертация // Вопросы теории государства и права: историко-правовые исследования. Сборник научных трудов. Тамб.: Издат.дом ТГУ. 2004. С. 40.

6. Шешко Г. Жилищное законодательство. Проблемы и перспективы его совершенствования // Жилищное право. 2012. №12. С. 7.

ОСОБЕННОСТИ ЖИЛИЩНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, ЛИЦ, УВОЛЕННЫХ С ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ, И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ

Булгаков В.В.

доцент кафедры гражданского права, канд. юрид. наук,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
России, г. Тамбов

Ефанова Е.А.

студентка 4 курса,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
России, г. Тамбов

В статье исследуются проблемные вопросы, касающиеся прав военнослужащих на получение жилых помещений. На основе Жилищного Кодекса РФ проанализированы особенности жилищного обеспечения военнослужащих, лиц, уволенных с военной службы, и членов их семей.

Ключевые слова: жилищные права, служебные жилые помещения, военная служба, жилищный фонд социального использования, военнослужащие, лица, уволенные с военной службы.

Правовое регулирование жилищных правоотношений с участием военнослужащих осуществляется в соответствии с Жилищным кодексом Российской Федерации, Федеральным законом "О статусе военнослужащих", а также другими законодательными и иными нормативными правовыми актами. Следует отметить, что военнослужащие относятся к той категории граждан, которым государство гарантирует предоставление жилых помещений. Государство, предоставляя права гражданам, придает определенную ориентацию всей общественной жизни. Наделенный широкими и реальными правами

гражданин становится сознательным участником важнейших социальных процессов. Он пользуется доверием государства, опирающегося на его сознательность, умение сочетать в своих действиях личные и общегосударственные интересы. Вместе с тем, вырабатывается новое отношение личности к государству: государство рассматривается личностью уже не в качестве чего-то чужеродного, а в качестве специфического учреждения, которое служит интересам всех и каждого и заслуживает, следовательно, уважения всех и каждого [3, с. 116].

Предоставление военнослужащим и совместно проживающим с ними членам их семей жилых помещений жилищного фонда социального использования (по договорам социального найма) осуществляется в соответствии со статьями 51 и 57 Жилищного кодекса РФ. Основания для предоставления гражданам жилых помещений по договорам социального найма определяются исходя из уровня обеспеченности их жильем.

Военнослужащие, обеспечиваемые служебными жилыми помещениями, заключают с Министерством обороны Российской Федерации (иным федеральным органом исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба) договор найма служебного жилого помещения. В нем оговаривается порядок предоставления служебного жилого помещения, его содержания и освобождения. Условия и порядок заключения такого договора определяются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти.

Военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, в период прохождения ими военной службы имеют право на улучшение жилищных условий с учетом норм, очередности и социальных гарантий, установленных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации [1]. Можно сказать, что это обусловлено тем, что законы РФ основываются на справедливости, в свою очередь, справедливость есть соответствие между действиями гражданина, его трудовым вкладом и ответной реакцией общества. Трудовое законодательство, например, призвано установить механизм справедливого вознаграждения за труд: тот, кто больше и лучше работает, должен больше получать [4, с. 106]. Также и в военной сфере, высокая государственная и общественная значимость воинского труда заслуживает справедливого вознаграждения.

За военнослужащими, обеспечиваемыми служебными жилыми помещениями, на первые пять лет военной службы по контракту (не считая времени обучения в военных образовательных учреждениях профессионального образования) сохраняется право на жилые помещения, занимаемые ими до поступления на военную службу. Они не могут быть исключены из списков нуждающихся в улучшении жилищных условий по месту жительства до призыва (поступления) на военную службу.

Военнослужащим, обеспечиваемым на весь срок военной службы служебными жилыми помещениями и признанным нуждающимися в жилых помещениях в соответствии с Жилищным кодексом Российской Федерации, по достижении общей продолжительности военной службы 20 лет и более, а при

увольнении с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями при общей продолжительности военной службы 10 лет и более предоставляются бесплатно жилые помещения, находящиеся в федеральной собственности [2]. Это жилье они получают на основании решения федерального органа исполнительной власти, в котором предусмотрена военная служба, в собственность или по договору социального найма с указанным федеральным органом исполнительной власти по избранному постоянному месту жительства и в соответствии с нормами предоставления площади жилого помещения, предусмотренными статьей 15.1 Федерального закона «О статусе военнослужащих». Порядок признания указанных лиц нуждающимися в жилых помещениях и порядок предоставления им жилых помещений в собственность бесплатно определяются Правительством Российской Федерации.

Военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, предоставляется по их желанию право на вступление в жилищно-строительные (жилищные) кооперативы либо на получение ими земельных участков для строительства индивидуальных жилых домов.

Жилищное строительство и приобретение жилого помещения для военнослужащих осуществляются за счет средств федерального бюджета федеральными органами исполнительной власти, в которых предусмотрена военная служба.

Обеспечение жилыми помещениями граждан, уволенных с военной службы и до 1 января 2005 года принятых на учет в муниципальных образованиях в соответствии с жилищным законодательством в качестве нуждающихся в жилых помещениях, осуществляется в соответствии с жилищным законодательством, а также за счет средств федерального бюджета путем выдачи государственных жилищных сертификатов органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации [6].

Военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, и члены их семей, прибывшие на новое место военной службы, до получения жилых помещений по нормам, установленным федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, регистрируются по месту жительства, в том числе по их просьбе по адресам воинских частей. Военнослужащим и членам их семей до получения жилых помещений предоставляются служебные жилые помещения или общежития.

В случае отсутствия указанных жилых помещений воинские части арендуют жилые помещения для обеспечения военнослужащих и совместно проживающих с ними членов их семей или по желанию военнослужащих ежемесячно выплачивают им денежную компенсацию за наем (поднаем) жилых помещений в порядке и размерах, которые определяются Правительством Российской Федерации.

На данный момент вопрос обеспечения жильем военнослужащих и членов их семей приобретает особую значимость и имеет множество спорных моментов, требующих скорейшего разрешения. Ведь каждый человек

заинтересован в том, чтобы активно участвовать в делах своего учреждения, в делах своего государства. Каждый человек хочет быть уверенным в своем завтрашнем дне, в устроенном будущем своих детей. Поэтому долг каждого государства создать все необходимые условия для удовлетворения этих социальных потребностей [5, с. 161].

Список литературы

1. Федеральный закон "О статусе военнослужащих" от 27.05.1998 № 76-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 15. Ст. 15.
2. Жилищный кодекс Российской Федерации: официальный текст от 29 декабря 2004. № 181-ФЗ. Ст. 51 – М.: Норма, 2007. 138 с.
3. Булгаков В.В. Концепция справедливости в праве. Автореф. дис. канд. юрид. наук. Белгород. 2002. 116 с.
4. Булгаков В.В. Концепция справедливости в праве. Автореф. дис. канд. юрид. наук. Белгород. 2002. 106 с.
5. Булгаков В.В. Концепция справедливости в праве. Автореф. дис. канд. юрид. наук. Белгород. 2002. 161 с.
6. Юридический справочник. Жилищное обеспечение военнослужащих. Государственные жилищные сертификаты и накопительно-ипотечная система / В. К. Белов. – М.: Пресс, 2009. 452 с.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЖИЛЬЕМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Булгаков В.В.

доцент кафедры гражданского права, канд. юрид. наук,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
России, г. Тамбов

Мирович А.Р.

студент 4 курса (42гр.) Института права и национальной безопасности,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
Россия, г. Тамбов

В статье рассмотрены положения законодательства Российской Федерации, которые регламентируют порядок обеспечения жильем военнослужащих.

Ключевые слова: жилищное право, жилье, военнослужащие.

Определение служебного жилья предусмотрено статьей 93 Жилищного кодекса Российской Федерации. Согласно данной статье, служебное жилье – это помещение, которое предназначено для проживания граждан в связи с их трудовыми отношениями с органом государственной власти, органом местного самоуправления, государственным или муниципальными учреждениями, а также в связи с прохождением службы, занятием государственной должности Российской Федерации или субъекта Российской Федерации. Согласно статье 104 Жилищного кодекса Российской Федерации, служебное жилье предоставляется гражданам в виде отдельной квартиры или жилого дома [1].

Порядок предоставления служебного жилья военнослужащим регулируется статьей 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих». Данная статья закрепляет право военнослужащего на служебное жилье. Рассмотрим условия обеспечения военнослужащих служебным жильем. Военнослужащим, заключившим контракт о прохождении военной службы до 1 января 1998 года, кроме курсантов, проходивших обучение в военных образовательных организациях, Данной категории военнослужащих служебное жилое помещение предоставляется до обеспечения жилым помещением в собственность или по договору социального найма по месту прохождения военной службы. При увольнении с военной службы, в случае достижения гражданского срока пребывания на военной службе либо по состоянию здоровья или при увольнении в связи с организационно-штатными мероприятиями при общей продолжительности военной службы не менее 10 лет.

Военнослужащие, которые поступили на военную службу по контракту после 1 января 1998 года до 1 января 2005 года, в этот же период окончившие военные образовательные учреждения имеют право на обеспечение жилыми помещениями в течении всего срока прохождения военной службы.

Военнослужащие, которые поступили на службу после 1 января 2005 года, имеют право на обеспечение жилыми помещениями в течении всего периода прохождения военной службы. Их право на получения в собственность жилого помещения может быть реализовано путем участия в накопительно-ипотечной системе [2].

Исходя из этого, можно сделать вывод, о том, что нормы российского законодательства предусматривают предоставление жилых помещений по договору найма служебного помещения для всех военнослужащих, не обладающих жильем в месте прохождения службы.

Государственное обеспечение военнослужащих жильем предполагает такие формы как: предоставление социальных выплат на покупку жилья за счет средств федерального бюджета, нередко данная форма именуется в юридической литературе как выдача жилищных сертификатов, а также участие в накопительной ипотечной системе жилищного обеспечения. Данная система основана принципе сочетания общих и специальных видов социального обеспечения военнослужащих с преобладанием специальных видов обеспечения. Кроме военных, практика предоставления жилищных сертификатов используется и для других категорий граждан, таких, как жертвы радиационных катастроф, вынужденные переселенцы и лица, выезжающие из районов крайнего севера, что может свидетельствовать о достоинствах и универсальности данного института. Жилищные сертификаты предоставляются также жертвам радиационных аварий, вынужденных переселенцев, лиц, выезжающих из районов Крайнего севера и приравненных к нему местностей. Право получения социальной выплаты за счет средств федерального бюджета должно быть удостоверено сертификатом, который по своей юридической природе является именованным свидетельством [4 с. 173].

Размер накопительного взноса на одного участника накопительно-ипотечной системы устанавливается федеральным законом о федеральном

бюджете на год внесения накопительного взноса в размере не менее чем накопительный взнос, полученный путем индексации фактически начисленного и перечисленного накопительного взноса предыдущего года с учетом уровня инфляции, предусмотренного прогнозом социально-экономического развития Российской Федерации на очередной год.

В случае приобретения распорядителем счета жилого помещения, за счет средств, выданных банком или иной кредитной организацией, то в этом случае возможно перечисление средств социальной выплаты кредитным организациям для погашения задолженности по кредиту. В случае, если владелец сертификата не имеет возможности воспользоваться правом на получение выделенной для него социальной выплаты, то у него сохраняется право на улучшение жилищных условий

Необходимо сказать, что особые меры социальной защиты военнослужащих определены характером военной деятельности, которая имеет большое значение для функционирования общества и государства, что предполагает предоставление данной категории граждан особого объема прав на социальное обеспечение.

Проанализировав законодательство, регулирующие предоставления жилья военнослужащим, можно найти некоторое несовершенство данного законодательства. Относительно всех военнослужащих, которые не являются участниками накопительно-ипотечной системы, законодательство допускает «зачет» имеющихся у военнослужащего частных жилищных прав как основание для освобождения органов государственной власти от обязанности от обеспечения военнослужащих ведомственным жильем. Данное положение не соответствует принципу социальной справедливости. В.В. Булгаков считает, что на данный момент законодательство не всегда отражает социальную справедливость [5 с. 142]. Данная проблема усугублена еще и тем, что при увольнении с военной службы по следующим основаниям достижения предельного возраста пребывания на военной службе, в случае наличия заболеваний, не позволяющих продолжать военную службу, в связи с организационно-штатными мероприятиями, а также семейными обстоятельствами, то в данном случае военнослужащий приобретает право пользования накоплениями для покупки жилья. После увольнения с военной службы, именной накопительный счет гражданина становится закрытым и перечисление денежных средств, предназначенных для погашения ипотечного кредита будет прекращено, и погашать задолженность по ипотечному кредиту гражданину придется из своих собственных средств.

Список литературы

1. Жилищный Кодекс Российской Федерации (ЖК РФ) от 29.12.2004 г. № 188-ФЗ (в ред. от 06.07.2016) // Российская газета. – № 1. – 12.01.2005 / СПС Консультант-Плюс
2. Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ (ред. от 03.07.2016) "О статусе военнослужащих" // "Российская газета" - № 104 "Собрание законодательства РФ", № 22.
3. Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ "О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих" "Собрание законодатель-

ства РФ", 23.08.2004, № 34, "Парламентская газета", № 155-156, 25.08.2004, "Российская газета", № 182, 25.08.2004.

4. Антипьева Н.В. Жилищное обеспечение как способ компенсации социального риска военнослужащих Вестник Омского университета. Серия: Право. 2009. № 4. С. 169.

5. Булгаков В.В. Концепция справедливости в праве. диссертация кандидата юридических наук. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина. Тамбов, 2001.

СТАНОВЛЕНИЕ ИДЕЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ОБЩЕСТВЕ

Булгаков В.В.

доцент кафедры гражданского права, канд. юрид. наук,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
России, г. Тамбов

Долгов А.С.

студент кафедры уголовного права и процесса,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
России, г. Тамбов

В статье рассматривается становление и развитие идей справедливости, а также роль реализации справедливости.

Ключевые слова: справедливость, общество, право, Платон, Аристотель, Бэкон.

Значимость идеи справедливости для правового знания настолько велика, что продолжительный период времени в правоведении стойко держалось представление, что справедливость творит право, полностью предваряет его. Дело в том, что ни справедливость не творит исчерпывающее право, ни право не создает содержательную справедливость. Эти явления воздействуют друг на друга всепроникающе и основательно. Правовые установления, оторванные от требований справедливости, утрачивают гуманистическое духовное содержание, нравственную ценность [1, с. 111].

С древнейших времен лучшие умы человечества пытались отыскать понятие "справедливость".

Все представления о справедливости, которые складывались в обществах древнего востока, были неоднородными. В них отражалась противоречивость социальной структуры общества.

К примеру, для моистов справедливость – это то, что полезно людям. В моистском понимании взаимосвязь "справедливости" и "пользы" является оправданием и обоснованием принципа "экономического утилитаризма". Анализируя позиции моистов, М.Л. Титаренко пишет: "Справедливым называется такой образ действий, когда человек стремится выполнять свои обязанности так, чтобы приносить "всеобщую пользу"... Справедливость означает, что каждый занят своим делом, и никто не ведет праздный, паразитный

образ жизни, каждый трудится там, где может, и все приносят пользу друг другу, следуя принципу “взаимной выгоды” [1, с. 145].

У натурфилософов античности понятие справедливости тесно связано понятием рока, судьбы и является проявлением «божественного». Гераклит пишет: “У бога прекрасно все и хорошо, и справедливо, люди же одно считают несправедливым, другое справедливым” [3, с. 50].

Также в Древней Греции были и иные понимания идеи справедливости.

Демокрит на первый план выдвигает утверждение объективного характера справедливости. Справедливость неотделима от природы, выражает ее сущность.

Сократ называл справедливость драгоценнее всякого золота. Он стремился доказать существование единого и общего понятия справедливости, связывая его с нравственностью и знанием. Несправедливость неестественна, так как она плод незнания, заблуждения [1, с. 17].

Платон сделал справедливость почти синонимом права. Размышляя, Платон приходит к выводу о том, что справедливость – не столько личная, сколько государственная добродетель.

Наиболее стройную концепцию справедливости создал в античной философии Аристотель. Справедливость для Аристотеля – важнейшее понятие, без которого не может существовать ни гражданская, ни политическая жизнь. Центральным понятием, характеризующим справедливость, для Аристотеля выступает “соразмерность” как принцип организации разумного равновесия. То, что соразмерно, то и справедливо [1, с. 20].

Учение о праве и справедливости средневековой эпохи отличается от соответствующих античных воззрений по своим исходным пунктам: во-первых, наряду с государством признается еще более авторитетная власть – церковь; во-вторых, считается, что подлинная сущность человека окончательно раскрывается лишь по ту сторону жизни. При таком подходе справедливость и право не могли не получить превратного истолкования. Аристотелевские идеи были подчинены доказательству того, будто церковь в земных условиях является единственным проводником божественной справедливости. Насквозь пронизанная религиозными верованиями, духовная жизнь средневековья способствовала широкому распространению подобных представлений. Отчасти и по этой причине социальные процессы в эту эпоху развивались чрезвычайно медленно, не затрагивая глубинных явлений.

Ярким представителем философии средневековья был Фома Аквинский. Доминирующим началом в его философии справедливости являлось полное лишение категории справедливости земного, социального характера и превращение ее в одно из средств укрепления существующих общественных отношений.

Основателем философии нового времени был Френсис Бэкон. Он обратил особое внимание на политическую справедливость, в которой он видел не произвол монарха, а интересы государства. Он подчеркивал: “Власть и государство всего лишь придатки справедливости; если бы можно было осуществлять справедливость каким-то иным путем, то в них не было бы ника-

кой нужды”. Бэкон утверждал, что справедливость есть то, что объединяет людей и создает основания для права.

Историческая и логическая характеристика категории “справедливости” важна для истории общественной мысли, юридических дисциплин. В истории человеческой мысли проблема справедливости истолковывалась разным образом. Сложность характеристики категории справедливости обусловлена и многоаспектностью. Одно и то же слово выражало в истории и философское, и этическое, и юридическое понятие, использовалось для закрепления не только теоретического и идеологического, но и социально-психологического отношения к действительности. Исторический опыт убедительно свидетельствует, что любые попытки выработать концепцию справедливости, не связанную с классовым анализом социальных явлений, неумолимо отбрасывают исследователей к сугубо классовым позициям, существование которых они игнорируют. Но без этой истории не может быть понято многообразие современных теорий справедливости [1, с. 35].

Список литературы

1. Булгаков В. В. Концепция справедливости в праве.
2. Материалисты Древней Греции. М., 1955.
3. Титаренко М.Л. Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение. М., 1985.
4. Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук. Соч. Т. 1. М., 1971.
5. Теория государства и права / Под ред. Н.А. Катаева и В.В. Лазарева. Уфа, 1994.

ДОГОВОРНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА В СИСТЕМЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Ганжина В.И.

магистрант, Московская академия экономики и права,
Россия, г. Москва

В статье исследуются вопросы места договорных обязательств в системе гражданско-правовых обязательств Российской Федерации, анализируются различные подходы к классификации договорных обязательств в цивилистике и рассматриваются особенности классификации обязательств на регулятивные и охранительные.

Ключевые слова: обязательства, договор, договорные обязательства.

Необходимым условием изучения обязательств является их систематизация, которая может быть осуществлена посредством их классификации.

В цивилистике существуют классификации обязательств по различным основаниям. В рамках проводимого исследования договорных обязательств основным критерием классификации обязательства выступают основания возникновения обязательства. По данному основанию обязательства классифицируются на договорные и внедоговорные [1]. Полагаем, что данное деление не вполне отражает особенности их правового режима, так как категорией внедоговорных обязательств охватываются и обязательства из причинения

вреда и обязательства из односторонних сделок и иных правомерных действий, при этом их правовой режим значительно отличается. Представляется целесообразным деление осуществлять в зависимости от функционального назначения соответствующих правовых институтов. По этому критерию обязательства можно дифференцировать на регулятивные и охранительные. Следует отметить, что Е.А. Крашенинниковым была предложена в свое время классификация обязательственных договоров на регулятивные (например, договор купли-продажи), регулятивно-охранительные (например, договор имущественного страхования) и охранительные (например, договор поручительства) [2].

Регулятивные обязательства опосредуют имущественный оборот в его нормальном, ненарушенном виде; охранительные возникают при нарушении субъективных гражданских прав и опосредуют их восстановление. К регулятивным относятся, в том числе, договорные обязательства, квазидоговорные обязательства, а также обязательства из односторонних сделок (объявление конкурса, публичное обещание награды). Правовой режим этих обязательств отличается максимально возможной степенью диспозитивности, их содержание определяется законом и волей участников гражданского оборота. Любое договорное обязательство возникает в силу заключения договора [3].

Внедоговорные или охранительные обязательства включают в себя обязательства вследствие причинения вреда и обязательства из неосновательного обогащения. Их содержание определяется исключительно законом; правовое регулирование охранительных обязательств отличается значительной императивностью, не свойственной обязательственному праву в целом; возникают они, главным образом, из противоправных действий.

Деление обязательств на регулятивные и охранительные совпадает с соответствующим делением гражданских правоотношений в целом. Регулятивные обязательства возникают вследствие правомерных юридических действий (прежде всего, договоров) и опосредуют удовлетворение интересов участников гражданских правоотношений в нормальных условиях гражданского оборота. Охранительные обязательства возникают в результате правонарушения, оспаривания или при других помехах в осуществлении права. Они призваны обеспечить защиту субъективных гражданских прав лица или его охраняемых законом интересов. К числу охранительных относятся, в частности, обязательства вследствие причинения вреда (гл. 59 ГК РФ) и обязательства из неосновательного обогащения (гл. 60 ГК РФ). В рамках охранительных обязательств реализуются и меры защиты (ответственности) участников договора (возмещение убытков, уплата неустойки и т.п.).

В зависимости от цели заключаемых договоров (направленных на передачу имущества в собственность, в пользование и др.) различают и виды договорных обязательств: по передаче имущества в собственность; по передаче имущества в пользование; по выполнению работ; по оказанию услуг; связанные с совместной деятельностью; по использованию результатов интеллектуальной деятельности, в том числе объектов интеллектуальной собственности; по страхованию.

Помимо указанной, существуют и иные классификации обязательств. Обязанность должника может состоять в совершении определенного действия или воздержании от такового. В первом случае говорят об обязательствах «положительных», во втором – «отрицательных».

В зависимости от предмета «положительные» обязательства могут быть подразделены на: обязательства передать имущество (включая денежные обязательства); обязательства выполнить работу; обязательства оказать услугу.

Также теория производит деление обязательств на альтернативные и факультативные. Альтернативным (разделительным) признается обязательство, в котором существует не один, а несколько предметов, причем предоставление любого из указанных предметов является надлежащим исполнением. Предметы альтернативного обязательства могут быть однородны или разнородны. Так, нет препятствий для установления обязательства, согласно которому должник обязуется передать определенную вещь или выполнить оговоренную работу. Каждый из предметов альтернативного обязательства имеет самостоятельное значение этого вытекает, что недействительность одного из действий по альтернативному обязательству не затрагивает остальных, а надлежащим является исполнение целиком в отношении одной из альтернатив.

Альтернативные обязательства следует отличать от обязательств родовых. В рамках последних существует единственный предмет, определенный родовыми признаками. При исполнении такого обязательства имеет место не выбор предмета исполнения (ибо все возможные предметы исполнения одинаковы), а только отделение или выделение из общей массы требуемого количества.

Право выбора предмета исполнения в альтернативном обязательстве по общему правилу предоставляется должнику (ст. 320 ГК РФ). Однако иное может вытекать из закона, иных правовых актов или существа обязательства. Так, завещатель в рамках завещательного отказа (легата) может предоставить именно отказополучателю (кредитору) возможность выбора одного из нескольких альтернативных предметов. Стороны при установлении альтернативного обязательства договором могут наделить правом выбора кредитора.

Право выбора предмета исполнения осуществляется посредством заявления уполномоченной на это стороны. Указанное заявление прекращает альтернативность обязательства, превращая его в простое (ординарное).

Являясь действием волевым и целенаправленным, заявление по своей юридической природе представляет собой одностороннюю сделку. Как следствие, оно производит правовой эффект с момента его восприятия другой стороной. Заявление о выборе может быть сделано в любой форме, в том числе путем конклюдентных действий (например, предоставлением со стороны должника одного из предметов обязательства). Оно является актом безусловным, окончательным и не подлежит отмене.

В отсутствие прямого законодательного решения достаточно дискуссионным является вопрос о влиянии неисправности должника на право выбора

предмета исполнения. Судебная практика рассматривает подобную ситуацию как основание для «автоматического» перехода права выбора к кредитору.

От решения вопроса, кому – должнику или кредитору – предоставлено право выбора предмета исполнения, в значительной степени зависят последствия невозможности исполнения обязательства одним из двух альтернативных предметов. Так, случайная гибель одного из предметов прекращает альтернативность, превращая правоотношение в обязательство с одним предметом. Если причиной невозможности является вина кредитора, которому и предоставлено право выбора, за ним признается право или требовать передачи оставшегося предмета, но с обязательством вознаградить за погибший предмет, или остановить свой выбор на погибшем предмете и таким образом ликвидировать обязательство. Если один из предметов погибает по вине должника, а право выбора предоставлено кредитору, последний вправе передать либо оставшийся предмет, либо компенсацию за погибший. При невозможности, возникшей по вине должника, имеющего право выбора, он вправе или передать кредитору оставшийся предмет или предоставить компенсацию за погибший предмет. Если один из предметов погибает по вине кредитора, то в ситуации, когда выбор предмета исполнения принадлежит должнику, последний может остановить свой выбор на погибшем предмете и тем самым прекратить обязательство либо исполнить другое условленное действие и потребовать возмещения за погибший предмет.

К альтернативным близко примыкают, хотя и отличаются от них, обязательства факультативные (заменительные). Последние характеризуются тем, что имеют единственный предмет исполнения, однако должник вправе заменить его другим, заранее оговоренным предметом. Например, завещатель может обязать наследника (должника) передать отказополучателю определенную вещь, предоставив ему возможность заменить передачу вещи уплатой денежной суммы.

Право на замену предмета исполнения в факультативном обязательстве принадлежит всегда и исключительно должнику. Кредитор имеет право требования лишь в отношении основного предмета исполнения. Недействительность основного предмета факультативного обязательства влечет недействительность обязательства в целом. Невозможность исполнения обязательства основным предметом прекращает обязательство, невозможность же того действия, которое может быть заменой, не касается существа долга.

Если предмет обязательства характеризуется признаками, свойственными целой категории действий, то обязательство будет родовым. Если, напротив, он определяется только ему присущими признаками, будет иметь место видовое обязательство.

Так, в договоре продажи недвижимости требуется указание данных, позволяющих определенно установить недвижимое имущество, подлежащее передаче покупателю (ст. 554 ГК РФ), а следовательно, такое обязательство всегда будет видовым. Видовым будет и обязательство передать телевизор установленной марки и модели с определенным заводским номером. Однако обязательство передать телевизор будет родовым, если стороны согласовали лишь тип и размер диагонали экрана.

Применительно к родовым обязательствам необходимо иметь в виду, что род есть понятие относительное, которое само по себе не имеет определенных границ. Род может быть сам видом по отношению к другому, более широкому роду. Соответственно, не может быть обозначен род слишком обширный, со свободой выбора почти беспредельной. В подобном случае следует констатировать отсутствие согласования предмета обязательства и, как следствие, незаключенность договора.

Исполнение родового обязательства предполагает выделение предмета исполнения из общей массы предметов данного рода. Право выделения в родовых обязательствах всегда принадлежит должнику, который, в отсутствие соглашения об ином, должен предоставить вещи среднего качества.

Специфика родовых обязательств заключается также в том, что они не способны прекратиться невозможностью исполнения, ибо «род не гибнет».

Обязательства, предмет которых может быть разделен на однородные части так, чтобы каждая часть сохраняла все существенные свойства целого, считаются делимыми. Обязательства, предмет которых не допускает такого разложения на части, признаются неделимыми. К числу неделимых относятся обязательства по передаче неделимой вещи (ст. 133 ГК). Неделимыми являются обязательства по оказанию услуг, за исключением случаев, когда речь идет о периодическом осуществлении исполнителем однотипных действий (однотипной деятельности). Неделимы также все «отрицательные» обязательства. Напротив, делимыми в силу своих естественных свойств являются обязательства денежные.

Практическое значение вопроса о делимости обязательства состоит не только и не столько в том, что делимое действие может быть исполняемо должником по частям. По общему правилу всякое обязательство должно быть исполнено в полном объеме в виде однократного акта (ст. 311 ГК РФ), и кредитор не обязан принимать частичного исполнения, если законом или соглашением сторон не установлено иное.

Основная особенность неделимых обязательств выражается в том, что в случае множественности субъектов такого обязательства закон устанавливает для них режим солидарности (п. 1 ст. 322 ГК). В отношении же делимых обязательств в подобной ситуации действует общее правило – множественность является долевой, если из закона или условий обязательства не вытекает иное (ст. 321 ГК).

В литературе неоднократно предпринимались попытки охватить единой классификацией всю систему обязательств в целом. Так, М.В. Гордон на основании комбинированного использования двух критериев – экономического (природа опосредуемого отношения) и юридического (достигаемый правовой результат) предлагал дифференцировать обязательства на пять групп. В дальнейшем эта классификация была усовершенствована О.С. Иоффе, выделявшим уже 11 групп обязательств. Однако недостаток подобного построения состоит в том, что «комбинированный критерий» превращается здесь в простую сумму критериев, благодаря чему единственное основание деления заменяется неограниченным их числом. В приведенной группировке

проявляются скорее черты инвентаризации обязательственных правоотношений, нежели их классификации, в связи с чем теоретическое и практическое значение ее невелико.

Таким образом, классификация обязательств может осуществляться по различным критериям, однако в рамках исследования договорных обязательств наибольшее теоретическое и практическое значение имеет деление обязательств на регулятивные и охранительные.

Список литературы

1. Гражданское право: учебник: в 2 т. / О.Г. Алексеева, Е.Р. Аминов, М.В. Бандо и др.; под ред. Б.М. Гонгало. М.: Статут, 2016. Т. 2. 528 с. // СПС КонсультантПлюс. (Дата обращения: 07.09.2016).
2. Крашенинников Е.А. Основания возникновения притязаний // Очерки по торговому праву. Ярославль, 2002. Вып. 9. С. 6 – 8.
3. Договорное право России: реформирование, проблемы и тенденции развития: монография / Е.Е. Богданова, Л.Ю. Василевская, Е.С. Гринь и др.; под общ. ред. Л.Ю. Василевской. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2016. 192 с. // СПС КонсультантПлюс. (дата обращения: 07.09.2016).

ИЗМЕНЕНИЯ В ФОРМАХ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКО-ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СУБЪЕКТАХ СКФО

Голяндин Н.П.

профессор кафедры специальных дисциплин, канд. юрид. наук, доцент,
СКИ(ф) КрУ МВД России, Россия, г. Нальчик

В статье на основе обобщения результатов деятельности правоохранительных структур выделены основные изменения и тенденции трансформации форм проявления экстремистско-террористической деятельности, происшедшие в субъектах Северо-Кавказского федерального округа за последние пять лет.

Ключевые слова: правоохранительные органы, терроризм, экстремизм, Северный Кавказ, псевдорелигиозный экстремизм.

Северо-Кавказский федеральный округ продолжает оставаться одним из основных центров формирования угроз безопасности Российской Федерации, где по данным ГИАЦ МВД России на протяжении шести лет неизменно фиксируются около половины террористических актов и экстремистских проявлений от общего количества совершенных в стране.

Таблица

Обобщенные сведения о зарегистрированных преступлениях экстремистско-террористического характера [4]

	2015	2014	2013	2012	2011	2010
По Российской Федерации	2867	2160	1557	1333	1244	1143
В том числе по СКФО	1312	976	666	621	627	502
Удельный вес %	45,8	45,2	42,8	46,6	50,4	43,9

Безусловно, статистические данные о зарегистрированных преступлениях не отражают всей объективной картины их распространенности в регионе и в стране. Значительное количество фактов насильственных преступлений, в том числе связанных с причинением смерти, первоначально регистрируется по общеуголовной статистике и только позже, во время предварительного следствия, выявляются мотивы экстремистско-террористического характера.

Однако при всей относительной объективности статистических данных, следует признать, что сегодня в регионе значительное влияние на оперативную обстановку оказывает деятельность экстремистских организаций с псевдорелигиозной мотивацией. Прикрываясь религиозными учениями их организаторы и участники, пытаются спровоцировать противостояние между последователями различных религиозных конфессий, внедрить в сознание населения, прежде всего, молодежи, псевдорелигиозные лозунги, направленные на насильственное изменение социально-политического и государственного устройства нашей России.

В ходе проводимых многолетних исследований в Северо-Кавказском регионе [1, с. 462], мы обратили внимание на существенные изменения, происшедшие в последние 2-3 года, как в содержании самого «религиозного экстремизма», так и в различных его формах проявления.

Следует уточнить, что мы согласны с мнением тех специалистов, которые считают, что законодательное закрепленный термин «религиозный экстремизм» [5, п. 40] не совсем правомерно, поскольку религия по своей сути не может нести агрессию, а если несет, то это уже не религия [2, с. 193]. В то же время, экстремистские организации для реализации своих целей, активно эксплуатирует отдельные доктринальные положения религий. Например, для действующих на территории Северо-Кавказского региона экстремистско-террористического бандподполья – использование исламских доктрин, а для праворадикальных экстремистских групп – достаточно широкий спектр псевдорелигиозных воззрений от язычества до современных сект разного толка. Поэтому, мы считаем, вполне обоснованным применение терминологии, определяющей рассматриваемое явление как «экстремистские проявления с использованием псевдорелигиозной мотивации» либо как «псевдорелигиозный экстремизм».

Комплексный анализ результатов правоохранительной деятельности силовых структур СКФО за последние пять лет позволяет нам выделить наиболее характерные признаки, связанные с изменением характера и форм экстремистских проявлений псевдорелигиозной мотивацией.

Псевдорелигиозный экстремизм в условиях СКФО из движения по легализации положений ислама (в первую очередь шариата) в правовую систему отдельных субъектов России трансформировался в криминально-политическое явление, которое при определенных условиях продолжает оказывать значительное влияние на дестабилизацию социально-политической ситуации регионе и в стране в целом.

Псевдорелигиозный экстремизм в регионе приобрел организованный, четко спланированный и целенаправленный характер, его субъектами и выразителями сегодня выступают экстремистско-террористические движения, по типу незаконных вооруженных формирований. Практически все факты возбуждения уголовных дел в Российской Федерации (2015г. – 396) по признакам ст. 208 УК РФ приходятся на СКФО (2015г. – 377) [4].

Вместе с тем, отмеченная активность организованных псевдорелигиозных экстремистских групп за счет увеличения в 2011- 2016 годах вооруженных нападений на сотрудников правоохранительных органов, авторитетных религиозных и светских деятелей, а также совершение отдельных террористических актов, скорее носит характер спонтанной мести за результативные действия силовых структур по ликвидации лидеров и активных участников экстремистского бандподполья и снижения их пропагандистско-вербовочной деятельности, нежели чем совершавшиеся масштабные акции, которые наблюдались ранее в субъектах Северного Кавказа в 2005 – 2010 гг.

Учитывая возросшую эффективность государственной системы противодействия экстремизму, лидеры бандподполья внесли коррективы в свою тактику. Ранее вовлечение, последующая идеологическая обработка и использование людских ресурсов в экстремистской деятельности была основана на непосредственном личностном контакте вербовщика с вербуемым или руководителя с членами группировки. Сегодня сфера действий экстремистских группировок предполагает использование современных информационно-коммуникативных систем и информационных технологий для распространения экстремистских материалов, осуществления интернет – рекрутирования новых членов организаций, обмена информацией, относящейся к подготовке и проведению массовых противоправных акций, а также моментального обезличенного перевода финансовых ресурсов для организации деятельности подобных формирований.

В Северо-Кавказском регионе именно через информационно-коммуникационные системы активизировалась популяризации взглядов, а также распространение литературы, отражающей информационно-пропагандистские аспекты теоретических разработок авторитетных теософов ислама, лежащих в основе оправдания методов экстремистско-террористической деятельности, а также идеологии вербовки и подготовки боевиков на основе религиозной мотивацией. В 2016 году специализированными службами ГУ МВД России по СКФО в ходе мониторинга осуществлялся контроль над содержанием более 100 информационных ресурсов сети Интернет этно-националистического и псевдорелигиозного характера, в том числе: 14 русскоязычных экстремистских интернет-сайтов, пропагандирующих радикальную псевдоисламскую идеологию и более 20 сайтов этно-националистического толка.

Наблюдаемые изменения в формах, целях и задачах деятельности экстремистских организаций, обусловлены появлением новой международной террористической организации «Исламское государство Ирана и Ливанта», деятельность которой на территории Российской Федерации. Например, по-

давяющее большинство лидеров экстремистско-террористического бандподполья, действующего на территории Северного Кавказа, свою идею создания на территории региона «Имарат Кавказ» стали воспринимать уже не как самостоятельное государство, а как часть всемирного халифата, воплощением которого для мирового терроризма стало «Исламское государство». В июне 2015 года в Интернете появилось аудиообращение, в котором члены экстремистского бандподполья Северного Кавказа присягнули лидеру самопровозглашенного «Исламского государства».

Правоохранительными органами чаще стали документироваться факты криминального финансирования незаконных вооруженных формирований путем обложения «закятом» (ежегодная милостыня, в размере 1/40 части имущества в пользу бедных, а также на распространение Ислама и истинных знаний о нём) бизнес-структур, функционирующих на территории самопровозглашенных «джамаатов», что свидетельствует о дефиците средств, которые ранее поступали от зарубежных террористических организаций.

В завершении следует согласиться с неоднократно высказанным мнением о необходимости переноса внимания от силовых мер пресечения в плоскость совершенствования правового механизма предупредительного воздействия, связанного с осуществлением контроля и надзора за соблюдением законодательства, регламентирующего деятельность религиозных и общественных объединений, политических партий, а также средств массовой информации [3, с. 6-7], что напрямую вытекает из положений Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года.

В данном контексте хотелось бы отметить, что отсутствие эффективного механизма контроля за деятельностью вновь создаваемых религиозных организаций и групп, процессами прозелитизма, миссионерской деятельности и религиозного обучения в среде коренного населения региона, влечет за собой возрастающее влияние в ряде субъектов округа активной вербовочной работы представителей экстремистских организаций с псевдорелигиозной мотивацией, прежде всего, в молодежной среде.

Список литературы

1. Голяндин Н.П., Лапунова Ю.А. Направления противодействия оперативных аппаратов органов внутренних дел деятельности деструктивных религиозных организаций криминальной направленности // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2007. № 2. С. 462-463.

2. Катаргина И.В. Соотношение правовых дефиниций «экстремизм» и «терроризм» в современном Российском законодательстве // Пробелы в российском законодательстве. 2009. №1. С. 193-195.

3. Пролетенкова С.Е. Административно-правовое регулирование противодействия религиозному экстремизму в Российской Федерации : Автореф. дис... докт. юрид. Наук. М.: ВНИИ МВД России, 2013. 59 с.

4. Форма статистическая отчетность «Антитерор» (282). Сводный отчет по России за 2011-2015 годы. URL: http://10.5.0.16/csi/modules.php?name=ReglDocs&go=sel_op&fid=282 (дата обращения: 28.10.2016)

СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ И ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА В РОССИИ

Губашева С.А.

ст. преподаватель кафедры гражданского права и процесса,
Чеченский государственный университет, Россия, г. Грозный

В статье анализируются актуальные вопросы, связанные с экологическим туризмом, как одним из наиболее динамично развивающихся сегментов туристского бизнеса, способствующего сохранению природных ландшафтов и ресурсов. Концепция экотуризма стала разрабатываться сравнительно недавно, а его понятие трактуется специалистами по-разному. Современный экологический туризм – это важный фактор социально-экономического развития территории, находящийся на стадии формирования, нуждающийся в научном осмыслении.

Ключевые слова: охрана окружающей среды, эколого-просветительская деятельность, экономика, экологический туризм.

Для большинства стран туризм является одним из главных источников доходов, это мощная мировая индустрия, перспективная отрасль экономики. По мнению экспертов к 2018 году в России доля туризма должна достичь 6-7 % ВВП. Специфика российского государства в плане туристической деятельности заключается в наличии большого количества мест для развития именно экологического туризма, к тому же надо сказать, что интерес к посещению природных объектов только возрастает. Объектами экотуризма выступают участки первозданной природы с особым режимом охраны, а также редкие геологические образования, где традиционная культура составляет единое целое с природной средой. В некоторых субъектах РФ уже идет процесс развития экотуристической заинтересованности среди населения, поэтому данное направление должно объединиться в единую федеральную стратегическую политику. К тому же решением Генеральной Ассамблеи ООН 2017 год объявлен Международным годом туризма. Первые шаги были сделаны в августе 1999 года, когда Приказом Госкомэкологии РФ были разработаны рекомендации по организации и ведению эколого-просветительской деятельности в госзаповедниках, согласно которым «экологические экскурсии и познавательный туризм рассматривались, как традиционные и высокоэффективные формы эколого-просветительской деятельности и как возможность соприкоснуться с миром живой природы, способной превратить посетителей в активных сторонников развития заповедного дела» [1].

На нынешнее состояние экотуризма в России влияют такие факторы, как размещение особо охраняемых территорий; разнообразие экосистем и ландшафтов; удалённость от центров расселения, чем определяется стоимость поездки; плохая транспортная доступность, инфраструктурная обеспеченность и проч. Эволюция отечественной системы экологического туризма зависима от политических колебаний, происходящих в настоящее время и по причине которых отчасти сократился спрос на преобладавшие прежде путешествия и отдых за рубежом. Так, «согласно данным Ростуризма в первой

половине 2015 года количество россиян, выехавших за рубеж по турпутёвке, сократилось более, чем на 30%. В начале 2015 года тренд на отказ от путешествий усилился. Уже сейчас особой популярностью пользуются новогодние туры на горнолыжные курорты на Красной поляне, отдых за рубежом потянул большую часть аудитории» [2]. С каждым годом экосфера туризма развивается и популяризуется на 10%. Статистика доказывает, что человечество все больше заостряет внимание на необходимости поддержания природоохраны планеты. Экотуризм может быть интересен современным предпринимателям, которые заострив внимание на «зеленом бизнесе», очень быстро смогут продвинуться, получив одобрение в такой добродетели со стороны общественности. Таким образом, современная идеология путешествий в природу в чистом виде представляет собой комплексное направление, обеспечивающее взаимосвязь интересов путешественников, культуры и экологии. Российскому государству необходимо создать условия для развития предпринимательства именно в этой сфере, благо, что мы являемся территорией, богатой лечебными и ресурсами. Наше государство располагает всеми типами минеральных вод, климатических поясов, есть курорты, не имеющие аналогов или превосходящие по многим параметрам лучшие мировые рекреационные зоны. Уникальность федеральных природных лечебных ресурсов признана многими государствами, а растущая их популярность обусловлена высоким уровнем сервиса, поэтому целесообразно в условиях санкций и «не простых» отношений с мировыми державами, активно предлагающими туристические услуги уделять особое внимание этим территориям, вобравшим в себя огромные богатства и дающим возможности будущего развития России. Экологический туризм может развиваться практически в любом уголке страны. Г.А. Писарев пишет: «в последние годы туризм как социально-экономическое явление рассматривается в качестве одной из приоритетных областей развития экономики отдельных регионов и всей страны в целом. Это обстоятельство заставляет активно включиться в процесс выработки соответствующих правил правового регулирования данной деятельности» [3, с. 40]. Большинство видов туризма благотворно влияют на социально-экономическое благополучие, но часто приводят к экологическим и антропогенным проблемам. Надо признать, что экотуризм, как вид внутреннего туризма находится на начальной стадии формирования, а спрос на него только набирает обороты. Более того не многие из отечественных туристов готовы потратить средства, время и силы на защиту окружающей среды. По мнению главы государства В.В. Путина «в сфере туризма нужен системный подход, с учетом и высокого качества обслуживания, и удобной логистики, и широкого выбора гостиниц разной ценовой категории, и строгих экологических и природоохранных стандартов, и доступности объектов культурно-исторического наследия. Отдыхать в России должно быть комфортно, интересно и выгодно. Отрасль обязана приносить ощутимые бюджетные доходы, стимулировать создание новых рабочих мест, открывать новые возможности для роста территорий» [4].

Кроме экономических нужд огромную роль в развитии системы экологического туризма играет правосознание россиян, воспитание и культура

мышления, формирование чувства национальной гордости. Пропаганда экологического туризма в контексте патриотического воспитания соотечественников не получила должного освещения. Поэтому в январе 2015 года была разработана Программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016 – 2020 годы», по смыслу которой: «с учетом современных задач развития Российской Федерации целью государственной политики в сфере патриотического воспитания является создание условий для повышения гражданской ответственности за судьбу страны, повышения уровня консолидации общества для решения задач обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации» [5]. Актуализация экологической экскурсионной деятельности безусловно способствует подъёму культурного уровня народа. В Проекте Федерального закона № 1045541-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях развития экологического образования» в п. 4-5 ст. 72.1 «Экология в системе образования» говорится о «популяризации внутреннего экологического туризма, в том числе на особо охраняемых природных территориях» [6]. Собственно экологический туризм развивает любовь к родной природе на основе информации и опыта, полученного во время походов по экологическим тропам, экологическим музеям и библиотекам.

Таким образом, сложная ситуация, которая складывается в условиях современной политической нестабильности в сочетании с торможением экономических реформ существенно отражается на развитии отечественной индустрии туризма. Благодаря ресурсным возможностям, Россия, рассматривается международным сообществом, как наиболее перспективная для развития экологического туризма. Прогрессия в сфере экологического туризма один из наиболее острых вопросов, стоящих перед российским государством, могущий одновременно обеспечить баланс природоохранных, экологических, социокультурных и экономических интересов человека. Думается, что для развития туристской инфраструктуры следует законодательно закрепить понятие экологического туризма в Федеральном законе «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации; проводить слаженную совместную работу региональным властям и органам местного самоуправления; активно взаимодействовать туроператорам с национальными парками и заповедниками России в рамках осуществления туристских программ и проектов; привлекать отечественные и иностранные инвестиции в эту сферу; реализовывать конкурентноспособные программы развития экологического предпринимательства; рекламировать экотуризм, как экологическую выгоду, получаемую от рекреации.

Список литературы

1. Письмо Госкомэкологии РФ от 04.08.1999 года № 01-21/24-210 «О Рекомендациях по организации и ведению эколого-просветительской деятельности в госзаповедниках» (вместе с «Рекомендациями...», утв. Госкомэкологией РФ 03.08.1999 г.) // Документ опубликован не был. СПСКонсультант (дата обращения: 01.10.2016).
2. Как туроператоры переживают кризис и на что делают ставку? URL: http://www.beboss.ru/journal/franchise/tourism_in_russia_2016_statistics (дата обращения: 01.10.2016).

3. Писарев Г.А. Экологический туризм как особый вид экономической деятельности: основные требования к законодательному регулированию // Юрист. 2015. № 6. С. 38-41.
4. Владимир Путин: нужно развивать внутренний туризм. URL: <https://rg.ru/2015/08/17/putin-site.html> (дата обращения: 01.10.2016).
5. Постановление Правительства РФ от 30.12.2015 года № 1493 «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016 – 2020 годы» // СЗ РФ. 2016. № 2. Ст. 368.
6. Проект Федерального закона № 1045541-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях развития экологического образования» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 14.04.2016) // Документ опубликован не был. СПСКонсультант (дата обращения: 02.10.2016).

СУВЕРЕНИТЕТ ГОСУДАРСТВА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Дашко Ю.В.

студентка 1 курса Юридического института,
Северо-Кавказский федеральный университет,
Россия, г. Ставрополь

Данная статья посвящена рассмотрению проблемных вопросов, связанных с суверенитетом государства в международном праве.

Ключевые слова: международное право, государство, суверенитет, международно-правовые отношения.

В юридической науке суверенитет рассматривается как качественный признак государства [1, с. 182].

Под суверенитетом государства следует понимать признанное и закрепленное состояние органов государственной власти, которое позволяет осуществлять собственную юрисдикцию и независимо формировать объем своих государственных полномочий при отсутствии прямого или косвенного влияния со стороны других субъектов международного права.

Суверенитет в международных отношениях, по мнению И.Валлерстайна, «предполагает, что никакое иное государство не имеет права претендовать – ни прямо, ни опосредованно – на полномочия данного государства, осуществляемые им в пределах собственных границ, поскольку такая попытка означала бы покушение на его суверенитет» [2, с.51].

Принцип суверенитета составляют права государства на независимую внешнюю политику: свободное установление дипломатических и консульских отношений, обмен посольствами и миссиями, решение проблем признания новых государств и правительств, вступление и выход международных организаций.

Важным для целостного представления о суверенитете является то, что есть набор минимально необходимых черт, которые характеризуют суверенитет. К ним следует относить наличие собственных органов власти и управления, наличие источников финансирования государственных расходов,

наличие собственной правовой системы и системы обеспечения и защиты суверенитета от посягательств внутреннего или внешнего характера, международную правосубъектность.

Конвенционное юридическое закрепление пределов суверенитета государств как сферы, защищенной от вмешательства мирового сообщества, есть важное условие соблюдения принципа невмешательства во внутренние дела государств [3, с. 120].

Суверенитет как признак государства является качественной чертой государства, независящей от чьих-либо оценок и фиксации этого факта в законодательстве. В то же время, осознавая ценность данного явления, основанную на идее блага государства для жизни людей и необходимости его сохранения, законодатели предпочитают закреплять общие гарантии суверенности и независимости государства в фундаментальных правовых актах в качестве правового средства защиты от возможных будущих посягательств со стороны иных субъектов. К ним относятся принципы территориальной целостности, обороны государства, верховенства законов государства, единства его судебной системы. В силу указанных обстоятельств в праве находит свое отражение не сам суверенитет как признак государства, а правовые средства обеспечения его стабильности.

Несмотря на то, что государственный суверенитет и суверенное равенство государств являются основополагающими принципами, на которых построена современная система международных отношений, и даже «единственной ценностью, которую разделяют все без исключения государства современного мира», в реальности нарушение этих принципов в мировой политике происходит довольно часто. По сути дела, таким нарушением является любая война, так как она в любом случае она является несправедливой хотя бы с одной стороны. К использованию военной силы государства, как правило, прибегают, когда использование средств, не противоречащих этим принципам, не приносит результатов, а национальные интересы, о которых идет речь, являются жизненно важными, долгосрочными и стратегическими.

В заключении, можно отметить, что принцип государственного суверенитета является собирательным правовым понятием, выраженным во множестве конкретных правовых принципов и нормах права, говорящих о носителе государственной власти, организации ее осуществления, а также о гарантиях установленного порядка властвования внутри государства и его внешней независимости.

Список литературы

1. Бредихин А.Л. Суверенитет как политико-правовой феномен: Монография. – М.: ИНФРА- М., 2012. 182 с.
2. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М., 2009. 51 с.
3. Маслов А.В. Государственный суверенитет в современном международном праве. М., 2010. 120 с.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ: ПОНЯТИЕ И СПЕЦИФИКА РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА

Желаков М.М.

слушатель 2-го факультета, Академия управления МВД России,
Россия, г. Москва

В статье понятие «экономическая безопасность хозяйствующих субъектов» рассматривается применительно к угрозам криминального характера, свойственным российскому бизнесу.

Ключевые слова: экономическая безопасность, экономическая безопасность хозяйствующего субъекта, угрозы экономической безопасности хозяйствующего субъекта.

Одной из основных угроз государственной и общественной безопасности, Стратегией национальной безопасности Российской Федерации [1], названы преступные посягательства, направленные против экономической безопасности.

В связи с чем необходимо совершенствовать структуру и деятельность федеральных органов исполнительной власти, развивать систему выявления, предупреждения и пресечения проявлений, в том числе, организованной преступности и других преступных посягательств на конституционный строй Российской Федерации, права и свободы человека и гражданина, государственную и частную собственность, общественный порядок и общественную безопасность.

При этом одним из основных объектов, подлежащих государственной защите является экономическая деятельность хозяйствующих субъектов, важнейшим условием устойчивого развития которых в современных условиях является наличие эффективной системы обеспечения их экономической безопасности.

Отметим, что снижение внутреннего валового продукта (ВВП) в 2015 году по отношению к соответствующему периоду прошлого года, по оценке Минэкономразвития России, составило 3,8%. В тоже время значительно сократился и внутренний спрос, прежде всего в части валового накопления, – как за счет падения инвестиций в основной капитал, так и сокращения запасов [2]. На этом фоне произошло усиление экономической преступности. В 2015 году по сравнению с 2014 годом на 3,0% возросло число преступлений экономической направленности. Всего выявлено 109,3 тыс. преступлений данной категории, удельный вес этих преступлений в общем числе зарегистрированных составил 5,1%. На 1,2% (с 63,6% до 62,4%) увеличилось количество тяжких и особо тяжких преступлений в общем числе выявленных преступлений экономической направленности [3].

Среди многочисленных угроз экономической безопасности особое место занимают преступные посягательства, совершаемые против хозяйствующих субъектов.

Прежде всего, выясним, что представляют собой такие понятия, как «экономическая безопасность хозяйствующего субъекта».

Вопросы терминологии вообще и «экономической безопасности», в частности, имеют исключительно важное значение, как в научных исследованиях, так и в практической работе правоохранительных органов.

С точки зрения М.Ю. Беседина экономическая безопасность – «это состояние имущественных отношений и институтов управления собственностью, при которых обеспечивается правовая и экономическая защищенность собственников, выражающаяся в эффективном формировании и использовании производственных и финансовых ресурсов при возникновении угроз» [4, с. 7].

В работе И.В. Гусева предлагается следующая трактовка его применительно к хозяйствующим субъектам с учетом особенностей российского предпринимательства. «Экономическая безопасность хозяйствующего субъекта представляет собой состояние защищенности экономических интересов собственников и руководителей предприятия, компании или фирмы, а также материальных ценностей, информационно- финансовых и интеллектуально- кадровых ресурсов от внешних и внутренних угроз путем предупреждения их возникновения, локализации или ликвидации» [5, с. 176].

Полагаем, что данная трактовка не учитывает противоправность угроз финансово-хозяйственной деятельности субъекта.

В действующей системе угроз экономической безопасности хозяйствующих субъектов также имеются угрозы, характерные только для российского бизнеса. Это – рейдерские захваты, завладение собственностью путем мошенничества, преднамеренные банкротства, незаконное использование товарного знака, уход от налогов, невозвратные кредиты и другие угрозы криминального характера.

Обобщая вышеизложенное, с учетом рассмотренной специфики угроз, характерных в основном для российского бизнеса, возможно предложить определение экономической безопасности хозяйствующего субъекта, как состояние защищенности юридического лица, занимающегося хозяйственной деятельностью от угроз криминального характера, способных нанести вред его развитию, устойчивости и управляемости.

Список литературы

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31.12.2015 N 683 // Собрание законодательства РФ, 04.01.2016, № 1 (часть II), ст. 212.
2. Мониторинг и анализ социально-экономического развития Российской Федерации и отдельных секторов экономики / Официальный сайт Министерства экономического развития РФ. URL: <http://www.economy.gov.ru>. (дата обращения 10.10.2016).
3. Состояние преступности / Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ URL: <https://mvd.ru>. (дата обращения 10.10.2016).
4. Беседин М.Ю. Механизм обеспечения экономической безопасности хозяйствующих субъектов: автореф. дисс. ... к.э.н. М., 2007. 15 с.
5. Гусев И.В. Экономическая безопасность хозяйствующих субъектов : диссертация ... кандидата юридических наук, М., 2006. 176 с.

ПРАВСТВЕННОСТЬ КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Загайнова Г.Г.

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, канд. юрид. наук,
Северо-Кавказский филиал ФГБОУВО Российский государственный
университет правосудия, Россия, г. Краснодар

В статье рассматривается вопрос о законодательном закреплении понятия «нравственность» и основных нравственных начал. Рассматриваются мнения различных авторов по вопросу содержания понятия нравственности и его значения для права и государства в целом.

Ключевые слова: нравственность, право, законодательное регулирование и правоприменение.

Исследование нравственных оснований права имеет давнюю историю. Но сегодня это становится как никогда актуальным. Во многом обусловлено это современным состоянием общества, пытающегося нивелировать базовые нравственные ценности, оправдываясь новомодными аргументами.

Тем не менее, в настоящее время нравственные нормы как общественная ценность уже не обладают высоким авторитетом. Очевидно, что развитие отрицательных тенденций в нашей жизни, в том числе и рост числа правонарушений, прямо связаны с упадком нравственности.

В этих условиях право должно встать на защиту нравственности.

И если общество или отдельные группы склонны отказываться от веками сложившихся традиций и правил поведения, то государство должно оказывать целенаправленное воздействие на духовно-нравственное развитие общества.

Полагаем, что такое понятие как нравственность, общественная нравственность должны развиваться не только как философские понятия, но и как правовые, получая свое закрепление на законодательном уровне.

Вместе с тем есть некоторые сложности: понятие «нравственность» можно отнести к оценочным понятиям, так как четко сформулировать его значение и смысл нелегкая задача. А закон, как известно, не терпит нечетких двусмысленных формулировок.

Вместе с тем, понятие «нравственность» достаточно часто встречается в действующем законодательстве Российской Федерации: более 16 законов содержат данный термин, и главное в Конституции России.

Конституция Российской Федерации 1993 года называет «защиту нравственности» основанием ограничения прав и свобод человека и гражданина, наряду с защитой основ конституционного строя, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Полагаем, это подтверждает, что нравственность является конституционной ценностью.

По мнению В.А. Виноградов в данном случае Основной закон говорит о нравственности как объекте конституционного деликта, поскольку она яв-

ляется той фундаментальной социальной ценностью, где безграничное использование каким-либо субъектом своих прав и свобод не допустимо [1, с. 60].

Однако, по мнению Е.В. Сазонниковой, с которой необходимо согласиться, тот факт, что термин «нравственность» упоминается в Конституции только один раз значительно сужает значение нравственности как объекта конституционного регулирования, ведь с нравственным началом должно сообразовываться не столько ограничение прав человека и гражданина, сколько все устройство государственно-правовой системы [4, с. 15].

Так что же такое нравственность? И какие проблемы возникают при правоприменении такого понятия?

Это имеет огромное теоретическое и практическое значение в связи с тем, что защита нравственности является основанием ограничения прав и свобод человека и гражданина.

Некоторые исследователи при характеристике морали и нравственности выделяют два момента в этом явлении – личностный (внутреннюю свободу индивида и мотивацию им правил морального поведения и моральных оценок) и объективный (сложившиеся в данной культуре, социальной группе ценности, нравы, идеи) [3, с. 41].

По мнению С.В. Тасакова любое общество создает так называемую общественную нравственность, которая основывается на общечеловеческих ценностях. Под общественной нравственностью следует понимать совокупность норм нравственности, сложившихся в конкретном обществе и принимаемых большей его частью, т.е. господствующих в обществе. Именно некоторые нормы общественной нравственности являются объектом уголовно-правовой и административно-правовой охраны. В то же время сами нормы общественной нравственности являются идейными началами норм права и критерием их справедливости [5 с. 38].

Законодатель же чаще применяет понятие «нравственность», а иногда «общественная нравственность». Полагаем, что в целях законодательного регулирования необходимо использовать термин «общественная нравственность». Так как нравственность явление отчасти субъективное и понятие о нравственном поведении одного человека может отличаться от понятий другого.

По мнению Г.В. Мальцева – нравственность предстает как совокупность всех действующих в обществе нравов, правил, традиций, словом, всех видов стандартизированного поведения, как нормативная основа созданного и поддерживаемого на базе единых идеологических, социально-ценностных принципов порядка деятельности общества [2 с. 46].

Но, как ни разнопланово понятие нравственности, имеются и непреходящие ценности.

Поэтому в настоящее время нравственные начала закрепляются в конституционном законодательстве в связи с разными общественными отношениями, входящими в предмет конституционно-правового регулирования.

Например, ограничения прав и свобод в целях защиты нравственности предусматривает Гражданский кодекс РФ (часть 1 ст. 1), Жилищный кодекс

РФ (ст. 1), Семейный кодекс РФ (ст. 1), ФЗ «О некоммерческих организациях» (ст. 23.1), ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" (ст.9).

Отметим, что все эти федеральные законы фактически копируют норму Конституции, а именно ч.3 ст. 55, о возможности ограничения прав и свобод в той мере, в какой это необходимо в целях защиты нравственности.

Однако есть некоторые законы, которые не содержат само понятие нравственность, но, по нашему мнению, их нормы направлены именно на защиту нравственности. Рассмотрим некоторые из них.

Например, статья 5 Федерального закона от 29.12.2010г. "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию" к информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей и запрещенной для распространения, относится: информация, побуждающая детей к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью, в том числе к причинению вреда своему здоровью, самоубийству; отрицающая семейные ценности, пропагандирующая нетрадиционные сексуальные отношения и формирующая неуважение к родителям и (или) другим членам семьи; оправдывающая противоправное поведение и т.д.

Законодатель в данном случае, перечисляя вредную для детей информацию, четко и недвусмысленно дает понять – что есть хорошо, а что плохо. Закрепляя нравственность таких явлений, как традиционная семья, уважение к жизни и здоровью, соблюдение законов.

Кроме того, КоАП Российской Федерации дополнен ст. 6.21 "Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних".

Конституционный Суд своим Постановлением от 23.09.2014 № 24-П подтвердил конституционность данной нормы как направленной на защиту таких конституционно значимых ценностей, как семья и детство, а также на предотвращение причинения вреда здоровью несовершеннолетних, их нравственному и духовному развитию.

Следующий пример. Федеральный закон от 23.02.2013 N 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» на первый взгляд регулирует отношения, возникающие лишь в сфере охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака. Ни о нравственности, ни об общественной нравственности речь в этом законе не идет. Но что такое запрет курения в общественных местах – проявление уважения к чужому здоровью. А разве это не является проявлением морали и нравственности. Провозглашая одним из принципов, приоритет охраны здоровья граждан перед интересами табачных организаций, государство также подтверждает приоритет нематериальных ценностей над материальными.

Конечно, необходимо отметить, что многие из таких норм носит декларативный характер, да и технически привлечь к ответственности за такие правонарушения бывает сложно и правоохранительные органы заняты предотвращением и раскрытием более важных и опасных преступлений.

Однако на первоначальном этапе важно, чтобы государство признавало нарушение норм нравственности противозаконным, а соответственно сами нормы морали как необходимые ориентиры поведения.

Между тем, на уровне местного самоуправления есть примеры нормативного закрепления понятия нравственности. Так, Распоряжение префекта ЮВАО г. Москвы от 27.12.2007 №2764 «Об окружной целевой программе «Духовно-нравственное воспитание и развитие детей и молодежи в Юго-Восточном административном округе города Москвы» на 2008-2010гг.» содержит определение: нравственность – ценностная структура сознания, общественно необходимый способ регуляции действий человека во всех сферах жизни, включая труд, быт и отношение к окружающей среде. В широком смысле слова нравственность – особая форма общественного сознания и вид общественных отношений; в узком смысле – совокупность принципов и норм поведения людей по отношению друг к другу и обществу.

Таким образом, государство все чаще обращается к вопросам морали и нравственности и их законодательному закреплению, иногда напрямую, а иногда и косвенно. Законодательно закрепляя основные нравственные начала, государство способствует формированию не только духовно-нравственной культуры, но и правовой. Так как право должно быть пропитано моралью!

Список литературы

1. Виноградов В.А. Состав конституционного деликта // Законодательство. 2003. № 10. С. 58-69.
2. Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М.: Изд-во СГУ, 2008. 552 с.
3. Нерсесянц В.С. Право в системе социальной регуляции (история и современность). М.: Знание, 1986. С. 39-60.
4. Сазонникова Е.В. О теме нравственности в конституционном праве// Конституционное и муниципальное право. 2016. № 3 С. 14.17.
5. Тасаков С.В. Общественная нравственность и ее роль в преодолении кризиса // Российская юстиция. 2009. № 5 С. 34-37.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА, СВЯЗАННАЯ С ПРОБЛЕМАМИ ТОЛКОВАНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РФ О РАМОЧНОМ ДОГОВОРЕ

Заметаева Л.В.

начальник отдела, Акционерное общество «Летно-исследовательский институт имени М.М. Громова», Россия, г. Жуковский

В данной статье рассматривается имеющаяся на сегодняшний день судебная практика, связанная с разрешением споров сторон, возникающих из рамочных договоров в целом, а также заключаемых во исполнение таких договоров дополнительных соглашений, заявок и т.д.

Ключевые слова: договор, рамочный договор, судебная практика.

Правовая конструкция рамочного договора, ранее хоть и не предусмотренная законодательством, всегда имела весьма широкую практику исполь-

зования в хозяйственных отношениях субъектов предпринимательской деятельности. Данный факт в первую очередь был обусловлен тем, что поставка товаров, а именно в этой области чаще всего и заключаются рамочные договоры, направленная на постоянное и бесперебойное снабжение производства либо организаций торговли, фактически является основой их успешного функционирования и развития.

Суды при разрешении споров, возникающих из такого рода взаимоотношений, прямо указывали на рамочный характер заключенных договоров, не считая при этом отсутствие в гражданском законодательстве соответствующего понятия в качестве препятствия тому, чтобы квалифицировать договор, заключенный до 1 июня 2015 года, как рамочный.

Так, согласно Постановлению Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 1162/13, договоры купли-продажи нефтепродуктов пунктом 2.2 которых определено, что наименование, количество и цены поставляемой продукции, форма оплаты, а также местонахождение нефтебазы, с которой осуществляется отгрузка, оговариваются сторонами в протоколах согласования цен и объемов, являющихся приложениями к ним, составляемых на основании заявок покупателя исходя из возможностей продавца, не содержат существенных условий такого вида договора (поставки), предусмотренного главой 30 Гражданского кодекса РФ, и носят рамочный характер, определяющий намерение договаривающихся сторон заключить договор поставки.

Аналогичный вывод содержится в Постановлении Арбитражного суда Дальневосточного округа от 14 июня 2016 г. № Ф03-2368/2016, которым установлен рамочный характер договора, несмотря на то, что обсуждаемый договор является договором подряда на выполнение строительно-монтажных работ, объемы, цена, сроки выполнения работ по которому подлежат уточнению в соответствующих дополнительных соглашениях в целях определения окончательной стоимости работ по договору, в том числе с целью приведения их в соответствие с утвержденной заказчиком проектно-сметной документацией, получившей положительное заключение госэкспертизы.

Более того, в п. 9 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 25.02.2014 № 165 «Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными» были отражены следующие рекомендации по разрешению судами споров, связанных с «организационными» договорами указано, что условия организационного (рамочного) соглашения являются частью заключенного договора, если иное не указано сторонами и такой договор в целом соответствует их намерению, выраженному в организационном соглашении.

Обществом с ограниченной ответственностью (поставщиком) и производственным кооперативом (покупателем) был заключен договор о поставках сроком на один год. Согласно этому договору поставщик ежемесячно должен был поставлять покупателю пиломатериалы, а покупатель – принимать их и оплачивать в течение трех дней после принятия. В договоре о поставках стороны указали, что в случае просрочки оплаты покупатель обязан уплатить

поставщику неустойку, исчисляемую в процентах от цены товара за каждый день просрочки.

Каждая конкретная поставка оформлялась отдельным соглашением, в котором непосредственно оговаривались наименование и количество пиломатериалов, а также их цена.

В одном из периодов поставки покупатель допустил просрочку в оплате, в связи с чем поставщик обратился в арбитражный суд с требованием о взыскании неустойки.

Суд первой инстанции в иске отказал исходя из следующего.

В договоре о поставках стороны не согласовали предмет договора, а значит, такой договор является незаключенным на основании части 1 статьи 432 ГК РФ. Поэтому требование о взыскании неустойки, установленной в этом договоре, не может быть удовлетворено. При подписании отдельного соглашения о спорной поставке между сторонами заключен разовый договор купли-продажи, который не содержит ни условия о неустойке, ни отсылки к договору о поставках.

Суд апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменил, иск удовлетворил по следующим основаниям.

Собственно договор поставки заключался сторонами лишь при подписании отдельного соглашения. Однако характер этого соглашения свидетельствует о том, что стороны, заключив собственно договор поставки, имели в виду также распространение на него условий, которые содержатся в рамочном договоре. Таким образом, на отношения сторон по спорной поставке пиломатериалов распространяются не только условия соглашения о конкретной поставке, но и положения рамочного договора о поставках.

Поэтому суд апелляционной инстанции счел, что, заключив такое соглашение, стороны установили неустойку на случай неисполнения покупателем обязательства по оплате товара, возникшего из спорной поставки.

Однако, некоторые суды придерживались диаметрально противоположного подхода по вопросу возможности заключения рамочного договора до 1 июня 2015, и, как было отмечено в Постановлении Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 12 мая 2016 г. по делу № А12-18454/2013, статьи 429.1 Гражданского кодекса РФ фактически заполнила собой правовой вакуум, существовавший в гражданском праве в области регулирования вопросов, связанных с заключением рамочных договоров.

Так или иначе, но законодателем был принят во внимание имеющийся пробел в руководящих положениях по обсуждаемому вопросу и 1 июня 2015 года наряду с иными изменениями, касающимися положений об обязательствах в целом и договорных обязательствах в частности, вступила в силу статья 429.1 Гражданского кодекса РФ, в которой закреплено понятие «рамочный договор».

Частью 1 указанной нормы определено, что рамочным договором (договором с открытыми условиями) признается договор, определяющий общие условия обязательственных взаимоотношений сторон, которые могут быть конкретизированы и уточнены сторонами путем заключения отдельных до-

говоров, подачи заявок одной из сторон или иным образом на основании либо во исполнение рамочного договора.

За почти полтора года ее действия возникли вопросы, касающиеся рамочных договоров, и были сформулированы достойные внимания правовые позиции.

Квалификация договора как рамочного

Несмотря на, казалось бы, исчерпывающее определение рамочного договора, приведенное в Гражданском кодексе, на практике зачастую возникают сложности с квалификацией того или иного договора в качестве рамочного.

В Постановлении Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 16 июня 2016 г. по делу № А55-26571/2015 о взыскании задолженности по договору поставки арбитры посчитали необоснованной ссылку ответчика на рамочный характер спорного договора поставки, ввиду того, что он содержал все существенные условия договора поставки, установленные действующим законодательством.

Причиной обращения истца в суд по указанному делу явился отказ ответчика в оплате поставленного ему товара со ссылкой на то, что закупаемое оборудование и материалы были предоставлены без сопроводительных документов.

Согласно предмету указанного договора, покупатель поручает, а поставщик принимает на себя обязательства по поставке оборудования и материалов в течение срока действия договора. Поставка осуществляется поставщиком на основании заявок покупателя, предоставляемых в устной или письменной форме. Перечень оборудования и материалов и периодичность поставок устанавливается покупателем.

Условия о предоставлении при поставке оборудования и материалов указанных ответчиком документов в договоре действительно отсутствовали.

Однако, в соответствии с положениями части 2 статьи 429.1 Гражданского кодекса РФ, к отношениям сторон, не урегулированным отдельными договорами, в том числе в случае не заключения сторонами отдельных договоров, подлежат применению общие условия, содержащиеся в рамочном договоре, если иное не указано в отдельных договорах или не вытекает из существа обязательства. В связи с чем суд, несмотря на возражения ответчика, посчитал, что в отношении условий о сопроводительных документах на товар, не отраженных в рамочном договоре, может быть использована вышеназванная норма.

Таким образом, остается неразрешенным вопрос, следует ли учитывать существенные условия, на согласовании которых настаивают сами стороны, но которые при этом прямо не предусмотрены законом.

Заслуживает внимания ситуация, представленная в Постановлении Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 24 июня 2015 г. по делу № А56-61729/2014, когда суд встал на сторону ответчика – агента и отказал истцу – субагенту в признании договора незаключенным, отметив, что оспариваемый субагентский договор признается рамочным, при этом основанием

для такого утверждения послужил тот факт, что в субагентском договоре не указан принципал.

В другом деле суд (Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 8 июля 2015 г. по делу № А56-85066/2014) установил, что рамочный договор признается незаключенным до тех пор, пока стороны дополнительно не согласуют все существенные условия «основного» договора, поскольку в рамочном договоре в силу его правовой природы не определен предмет обязательств сторон.

Подобная позиция фактически поставила знак равенства между рамочным и незаключенным договорами, что, конечно же, не может соответствовать действительности, хотя бы в силу противоречия определению рамочного договора, данному в Гражданском кодексе РФ.

Так В.В. Витрянский еще в 2011 году указывал, что «отличие рамочного договора в том, что из него возникает уже полноценное обязательство, просто некоторые условия могут быть уточнены конкретными договорами. Подразумевается, что условия рамочного договора будут применяться только субсидиарно по отношению к конкретным договорам» [3].

Таким образом, попытка приравнять рамочный договор к незаключенному повлечет за собой вопрос о самой возможности существования такого рода договора.

Квалификация дополнительных соглашений, заключаемых по рамочному договору

На практике не меньше сложностей возникает и при реализации уже заключенных договоров путем подписания к ним дополнительных соглашений, спецификаций и т.д.

В соответствии с частью 1 статьи 434 Гражданского кодекса РФ, если стороны договорились заключить договор в определенной форме, он считается заключенным после придания ему условленной формы, хотя бы законом для договоров данного вида такая форма не требовалась.

В отношении рамочных договоров вышеназванная норма приводит к следующему выводу: в случае, когда рамочным договором установлена специальная форма дополнительных соглашений, а также специальный порядок их оформления, положения договора не могут быть применены к сделке, заключенной с нарушением этого правила.

Например, если стороны в рамочном договоре определили, что дополнительное соглашение к нему составляется в письменной форме и подписывается обеими сторонами, одностороннее требование (в частности, заявка на поставку продукции либо оказание услуг), не может считаться предъявленным по имеющемуся рамочному договору, пусть даже такое требование будет согласовано другой стороной сделки.

Вообще взаимосвязь между рамочным договором и дополнительными сделками к нему возникает вне зависимости от того, имеются ли в них ссылки друг на друга либо нет.

Так Постановлением Арбитражного суда Северо-Западного округа от 13 апреля 2016 г. по делу № А56-81831/2014 арбитры пришли к выводу, что положения статьи 429.1 Гражданского кодекса РФ устанавливают необходимость урегулирования рамочным договором только общих условий обязательственных взаимоотношений сторон, при этом не требуя ни их конкретизации, ни последующего обязательного заключения отдельных договоров. Не установлено данной нормой и обязанности указания в последующих документах (в том числе и товарных накладных, и счетах-фактурах) на их заключение во исполнение рамочного договора. Однако, в целях возможности применения в отношении разовых соглашений общих условий, установленных рамочным договором, должна быть доказана их взаимосвязь. Которая, к слову, в обсуждаемом судебном деле отсутствовала.

В противоположной ситуации (при наличии подтвержденного факта заключения разовых сделок во исполнение рамочного договора) установленные в рамочном договоре правила будут распространяться на отдельные сделки. В частности, к таким правилам суд отнес правила договорной подсудности (Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 16 сентября 2015 г. по делу № А56-13954/2015).

Как видно из рассмотренной практики, несмотря на сравнительно небольшой срок действия внесенных в Гражданский кодекс РФ изменений в части рамочных договоров, уже можно говорить об определенных закономерностях в подходах арбитражных судов различных инстанций к разрешению дел, связанных с рамочными договорами.

Список литературы

1. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.02.2014 № 165 «Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными» [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 02.10.2016) [Текст] // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, № 32, ст. 3301; «Собрание законодательства РФ», 04.07.2016, № 27 (Часть I), ст. 4169.
3. О рамочном, опционном и абонентском договоре. Витрянский В.В. Выступление на конференции «Цивилистические чтения 2011: Республика Казахстан, г. Алматы» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.civilista.ru/news.php?id=29> (дата обращения: 10.10.2016).
4. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 14 июня 2016 г. № Ф03-2368/2016 по делу № А73-15911/2015 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 13 апреля 2016 г. по делу № А56-81831/2014 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 12 мая 2016 г. № 12АП-4842/2016 по делу № А12-18454/2013 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 16 июня 2016 г. № 11АП-5087/2016 по делу № А55-26571/2015 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 1162/13 по делу № А03-1338/2012 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 16 сентября 2015 г. № 13АП-18175/2015 по делу № А56-13954/2015 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 24 июня 2015 г. № 13АП-11368/2015 по делу № А56-61729/2014 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 8 июля 2015 г. № 13АП-12922/2015 по делу № А56-85066/2014 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ПРОИЗВОДСТВО ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ: УСЛОВИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Калоша Н.А.

магистрант, ФГБОУ ВО Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского, Россия, г. Брянск

В представленной статье рассматривается порядок производства дознания в сокращенной форме. Анализируются условия применения производства дознания в сокращенной форме, а также проблемные вопросы, связанные с применением данной процессуальной формы.

Ключевые слова: дознание в сокращенной форме, условия применения дознания в сокращенной форме, подозреваемый, ходатайство, дознаватель.

В 2013 году Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации введена новая глава 32.1 «Дознание в сокращенной форме».

Предполагалось, что введенная модель ускоренной формы уголовного судопроизводства будет активно применяться [1, с. 12], однако, статистика показывает, что дознание в сокращенной форме в настоящее время применяется в незначительном количестве случаев от числа дел, расследуемых органами дознания в общем порядке.

Так, например, в Брянской области количество уголовных дел, по которым дознание проводилось в сокращенной форме, в 2015 г. составило 564 (17,6%), тогда как общее количество уголовных дел, по которым проводилось дознание, было равно 3200, за 6 месяцев 2016 г. количество уголовных дел, дознание по которым проводилось в сокращенной форме составило 407 (22,4%), в то время как общее количество уголовных дел, по которым проводилось дознание, составило 1821. Таким образом, удельный вес уголовных дел, по которым дознание осуществлялось в сокращенной форме, к делам, по которым дознание проводилось в общем порядке, составил в среднем около 20%.

В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством дознание в сокращенной форме производится при наличии ходатайства подозреваемого о производстве дознания по уголовному делу в данной форме. Основания и порядок заявления подозреваемым указанного хода-

тайства закреплены и регламентированы положениями статьи 226.4 УПК РФ. Дознаватель, прежде чем положительно решить вопрос о разьяснении подозреваемому права на заявление ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме должен убедиться в наличии одновременно всех условий, перечень которых приведен в ч. 2 ст. 226.1, ст. 226.2 УПК РФ. То есть дознавателю следует убедиться в том, что имеются документально подтвержденные фактические данные, которые указывают на наличие оснований для проведения дознания в сокращенной форме, а также убедиться в отсутствии обстоятельств, исключающих возможность применения данной процессуальной формы.

Дознание в сокращенной форме может быть проведено при одновременном наличии следующих условий (ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ):

1) уголовное дело, относящееся к подследственности органов дознания, производство предварительного следствия по которому необязательно, возбуждено в отношении конкретного лица по признакам совершения одного или нескольких преступлений;

2) подозреваемый признал свою вину, т.е. он осознал противоправность своих действий и раскаивается в совершении преступления, признает характер и размер причиненного вреда и согласен с ним, а также не оспаривает уголовно-правовую оценку преступного деяния, данную дознавателем в постановлении о возбуждении уголовного дела, то есть полностью согласен с признаками состава преступления, вменяемого ему;

3) отсутствуют обстоятельства, исключающие производство дознания в сокращенной форме, предусмотренные в ст. 226.2 УПК РФ:

- сокращенная форма дознания не допускается в отношении несовершеннолетних подозреваемых;

- имеются основания, предусмотренные главой 51 УПК РФ для производства о применении принудительных мер медицинского характера в случаях, когда лицо, совершившее преступление находилось в состоянии невменяемости либо у которого после его совершения наступило психическое расстройство, которое исключает назначение наказания, а также его исполнение;

- подозреваемый является лицом, в отношении которого осуществляется особый порядок уголовного судопроизводства, предусмотренного главой 52 УПК РФ;

- лицо подозревается в совершении нескольких преступлений, если хотя бы одно из них не относится к подследственности дознавателя, то есть не указанное в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ;

- подозреваемый не владеет языком, на котором осуществляется производство по уголовному делу;

- против производства по уголовному делу дознания в сокращенной форме возражает потерпевший судопроизводства, предусмотренного главой 52 УПК РФ. Если потерпевший и (или) его представитель возражают против производства дознания в сокращенной форме, то дознание осуществляется по общим правилам уголовного судопроизводства.

При отсутствии хотя бы одного из вышеуказанных обстоятельств в силу ч. 2 ст. 226.1 и ч. 1 ст. 226.4 УПК РФ исключает возможность заявления подозреваемым ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме, а, следовательно, освобождает дознавателя от необходимости разъяснения подозреваемому соответствующего права.

Следует отметить, что даже при наличии всех вышеуказанных условий производство дознания в сокращенной форме не является обязательным. Положительное решение вопроса о возможности производства дознания в сокращенной форме, а следовательно, и о разъяснении подозреваемому права на заявление соответствующего ходатайства возможно лишь в случаях, когда уголовное дело (по мнению дознавателя) не представляет юридической сложности, а полученные в ходе предварительной проверки сообщения о преступлении фактические данные не оставляют сомнений в совершении преступления конкретным лицом (подозреваемым).

Заявить ходатайство о производстве по уголовному делу дознания в сокращенной форме подозреваемый имеет право не позднее 2-х суток с того момента, когда данное право ему было разъяснено. Ходатайство подается в письменном виде должностному лицу, которое производит дознание и должно быть подписано подозреваемым, а также его защитником, участие которого в уголовном судопроизводстве в данном случае согласно п.8 ч.1 ст. 51 УПК РФ является обязательным.

В случае поступления от подозреваемого ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме, дознаватель рассматривает его и не позднее 24 часов с момента поступления указанного ходатайства выносит по нему одно из следующих постановлений:

- об удовлетворении указанного ходатайства и о производстве по уголовному делу дознания в сокращенной форме;
- об отказе в удовлетворении данного ходатайства в случае, когда имеются обстоятельства, которые препятствуют производству дознания в сокращенной форме.

Далее дознаватель в течение 24 часов с момента вынесения постановления об удовлетворении ходатайства подозреваемого и о производстве дознания в сокращенной форме, направляет соответствующее уведомление о вынесении данного постановления прокурору и потерпевшему, которому разъясняется порядок и правовые последствия производства дознания в сокращенной форме, а также его право возражать против указанного вида дознания.

Срок окончания предварительного расследования по уголовному делу, по которому дознание производится в сокращенной форме, должно быть окончено не позднее 15 суток со дня вынесения постановления о производстве дознания в указанной форме, в исключительных случаях этот срок может быть продлен до 20 суток. В этот срок включается время со дня вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме и до дня направления уголовного дела прокурору с обвинительным постановлением.

На наш взгляд, введение в уголовно-процессуальное законодательство производства дознания в сокращенной форме является положительным мо-

ментом в развитии упрощенных процедур уголовного судопроизводства при наличии определенных условий и согласия подозреваемого с квалификацией совершенного им деяния, признания им своей вины, а также характера и размера вреда, причиненного преступлением, что позволяет «обеспечить быстрый доступ к правосудию, сокращение сроков производства по делу, экономию сил и денежных средств» [5, с. 19].

Вместе с тем у процессуалистов и у практиков возникает много вопросов. Так, в процессуальной литературе имеются различные мнения и суждения по поводу производства дознания в сокращенной форме.

По замыслу законодателя процессуальная экономия достигается путем сужения предмета доказывания, в возможности использования сведений, полученных в ходе проверки сообщения о преступлении вне процедуры собирания доказательств, в исключении по общему правилу из процесса доказывания проверки доказательств, в особых требованиях к форме обвинительного постановления и, как следствие, в сокращении сроков дознания, а также в особом порядке принятия судебного решения по делам, дознание по которым проводилось в сокращенной форме.

Несовершенством является то, что законодатель наделил дознавателя самостоятельностью в выборе следственных и процессуальных действий, осуществляемых при производстве дознания в сокращенной форме. В соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства при дознании в сокращенной форме доказательства собираются в объеме, необходимом для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления (ст. 226.2 УПК РФ). В ч. 2 этой же статьи предусматривается, что дознаватель обязан произвести только те следственные и иные процессуальные действия, производство которых может повлечь за собой невозможную утрату следов преступлений и иных доказательств.

Дознаватель вправе согласно ч.3 ст. 226.5 УПК «1) не проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем; 2) не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения, за исключением случаев, если необходимо установить дополнительные, имеющие значение для уголовного дела фактические обстоятельства, сведения о которых не содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, либо необходимо проверить доказательства, достоверность которых оспорена подозреваемым, его защитником, потерпевшим, его представителем; 3) не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении, за исключением следующих случаев: а) необходимость установления по уголовному делу дополнительных, имеющих значение для уголовного дела фактических обстоятельств; б) необходимость проверки выводов специалистов, достоверность которых поставлена под сомнение подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем; в) наличие предусмотренных ст. 196 настоящего Кодекса

оснований для обязательного назначения судебной экспертизы; 4) не производить иные следственные и процессуальные действия, направленные на установление фактических обстоятельств, сведения о которых содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, если такие сведения отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом».

Исходя из вышеизложенного следует, что дознаватель будет самостоятельно определять какие следственные действия необходимо произвести, в зависимости от своего профессионализма и навыков. Предполагаем, что данная позиция представляется не надежной, так как основывается на субъективном мнении дознавателя, поскольку в случае, например, если дознаватель не допросит одного из свидетелей, у которого в ходе доследственной проверки брали объяснение, а в ходе судебного разбирательства данный свидетель откажется от своих показаний или даст иные показания, то дело будет направлено для производства дознания в общем порядке.

В соответствии с ч. 1 ст. 226.5 УПК РФ из круга обстоятельств, подлежащих доказыванию при дознании в сокращенной форме, исключены обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания, обстоятельства, способствовавшие совершению преступления. Отказ от установления данных обстоятельств, неизбежно приведет к ошибкам в применении норм уголовного права, осуществлению уголовного преследования в отношении лица, невиновного в совершении преступления, что противоречит общественным интересам.

Так же критически оценивается учеными предоставленное законодателем право обвиняемому (подозреваемому), потерпевшему или его представителю заявить ходатайство о прекращении производства дознания в сокращенной форме и о продолжении производства дознания в общем порядке в любое время до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора. Это означает, что даже в случае, если дело находится на стадии судебного разбирательства, и кто-то из вышеперечисленных лиц будет ходатайствовать об отказе в проведении дознания в сокращенной форме, то уголовное дело будет направлено для производства дознания в общем порядке. Соответственно придется начинать сначала проведение предварительного расследования в форме дознания, проверку, подготовку всех необходимых документов, что является нерациональным, влекущим дополнительные процессуальные издержки.

Кроме того, в связи с производством дознания в сокращенной форме, а также последующим рассмотрением дела в суде в особом порядке принятия судебного решения, в ходе которого судья не производит исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу, актуальной является проблема самооговора лица, в отношении которого возбуждено уголовное дело [3, с. 32] и, как следствие, требование о привлечении к уголовной ответственности только виновного лица. Возможность не проверять доказатель-

ства усугубляет эту проблему и противоречит ч. 2 ст. 77 УПК РФ, которая устанавливает, что признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств. Не спасают положения и требования закона о необходимости убеждения судьи при вынесении обвинительного приговора в обоснованности обвинения, его подтверждении доказательствами, указанными в обвинительном постановлении (ч. 2 ст. 226.9, ч. 7 ст. 316 УПК РФ), как не подкрепленные соответствующими процессуальными гарантиями и зависящие от добросовестности судей [2].

Одним из обязательных условий производства дознания в сокращенной форме в соответствии с п.1 ч.2 ст. 226.1 УПК РФ, является то, что уголовное дело должно быть возбуждено в отношении конкретного лица по признакам одного или нескольких преступлений, указанных в п.1 ч.3 ст. 150 УПК РФ. Это предложение законодателя небезупречно. «Совершенно непонятно, по каким причинам лицу, установленному после возбуждения уголовного дела (например, явившемуся с повинной) отказано в праве воспользоваться процедурой, влекущей смягчение наказания наполовину, а лицам, в отношении которых дело возбуждено, такое право предоставлено. Право заявить ходатайство о производстве по делу сокращенного дознания должно быть предоставлено лицу, подозреваемому в совершении преступления, как только оно будет установлено» [4].

Вызывает вопрос также и то, что дознание в сокращенной форме не может производиться, если подозреваемый не владеет языком, на котором ведется уголовное судопроизводство, что не соответствует такому важному конституционному принципу, как равенство всех перед законом и судом, закрепленному в ч.1 ст. 19 Конституции Российской Федерации положение. Данное лицо, тем самым, лишается преференции, которая предусмотрена в ч.6 ст. 226.9 УПК РФ, заключающейся в том, что в случае постановления обвинительного приговора по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме, назначенное подсудимому наказание не может превышать $\frac{1}{2}$ максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного уголовным кодексом за совершенное преступление.

Как отмечалось ранее, для дознания в сокращенной форме установлен 15-дневный срок, в который включается время со дня вынесения постановления о производстве дознания и до направления уголовного дела прокурору с обвинительным постановлением. При этом законодатель указал, что обвинительное постановление должно быть составлено дознавателем не позднее 10 суток со дня вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме, обвиняемый и защитник в течение трех суток со дня вынесения обвинительного постановления должны быть ознакомлены с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела. В случае невозможности завершить ознакомление данных лиц с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела в указанный срок, производство дознания на основании постановления дознавателя продолжается в общем порядке.

Как мы увидели, особый порядок судебного разбирательства при производстве дознания в сокращенной форме, имеет некоторые недостатки. Но, мы считаем, что в ближайшем будущем законодатель при тесном взаимодействии с учеными процессуалистами внесет соответствующие изменения в действующее уголовно-процессуальное законодательство для устранения проблемных вопросов, связанных с производством дознания в сокращенной форме.

Список литературы

1. Александров А.С., Лапатников М.В. Сокращенное дознание: новеллы УПК РФ и сложности их применения // Уголовный процесс. 2013. №4. С. 12-19.
2. Андреева О. И. Проблемы производства дознания в сокращенной форме [Электронный ресурс] // Вестник Томского университета. Право. 2014. № 4(14). URL: http://journals.tsu.ru/law/&journal_page=archive&id=1097 &article_id=15697 (дата обращения: 28.10.2016).
3. Качалова О.В. Доказывание при сокращенной форме дознания // Уголовный процесс. 2013. №6. С. 32-36.
4. Кувалдина Ю.В., Лазарева В.А. Сокращенное дознание: соответствует ли процедура назначению уголовного судопроизводства? [Электронный ресурс] // Вестник СамГУ. 2014. № 11(1). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sokraschennoe-doznanie-sootvetstvuet-li-protsedura-naznacheniyu-ugolovno-sudoproizvodstva>.
5. Полуяктова Н. «Сокращенному дознанию быть?» // ЭЖ – Юрист, 2012. № 31, С. 19.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ ДОГОВОРА НА ОКАЗАНИЕ УСЛУГ

Кива-Хамзина Ю.Л.

заведующая кафедрой права и культурологии, канд. философ. наук,
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
Россия, г. Магнитогорск

Статья раскрывает содержание понятий «услуга» и «договор на оказание услуг», анализирует некоторые исторические аспекты правового регулирования сферы услуг, существующие подходы к классификации договоров на оказание услуг. Основное внимание в работе автор акцентирует на выявлении критериев, по которым можно более детально классифицировать договоры на оказание услуг, позволяющие раскрыть сущность данного договора, специфику правоотношений в ходе практического применения.

Ключевые слова: гражданско-правовой договор, услуга, договор на оказание услуг, классификационные критерии договоров на оказание услуг, существенные условия договоров на оказание услуг.

Многие из вопросов, которые раньше являлись предметом централизованного регулирования со стороны законодателя, сегодня являются предметом договорных отношений. Вместе с тем это не означает, что государство не

вмешивается в процесс регулирования, например, трудовых отношений или отношений в области образования и здравоохранения, напротив такое вмешательство в условиях рыночной экономики со стороны государства необходимо, чтобы смягчить воздействие рынка на данные отношения. В частности, деятельность органов исполнительной власти должна осуществляться строго в рамках предписанных законом полномочий. Это позволяет государству гарантировать и защищать разумные интересы индивида... [3. с. 86].

Учитывая распространенность договоров гражданско-правового характера с физическими лицами, определение признаков, по которым необходимо проводить разграничение между данными договорами и, например, трудовыми договорами, является достаточно актуальным вопросом. Многие специалисты отмечают, что для выявления критериев, по которым можно определять возможность заключения того или иного договора с физическим лицом на выполнение определенной работы, прежде всего необходимо установить сущность отношений, возникающих между сторонами, и в этом случае без анализа законодательно закрепленных условий не обойтись. В тоже время, при проведении такого анализа мы должны четко представлять различия между гражданско-правовым договором и другими договорами, принимая во внимание их признаки, предмет и метод правового регулирования конкретной отрасли права, субъектный состав, и кроме того, присущие данным правоотношениям особенности.

Гражданское законодательство Российской Федерации, исходя из оснований возникновения правоотношений разграничивает договорные и внедоговорные обязательства. Обязательства по оказанию услуг составляют самостоятельный договорный тип их классификация ведется по разным критериям: по субъектному составу выделяют: обязательства оказываемые коммерческой организацией потребителю; обязательства с другими участниками. Безусловно, такая классификация выделяет специфику договора на оказание услуг и, в частности, объясняет, что обязательства первой группы должны дополнительно регулироваться законодательством о защите прав потребителей. По объектному составу договоров об оказании услуг выделяют: действия по оказанию услуги и действия по принятию услуги.

Пункт 5 статьи 38 Налогового кодекса Российской Федерации закрепляет определение услуги: услугой для целей налогообложения признается деятельность, результаты которой не имеют материального выражения, реализуются и потребляются в процессе этой деятельности [2]. Гражданский кодекс Российской Федерации устанавливает статьей 128, что услуга – это объект гражданских прав, определенное действие, результат которого не имеет вещественного воплощения и неотделим от личности исполнителя [1]. Услуги – по определению Федерального закона от 08.12.2003 «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» «предпринимательская деятельность, направленная на удовлетворение потребностей других лиц, за исключением деятельности, осуществляемой на основе трудовых правоотношений» [5]. Вместе с тем услуга имеет результат, только результат может быть овеществленным и не овеществленным. А обобщенное понятие

результата услуги в специальной литературе определяется как удовлетворение имущественных, культурных, эстетических, информационных потребностей, обеспечение состояния здоровья, безопасности, приобретение навыков, опыта, образцов поведения. Отсутствие четкого понятийного аппарата в нормативных правовых актах позволяет давать вольное толкование <...> понятия, что влияет на единообразие правоприменительной практики [4, с. 153].

Таким образом, особенности договора на оказание услуг, требуют более детальной классификации, с акцентом на особенности практической деятельности в данных правоотношениях.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗРФ. 1996. № 5. ст. 410.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // СЗРФ. № 31. 1998. ст. 3824.
3. Рубанова Н. А., Горнушенко Н. В. Некоторые аспекты экологического правового регулирования с позиции лицензионных требований к хозяйственной деятельности // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 3-7. С. 87-89.
4. Рубанова Н. А. Преимущества и недостатки процедуры лицензирования образовательной деятельности: сравнительно-правовой анализ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 3-1. С. 151-153.
5. Федеральный закон «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» от 08.12.2003 № 164-ФЗ // СЗРФ. № 2003. № 50. Ст. 4850.

ПОДЛОГ ДОКУМЕНТОВ ПО СОБОРНОМУ УЛОЖЕНИЮ 1649 ГОДА

Коломийцева О.В.

аспирант кафедры теории и истории государства и права,
Астраханский государственный университет, Россия, г. Астрахань

Статья посвящена исследованию подлога документов по Соборному Уложению 1649 г. Анализ отдельных глав и статей позволяет сделать вывод, что Уложение оказало существенное влияние на дальнейшее развитие законодательства, регламентирующее ответственность за подлог документов в российском государстве.

Ключевые слова: подлог документов, Соборное уложение, ответственность, преступление.

Соборное Уложение 1649 г. [5] является крупнейшим кодексом права середины XVII столетия в истории России. Формально включенный в Полное собрание законов Российской империи, он действовал до 1835 г. [3], оставаясь основополагающим правовым актом. Уложение Царя Алексея Михайловича является в нашем праве важным законодательным памятником в том отношении, что оно более детально касается многих преступных деяний и дает им новую постановку в сравнении с предыдущими памятниками [2, с. 228].

В Соборном Уложении представлена кодификация основных отраслей права. Некоторые статьи Уложения регулируют вопросы преступлений и наказаний. Законодатель впервые более тщательно изучает вопросы регламентации ответственности за совершенный подлог документов.

Только с конца прошлого и начала текущего столетия подлог отделился не только от мошенничества, но и от других видов сокрытия истины, и постепенно ограничился лишь случаями искажения в документальной форме [1, с. 602]. А.А. Жижиленко выделяет следующие виды подлога документов по Соборному Уложению:

1) Подлог документов, имеющих наиболее важное значение – составление подложных документов от имени государя или переделка подлинных грамот и приказных писем.

2) Деяния, направленные против государственной печати – подделка печатей, присоединение подлинной государственной печати к подложному документу.

3) Пользование заведомо подложными документами [2, с. 235].

Современная наука представляет следующую классификацию преступлений, существовавшую во второй половине XVII века:

- преступления против церкви и религии;
- преступления против государя и государства;
- военные преступления;
- преступления против порядка управления;
- преступления против частных лиц;
- имущественные преступления.

Соборное уложение рассматривает подлог государственных документов и грамот царя в отдельной главе. Такой подлог следует отнести к группе преступлений против государя и государства. Так, в главе IV «О подшिक्षех и которые печати подделывают», уголовная ответственность была определена следующим образом:

- за подлог грамот государя и приказных писем (ст. 1);
- за присоединение подлинных печатей к подложным – «воровским» письмам (ст. 2);
- за использование подложных грамот наследниками составителя или приказчиками составителя (ст. 3, 4).

Уложение 1649 г. выделило данный вид преступлений в самостоятельный раздел кодекса, дало спецификацию их состава, предусмотрев наряду с подделкой документов подделку печатей к ним и распространив ответственность на родственников и наследников виновных в случае использования ими документов при знании их подложности [6, с. 158].

Ответственность в этих случаях предусматривалась в виде самого строгого наказания – смертной казни. Это объяснялось тем, что государственные преступления относились к особо тяжким. Законодатель в первую очередь пытался защитить интересы государя и государства в целом.

Глава X «О суде» предполагала за совершение подлога документов следующие наказания:

- Торговая казнь закреплялась в ст. 12, ст. 161, ст. 163, ст. 251. Так, для каждого десятого крестьянина и приказчика назначалось наказание в виде битья кнутом. Высшие сословия освобождались от телесных наказаний.

- Членовредительство – телесное наказание в виде отсечения руки за подделку судебного протокола суда (ст. 12) или написание подложной кабалы подьячим (ст. 251). Наказывался орган, совершивший преступное деяние: рука писала, ее следовало отсечь [4].

- Тюремное заключение содержалось в ст. 251 за составление подложных заемных кабал.

- Денежное взыскание в виде уплаты пени применялось за дачу лживых показаний при производстве обыска. Пенья устанавливалась для каждого сословия (ст. 161, ст. 163).

- Лишение должности могло иметь место за подделку дьяком судебного протокола (ст. 12). Наказание по Уложению назначалось в совокупности – дьяка предписано снять с должности и бить кнутом.

В Уложении четко прослеживается дифференциация наказания за совершенный подлог документов, что свидетельствует в первую очередь о представлении интересов высших сословий общества.

Исходя из выше изложенного, следует отметить, что законодатель уделил существенное внимание подлогу документов, разработал систему наказаний за такие преступления, отнеся подлог документов к числу наиболее тяжких преступлений против государства и государя. Таким образом, государство пыталось предупредить совершение подлога важных документов, детально урегулировав ответственность за такие преступления.

Список литературы

1. Белогриц-Котляревский Л.С. Очерки курса русского уголовного права. Общая и особенная части. Киев-Харьков. Южно-русское книгоиздательство Ф. А. Иогансона, 1908. 628 с.
2. Жижиленко А.А. Подлог документов. С.-Петербург: Невская типография, 1900. 756 с.
3. Исаев М.А. История Российского государства и права: Учебник. М: «Статут», 2012 // СПС «Консультант Плюс». 2015.
4. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910 // СПС «Гарант». 2014.
5. Соборное уложение 1649 г. // Полное собрание законов Российской Империи Собр. 1. Т.1. № 1.
6. Соборное уложение 1649 года / текст Л.И.Ивиной; комментарии Г.В.Абрамовича, А.Г.Манькова, Б.Н.Миронова, В.М.Панеяха; рук. авт. коллектива А.Г.Маньков. Л.: Наука, 1987. 448 с.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЙ ПО СТ. 317 УК ЗА ПОСЯГАТЕЛЬСТВО НА ЖИЗНЬ СОТРУДНИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА

Лукьянчикова Е.Ф.

доцент кафедры уголовного права и процесса, канд. юрид. наук,
НИУ «БелГУ», Россия, г. Белгород

Машков И.И.

магистрант 3 года обучения Юридического института, НИУ «БелГУ»,
Россия, г. Белгород

В статье анализируются некоторые проблемные аспекты квалификации деяний по ст. 317 УК РФ за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа. Проанализированы объективные и субъективные признаки состава преступления, выявлены пробелы и противоречия законодательства, обозначены предложения, направленные на изменение действующих норм УК РФ, регламентирующих ответственность за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа.

Ключевые слова: посягательство на жизнь, нормативное регулирование.

Потребность в нормативном регулировании деятельности государственного аппарата в целом и конкретных его представителей в частности всегда придавала отношениям управления особую значимость и выступала необходимым условием государственной жизни. В связи с происходящими в обществе процессами у государства как в прошлое, так и в настоящее время достаточно оснований для охраны и защиты своих представителей.

Уголовный закон играет в обеспечении такой охраны в числе прочих средств важнейшую роль. В его нормах интегрируются в определенной правовой форме модель того наиболее опасного для управления обществом поведения, которое подвергается запрету под угрозой уголовного наказания.

Действующий УК РФ дифференцирует уголовную ответственность в группе преступлений против порядка управления за посягательства на сотрудников правоохранительных органов в зависимости от характера и степени применяемого к ним насилия. Перенос акцента в названном механизме на личность указанных субъектов управленческой деятельности позволяет сделать вывод об оформлении в рамках отношений управления самостоятельного института уголовно-правовой охраны личности сотрудников правоохранительных органов.

Указанные лица, как представители власти, являются активными участниками в такой сфере управления, как обеспечение общественного порядка и общественной безопасности. Статус сотрудника в названных отношениях отличается властным характером, направленностью на изменение поведения людей. Это обуславливает высокую степень конфликтогенности, возможность причинения вреда его жизни, здоровью, чести и достоинству.

Анализ преступления, предусмотренного ст. 317 УК РФ «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа», позволил сделать вывод о том, что вред причиняется не двум объектам – отношения управления и жизнь сотрудника (как дополнительный), – а двум элементам одного управленческого отношения – самой деятельности и субъекту этой деятельности. Это связано с аксиологическим предпочтением российского государства, закрепленным в ст.2 Конституции РФ, согласно которому человек, его права и свободы, являются высшей ценностью. Вследствие этого не совсем корректно называть жизнь сотрудника правоохранительного органа как дополнительный объект, который «попутно» страдает при посягательстве на отношения управления.

При исследовании объекта данного преступления необходимо сделать особый акцент на личности потерпевшего, поскольку доказывание наличия юридически значимых признаков потерпевшего является важным моментом в квалификации действий виновного. Обязательными признаками потерпевшего как признака объекта данного состава преступления являются: осуществление им деятельности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

Также мы пришли к выводу об отсутствии целесообразности наличия союза «и» в диспозиции ст. 317 УК РФ (охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности). Считаем, что будет согласована с принципом справедливости квалификация действий виновного, посягнувшего на жизнь сотрудника правоохранительного органа, в служебные обязанности которого входит лишь, к примеру, общественной безопасности. Внесение изменений в ст. 317 УК РФ в части названного соединительного союза исключит путаницу при квалификации действий виновных лиц.

Анализируя объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст.317 УК РФ, мы согласились с преобладающим в науке мнением, согласно которому диспозиция данного состава охватывает собой не только убийство, но и покушение на убийство сотрудника правоохранительного органа. Данная позиция согласуется и с официальной позицией Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ, а также практикой следственных и иных судебных органов [3, с. 11].

Преступление, предусмотренное ст.317 УК РФ, может быть совершено только лишь с прямым умыслом, несмотря на наличие в науке дискуссии относительно возможности косвенного умысла.

Считаем целесообразным предложить конкретные практические рекомендации, направленные на совершенствование действующего законодательства: необходима реформа в плане изменения ст.ст.317 и 318 УК РФ. Считаем возможным объединить данные нормы и разграничить их по степени причиненного вреда. Также в связи с тем, что при существующем регулировании невозможно применять некоторые положения Общей части УК РФ (в части правил назначения наказания при покушении), предложен вариант исключения из состава оконченного преступления – стадии покушения. В связи с чем, появится возможность квалификации через ч.3 ст.30 УК РФ [4, с. 17].

Предлагаем также четко очертить круг потерпевших, которые могут потенциально стать таковыми, поскольку нигде в действующем законодательстве не определено, кого же считать «сотрудником правоохранительного органа». Предлагаем закрепить данный круг лиц в примечании к ст.317 УК РФ.

Список литературы

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

2. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

3. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 22 сентября 1989 г. N 9 "О применении судами законодательства об ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников, а также военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка" (подп. "г" п. 5) // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1989. N 6. С. 11.

4. Бобраков И.А. Уголовная ответственность за посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование // Российский следователь. 2006. N 3. С. 16-20.

УБИЙСТВО, СОВЕРШЕННОЕ ПРИ ПРЕВЫШЕНИИ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ (СТ.108 УК РФ)

Лукьянчикова Е.Ф.

доцент кафедры уголовного права и процесса, канд. юрид. наук,
НИУ «БелГУ», Россия, г. Белгород

Рожкова И.О.

магистрант 2 года обучения Юридического института,
НИУ «БелГУ», Россия, г. Белгород

В статье раскрываются понятие и признаки необходимой обороны, проблемы, связанные с квалификацией деяний по ст. 108 УК РФ. Проанализированы объективные и субъективные признаки состава преступления, подвергнута критике ст. 37 УК РФ, предложена ее новая редакция, а также высказаны иные предложения по совершенствованию действующей уголовно-правовой нормы.

Ключевые слова: убийство, оборона, ответственность, УК РФ.

Часть 2 статьи 45 Конституции Российской Федерации провозглашает право каждого человека защищать свои права и законные интересы теми способами, которые не противоречат закону [1]. Вместе с тем, государство в полном объеме не способно гарантировать безопасность отдельно взятого человека от общественно опасных деяний, в связи с чем оно должно обеспечить максимум возможностей в целях самозащиты. Такая возможность закреплена в норме Уголовного кодекса Российской Федерации о необходимой обороне (ст. 37 УК РФ) [2]. Изучение правоприменительной практики позво-

ляет сделать вывод о значительных недостатках при применении норм, регламентирующих институт необходимой обороны, в частности, ст. 108 УК РФ. Допускаются ошибки, которые приводят к незаконному привлечению лиц к уголовной ответственности. К сожалению, и сегодня правомерная необходимая оборона расценивается как преступление, а превышение пределов допустимой защиты – как преступления без смягчающих обстоятельств.

Сложности при квалификации общественно опасного деяния, предусмотренного ст. 108 УК РФ, разграничении его со смежными составами преступлений, обстоятельствами, исключающими преступность деяния, установлении его субъективных признаков обусловлены проблемами правовой регламентацией норм о необходимой обороне, несовершенством их законодательной конструкции.

Действия связаны с причинением вреда и по внешним признакам напоминают общественно опасные деяния, поэтому наиболее сложной проблемой на практике для правоприменителей является определение четких границ законного и преступного поведения человека, применившего меры самозащиты. Уголовное законодательство не только определяет основания реализации права на необходимую оборону, но и закрепляет совокупность необходимых условий, относящихся как к посягательству, так и защите, а установление возможного превышения пределов необходимой обороны базируется на оценочных критериях и, в конечном счете, является прерогативой суда.

Детальное изучение признаков необходимой обороны, описанных в научных трудах ученых-теоретиков, занимающихся этой проблемой, позволило сформулировать более полное его определение. *Необходимая оборона* – это правомерная защита прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства в форме активного противодействия, выражающегося в причинении имущественного или физического вреда посягающему лицу при соблюдении таких условий как общественная опасность, действительность и наличность посягательства.

Подвергая критике законодательную конструкцию, содержащуюся в ч. 2 ст. 37 Уголовного Кодекса РФ, в которой законодатель говорит о превышении пределов необходимой обороны применительно к случаям защиты «от посягательств, не сопряженных с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица либо с непосредственной угрозой применения такого насилия», следует отметить, что подобная формулировка выглядит спорной, так как наличие и продолжение общественно опасного посягательства определяет в конечном итоге наличие состояния необходимой обороны, а тяжесть (опасность) посягательства определяют пределы правомерной защиты, когда лицо уже оказалось в ситуации необходимой обороны. Учитывая изложенное, предлагаем более полную формулировку статьи 37 УК РФ:

«Статья 37. Необходимая оборона.

1. Действие, хотя и содержащее некоторые признаки преступления, но совершенное в состоянии необходимой обороны, а именно с целью самозащиты, защиты прав и законных интересов третьего лица, интересов общества

или государства от общественно опасного посягательства, также содержащего признаки преступления, путем причинения посягающему вреда, является правомерным и необходимым, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны.

2. Превышением пределов необходимой обороны признается причинение посягающему при отражении совершаемого им общественно опасного посягательства с целью самозащиты или защиты законных интересов другого лица, общества или государства чрезмерного, явно более чем необходимого и достаточного для предотвращения или пресечения посягательства вреда.

3. Лицо, объективно превысившее пределы необходимой обороны, в состоянии физиологического аффекта, вызванного посягательством, его опасностью, неожиданностью или иными психотравмирующими свойствами ситуации, не может быть признано виновным в преступлении, если оно не могло правильно оценить характер и опасность посягательства и сложившуюся ситуацию происшествия.

4. Лицо имеет право на необходимую оборону независимо от возможности избежать посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти. При наличии к тому возможности оно должно принимать участие в защите правоохраняемых интересов от общественно опасного посягательства и его последствий. В случаях, специально предусмотренных законодательством, неисполнение этой обязанности влечет уголовную ответственность».

Анализируя проблемы этапов *неоконченного преступления* применительно к убийству при превышении пределов необходимой обороны, мы пришли к суждению, что стадия приготовления к преступлению в данном случае исключена. Согласно ч. 2 ст. 30 УК РФ, уголовная ответственность наступает лишь за приготовление к тяжким и особо тяжким преступлениям. Преступления, совершенные при эксцессе обороны, исходя из санкции статей, к таковым не относятся, а, следовательно, ни в теоретическом, ни в практическом аспекте уголовная ответственность за приготовление к преступлениям, совершенным при эксцессе обороны, невозможна. Невозможно и покушение на убийство при превышении пределов необходимой обороны, так как лишь при наступлении общественно опасных последствий, предусмотренных законом, содеянное при эксцессе обороны может быть признано преступлением [3, с.134].

В соответствии с положениями Уголовного кодекса РФ право на отражение посягательства является неотъемлемым правом каждого человека независимо от занимаемой должности, специальной подготовки и служебного положения. Наряду с этим, для определенных категорий граждан оказание противодействия агрессивным антиобщественным проявлениям является их служебным долгом, а отказ от применения мер необходимой обороны для указанных лиц может заключать в себе состав преступления или дисциплинарного проступка. Состояние необходимой обороны может возникать при выполнении специальными субъектами, в частности военнослужащими, особыми обязанностями: при несении специальной службы (караульной, погранич-

ной) по охране общественного порядка, боевого дежурства, патрулировании и др. Военнослужащий при несении указанных видов службы обязан защищать соответствующие объекты, для чего наделяется необходимыми правами, вплоть до применения оружия. Отражая возможные посягательства, военнослужащий действует в состоянии необходимой обороны. В то же время оборонительные действия совершаются в порядке исполнения специальных обязанностей службы, регулируемых законами, воинскими уставами и другими военно-правовыми актами. Уклонение от выполнения их требований об охране соответствующих объектов при определенных условиях могут образовывать состав того или иного воинского (статьи 340-344 УК) или должностного преступления (статьи 285-286 УК).

Ввиду того, что на практике встречаются случаи применения оружия в состоянии необходимой обороны, мы предлагаем закрепить возможность и основания его применения для отражения преступного посягательства. Детально следует изложить условия применения иных защитных средств и приспособлений, дополнив ст. 37 УК РФ положениями о том, что они не должны создавать опасности для лиц, не совершающих общественно опасного посягательства, могут применяться только в момент осуществления общественно опасного посягательства и должны исключать причинение посягающему смерти или тяжкого вреда здоровью [4, с. 150-152].

Список литературы

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
2. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
3. Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М., 1955. – 211 с.
4. Попов А.Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. М., Норма. – 2001. – 465 с.

УБИЙСТВО МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА (СТ. 106 УК РФ)

Лукьянчикова Е.Ф.

доцент кафедры уголовного права и процесса, канд. юрид. наук,
НИУ «БелГУ», Россия, г. Белгород

Лютенко М.А.

магистрант 3 года обучения Юридического института, НИУ «БелГУ»,
Россия, г. Белгород

Статья посвящена одному из видов привилегированных составов убийств, убийству матери новорожденного ребенка. Рассмотрены виды убийств, вопросы определения признака «новорожденности» ребенка, выявлены проблемы дачи правовой оценки дей-

ствиям лица, которое совместно со специальным субъектом состава преступления, предусмотренного ст.106 УК РФ (убийство матерью новорожденного ребенка), выполняло объективную сторону преступления. Высказаны предложения по совершенствованию действующего уголовного законодательства.

Ключевые слова: убийство, уголовное право, УК РФ.

Все убийства в теории уголовного права подразделяются большинством исследователей на простое убийство, то есть убийство без смягчающих и отягчающих обстоятельств (имеются в виду случаи, когда данные обстоятельства введены в состав преступления в качестве конститутивных) (ч.1 ст.105 УК РФ); квалифицированное убийство – убийство при отягчающих вину обстоятельствах (ч.2 ст.105 УК РФ); привилегированные составы убийств, то есть убийства при смягчающих вину обстоятельствах (ст.ст.106-108 УК РФ).

Убийство вообще – это общественно опасное, противоправное, умышленное причинение смерти другому человеку, когда оно направлено непосредственно только на жизнь конкретного человека.

Несмотря на то, что законодатель ввел состав убийства матерью новорожденного ребенка в УК РФ как привилегированный, споры о том, является ли он таковым, не стихли. Некоторые ученые не согласны с законодателем и полагают, что оснований для отнесения детоубийства к менее опасному виду убийств не имеется. Волкова объясняет отсутствие необходимости выделения данной нормы как самостоятельной по следующим причинам:

- во-первых, роды – не внезапное событие, и период вынашивания ребенка является вполне достаточным временем для осознания ответственности за жизнь нового человека;

- во-вторых, родоразрешение – вполне естественный для женщины физиологический акт, далеко не всегда экстремально воздействующий на психику роженицы;

- в-третьих, если можно согласиться с обоснованием особым физиологическим состоянием роженицы убийство ребенка во время родов либо сразу же после них, то убийство новорожденного ребенка, совершенное значительно позже – в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, теми же аргументами труднообъяснимо [3, с. 9].

Исследуемая нами уголовно-правовая норма направлена на охрану жизни новорожденного ребенка. В связи с этим считаем практически весьма значимым определиться все-таки с понятием жизни. Понятно, что человеческая жизнь ограничена определёнными рамками рождения и смерти. Важно определить временные отрезки понятий рождения и смерти. Что касается момента начала жизни человека, то в юридической литературе по этому вопросу нет единого мнения.

В советский период в теории уголовного права моментом начала жизни почти единодушно признавалось начало процесса физиологических родов. А.А. Жижиленко аргументировал это следующим образом: «Пока роды не

начались, будет налицо умерщвление плода, а не убийство, но как только роды начались, в особенности, если часть младенца появилась наружу, можно говорить о рождении человека, убийство которого должно быть наказуемо» [4, с. 27]. Утверждение о том, что жизнь человека начинается с момента начала родов, сохраняется у нас и по настоящее время. В судебной практике, как правило, принято считать, что началом жизни человека является сам процесс рождения и что жизнь ребенка может явиться объектом убийства с начала родов. Поэтому не только лишение жизни уже родившегося ребенка, но и умерщвление его в процессе родов должно рассматриваться как убийство.

В то же время уголовно-правовая защита жизни и здоровья личности, что подтверждает судебно-следственная практика, начинается с процесса рождения человека, а процесс рождения протекает с момента начала физиологических родов до начала самостоятельного дыхания ребенка.

Разграничение умерщвления плода и убийства новорожденного судебной практикой осуществляется по следующему признаку: нанесено ли младенцу повреждение в утробе матери или вне утробы. Лишение жизни ребенка в момент, когда он уже вышел из чрева матери и позднее является убийством.

Проблемным моментом является определения признака «новорожденности» ребенка, поскольку ни законодательно, ни на уровне правовой позиции Верховного Суда РФ данный срок не установлен. Нет единства мнений и в литературе. Однако традиционно новорожденным считается ребенок, с момента родов которого прошло не более 28 дней.

Анализ диспозиции ст.106 УК РФ позволяет выявить следующие разновидности данного преступного деяния – убийство матерью новорожденного ребенка, совершенное: во время родов; сразу после родов; в условиях психотравмирующей ситуации; в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости.

С точки зрения квалификации вызывает определенные трудности дача правовой оценки действиям лица, которое совместно со специальным субъектом состава преступления, предусмотренного ст.106 УК РФ (матерью новорожденного ребенка), выполняло объективную сторону, т.е. является соисполнителем данного преступления, либо которое участвовало в совершении преступления как организатор, пособник, подстрекатель.

Согласно ч.4 ст.34 УК РФ лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанным в соответствующей статье Особенной части настоящего Кодекса, участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьей, несет уголовную ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя либо пособника [2].

Соучастники данного преступления не могут нести ответственности с учетом этого обстоятельства. Они отвечают на общих основаниях за простое или даже квалифицированное убийство.

Ответственность за убийство новорожденного ребенка, совершенное в соисполнительстве его матерью и другим лицом (другими лицами), должна наступать следующим образом. Действия матери, при наличии всех других

объективных и субъективных признаков, характеризующих состав убийства матерью новорожденного ребенка, необходимо квалифицировать по ст.106 УК РФ. То обстоятельство, что мать новорожденного ребенка непосредственно участвовала в убийстве, совершенном групповым способом, может быть учтено судом в соответствии с п. «в» ч.1 ст.63 УК РФ в качестве отягчающего обстоятельства при назначении ей наказания.

Действия другого соисполнителя (других соисполнителей) состава убийства матерью новорожденного ребенка (в зависимости от степени устойчивости субъективной связи между членами преступной группы) следует квалифицировать по соответствующему признаку «группа лиц», «группа лиц по предварительному сговору» или «организованная группа», предусмотренному п.«ж» ч.2 ст.105, а также по п.«в» ч.2 ст.105 УК РФ – лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии. Таким образом, каждый из соисполнителей убийства, в котором потерпевшим является новорожденный ребенок, несет ответственность за свой состав умышленного причинения смерти другому человеку по соответствующей статье и ее части (пункту) Особенной части УК РФ.

Соисполнительство в составе убийства матерью новорожденного ребенка будет наличествовать и в том случае, даже если мать младенца или кто-либо из других лиц, выполнявших объективную сторону преступления, не были привлечены к уголовной ответственности в силу недостижения возраста, невменяемости или по другим предусмотренным законом основаниям. Для признания убийства матерью новорожденного ребенка как совершенного в соисполнительстве главное заключается в наличии факта способствования членов соответствующей группы друг другу в выполнении объективной стороны преступления и осознании этого обстоятельства надлежащим субъектом. Надлежащий субъект убийства новорожденного ребенка должен нести ответственность по соответствующей статье Особенной части УК РФ.

При убийстве матерью новорожденного ребенка, в том числе совершенном совместно с другими лицами, возможна ситуация, когда беременная женщина заранее, до родов готовилась к этому преступлению. В литературе было высказано мнение о возможности нахождения матери «в нормальном состоянии во время родов», и совершение убийства новорожденного ребенка в таком состоянии должно влечь для матери ответственность на общих основаниях, то есть не по ст.106 УК РФ.

Список литературы

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»
2. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
3. Волкова Т. Правовая защита права на жизнь новорожденного // Законность. №4. 2004. С.6-11
4. Жижиленко А.А. Преступления против личности. – М., 1927. – 140 с.

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО КАК МЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАНСКОГО ИСТЦА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Никурадзе Н.О.

аспирант кафедры уголовного права и процесса,
Оренбургский государственный аграрный университет, Россия, г. Оренбург

В статье раскрываются проблемные аспекты практического применения наложения ареста на имущество как меры обеспечения гражданского иска в уголовном судопроизводстве. Акцентируется внимание на заинтересованности гражданского истца в реальном возмещении причиненного ему преступлением вреда и обязанности государства обеспечить для этого все необходимые условия. Анализируя в этой части действующее законодательство автором выявляется ряд несовершенств, для устранения которых он предлагает авторскую редакцию соответствующей нормы статьи Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Ключевые слова: гражданский иск, гражданский истец, меры обеспечения гражданского иска, наложение ареста на имущество, уголовное судопроизводство.

Процессуальная роль гражданского иска в отечественном уголовном процессе исторически обусловлена, именно французское «учение об исках» предопределило его сущность и характерные черты на сотни лет вперед. Так сегодня гражданский иск в уголовном процессе представляет собой комплексный институт, сочетающий уголовно-процессуальные, гражданско-процессуальные и гражданско-правовые признаки. Гражданский иск выступает не просто средством защиты прав и законных интересов лиц, которым преступлением причинен моральный или материальный вред, а ее гарантом. Так как он действует во исполнение назначения уголовного судопроизводства и ст. 52 Конституции РФ, согласно которой нарушенные преступлением права охраняются законом, и государством обеспечивается компенсация ущерба [1].

Гражданский истец, являясь участником уголовного судопроизводства, имеет материальную заинтересованность в разрешении гражданского иска, при этом бесконфликтное разрешение вопроса о размере и сроках возмещения вреда причиненного преступлением имеет большое значение для исполнения приговора в его части. Однако такой способ урегулирования криминального конфликта не абсолютен, и, безусловно, применение мер, носящих принудительный характер в целях обеспечения гражданского иска, не исключено. В этой связи своевременное признание лица гражданским истцом по уголовному делу, дает ему возможность обратиться с ходатайством о принятии органами, осуществляющими производство по уголовному делу, мер по обеспечению гражданского иска, предупредив возможную порчу, продажу, уничтожение имущества, подлежащего взысканию для удовлетворения исковых требований.

В качестве одной из таких мер законодатель называет наложение ареста на имущество – превентивно-обеспечительную меру, выражающуюся в

процессуальном принуждении, направленном на ограничение правомочий собственника, с целью недопущения его сокрытия, уничтожения, отчуждения для того, чтобы приговор мог быть беспрепятственно исполнен в части гражданского иска. Как разъясняет Пленум Верховного суда РФ, сторона должна заявить соответствующее ходатайство, суд при его удовлетворении вынести определение (судья постановление) о наложении ареста на имущество в интересах потерпевшего, гражданского истца, с целью обеспечения возмещения причиненного преступлением вреда [4].

Наложение ареста на имущество, приводит к ограничению конституционных прав лица, в частности абсолютное вещное право – право собственности, поэтому применение данной меры возможно только по решению суда (п. 9 ч. 2 ст. 29, ч. 1 ст. 115, 165 УПК РФ). Это объясняется конституционными положениями о том, что в Российской Федерации конституционные права могут быть, так или иначе ограничены в исключительных случаях федеральными законами, из норм УПК РФ следует, что таким правом обладает только суд.

Конституционный Суд РФ в своем определении от 18 ноября 2004 года № 356-О разъяснил, что наложение ареста на имущество в порядке ст. 115 УПК РФ возможно исключительно при наличии определенных уголовно-процессуальным законом условий и оснований, а именно сложившихся в реальности обстоятельств, указывающих на такую необходимость [2]. В этой связи основанием применения ареста имущества как меры обеспечения гражданского иска в порядке ст. 115 УПК РФ является убеждение лица, в том, что имущество, на которое должно быть обращено взыскание, заинтересованные лица сокроют, подвергнут отчуждению, подтвержденное достаточными данными, указывающими на возможность таких событий. При этом должны иметь место реальные факты попыток сокрыть или уничтожить вещи, продать недвижимость, уклонение от возмещения причиненного ущерба, заявленного в гражданском иске, в добровольном порядке, уклонение от явки и тому подобное.

В целом процессуальный порядок применения наложения ареста на имущество имеет подробную законодательную регламентацию, не вызывающую сложностей на практике. Иначе дело обстоит с отменой данной меры. В качестве ее материального основания выступает отсутствие необходимости в применении данной меры обеспечения гражданского иска в уголовном процессе; процессуальным – постановление должностного лица, в производстве которого находится уголовное дело.

В качестве примера обстоятельств, по которым отпадает необходимость применения данной обеспечительной меры, можно привести: 1) если арестованное имущество не подлежит взысканию согласно ст. 446 ГПК РФ; 2) если при производстве по уголовному делу, при рассмотрении и разрешении гражданского иска будет установлено, что преступлением материальный вред не причинен; 3) если нет достаточных данных полагать, что имущество, подлежащее взысканию, нажито преступным путем; 4) если причиненный вред частично или полностью возмещен.

Однако важно понимать, что отмена ареста, наложенного на имущество для обеспечения гражданского иска довольно сложна на практике, и в ряде случаев может привести не к гарантированности удовлетворения требований гражданского истца, а, напротив, к ее невозможности.

Рассмотрим практический пример, не являющийся редкостью. Старшим следователем отдела по расследованию преступлений на территории Ленинского района СУ при УВД по городу Оренбургу возбуждено уголовное дело по обвинению К. в совершении преступления, предусмотренного ч.4 ст.159 УК РФ. К. умышленно, незаконно, путем обмана и злоупотреблением доверия из корыстных побуждений получал в разных банках кредиты, на суммы 7 млн., 19,5 млн., 4 млн. рублей под залог принадлежащих ему четырехкомнатной квартиры и земельного участка. Не имея намерения возвращать банкам полученные кредиты, представлял в УФРС по Оренбургской области заведомо подложные документы по которым снимал обременения с указанных объектов, передаваемых под залог кредиторам. Для обеспечения приговора в части гражданского иска и других имущественных взысканий на имущество, находящееся в собственности К. был наложен арест судьей Ленинского районного суда. К. скрылся от предварительного следствия и был объявлен в федеральный розыск, в связи с чем уголовное дело приостановлено по п.2 ч.1 ст. 208 УПК РФ.

В результате сложилась ситуация, при которой лица, заявившие по данному уголовному делу гражданские иски в порядке гражданского судопроизводства, не могут добиться их реального удовлетворения. Конкурсный управляющий неоднократно обращался в суд с ходатайством о снятии ареста с имущества, для перерегистрации права собственности и его реализации с целью удовлетворения требований гражданских истцов. Однако суд отказал, мотивировав свое решение тем, что наложение ареста на имущество возможно в случаях, когда такая необходимость отпала, а по приостановленному уголовному делу до разрешения его по существу просто невозможно [5].

Представленная ситуация наглядно показывает, что такая мера как наложение ареста на имущество, целью которой является создание условий, обеспечивающих возможность удовлетворения интересов потерпевших, применяемую как механизм гарантирующий выполнение назначения уголовного судопроизводства в части защиты прав лиц и организаций потерпевших от преступлений, не всегда эффективно выполняет свою функцию. Лица ставшие потерпевшими по данному уголовному делу по факту не могут добиться реального возмещения причиненного им вреда. При этом практика показывает, что потерпевшие, заявившие иски больше, чем в определении меры наказания обвиняемому, в этой связи во многих случаях при добровольном возмещении причиненного преступлением вреда они обращаются либо с заявлением о прекращении уголовного преследования или об отсутствии претензий к обвиняемому.

По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора

малоэтажное строительство» и граждан В.А. Шевченко и М.П. Эйдлена Конституционный Суд РФ указал на неконституционность п.9 ст. 115 УПК РФ ввиду того, что механизм правового регулирования отмены ареста имущества не позволяет сохранять баланс между публичными и частными интересами для их эффективной защиты в судебном порядке [3].

По нашему мнению, устранение данной проблемы возможно, если внести изменения в ч.9 ст. 115 УПК РФ, дополнив ее положением: «Арест, наложенный на имущество, в интересах гражданского истца отменяется, в случае если удовлетворение исковых требований гражданского истца, обратившегося за защитой нарушенных преступлением прав в порядке гражданского судопроизводства, становится невозможным без такой отмены». Такой законодательный подход позволит повысить эффективность применения данной меры, устранить описанные проблемы, возникающие на практике, а главное обеспечить выполнение назначения уголовного судопроизводства в части защиты прав и законных интересов потерпевших.

Список литературы

1. Конституция РФ принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 декабря. В редакции Федерального конституционного закона от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ // Российская газета. 2014. № 31. 23 июля.

2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы региональной общественной организации вкладчиков «Объединение вкладчиков «МММ» на нарушение конституционных прав и свобод частью девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Определение Конституционного Суда РФ от 18 ноября 2004 года № 356-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2005. № 2.

3. По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В.А. Шевченко и М.П. Эйдлена. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 октября 2014 года №25-П // Вестник Конституционного Суда РФ. №1. 2015.

4. О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству. Постановление Верховного Суда РФ от 22 декабря 2009 года №28 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. №2. С. 7-8.

5. Архив Ленинского районного суда. Уголовное дело №1/2254 по обвинению К. в совершении преступления, предусмотренного ч.4 ст.159 УК РФ. 2009.

ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ЧЛЕНА СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ – ПРЕДСТАВИТЕЛЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Новикова В.И.

магистрант кафедры государственного и административного права,
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Россия, г. Саранск

В статье рассматриваются особенности конституционно-правового статуса члена Совета Федерации – представителя Российской Федерации, анализируются поправки, внесенные в Конституцию Российской Федерации и Федеральный закон «О порядке форми-

рования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации», противоречия, которые возникли при внесении поправок, предложены положения по совершенствованию законодательства в области порядка формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

Ключевые слова: Совет Федерации, конституционно-правовой статус члена Совета Федерации, представители Российской Федерации.

Федеральный закон «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» в редакции от 3 декабря 2012 года закрепил положение об основах формирования рассматриваемой палаты парламента, в соответствии с которым в Совет Федерации входят по два представителя от каждого субъекта Российской Федерации: по одному от законодательного (представительного) и от исполнительного органов государственной власти субъекта Российской Федерации [6]. Однако 22 июля 2014 года вступил в силу Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации», который изменил редакцию статьи 95 Конституции Российской Федерации в вопросе порядка формирования верхней палаты парламента.

Согласно поправке в Совет Федерации входят не только представители органов государственной власти от субъектов Российской Федерации, но и представители Российской Федерации, назначаемые Президентом Российской Федерации [7]. По мнению инициаторов законопроекта, реализация предложения «создаст дополнительные условия для достижения баланса полномочий и законных интересов Российской Федерации и ее субъектов, что является одной из основных целей деятельности Совета Федерации как органа Российской Федерации, призванного отражать ее федеративное государственное устройство» [3, с. 78].

Количественный состав представителей Российской Федерации согласно внесенным изменениям должен составлять не более 10 процентов от общего числа представителей субъектов Российской Федерации. Анализируя другие поправки в Конституцию Российской Федерации от 2014 года, определяем, что в Совет Федерации входит по 2 представителя из 85 субъектов, то есть 170 человек [2]. После установленных изменений максимальное число членов палаты будет составлять 187 человек. Отметим, что внесенная поправка не обязывает Президента Российской Федерации назначать строго определенное количество представителей. Глава государства имеет право назначить любое их количество, но не превышающее 17. Ситуации неназначения Президентом Российской Федерации представителей Российской Федерации в Совет Федерации, согласно конституционной норме, быть не должно, так как Конституция Российской Федерации предусматривает наличие таких представителей в составе палаты.

Таким образом, при реализации установленного порядка формирования палаты на практике состав членов Совета Федерации может варьироваться от 170 (что обозначает отсутствие представителей Российской Федерации) до 187 (что указывает на их работу в Совете Федерации в полном составе).

По мнению А. М. Литвинова, еще одним спорным вопросом остается соотношение возможного порядка прямого назначения членов Совета Федерации главой государства и принципа разделения властей [3, с. 78].

Основным аргументом сторонников «Президентской квоты» является то, что подобная практика назначения членов парламента главой государства распространена во многих странах. Примером является Вестминстерская модель парламентаризма, в основе которой лежат принципы формирования парламента Великобритании: верхняя палата практически полностью назначается монархом. В качестве еще одного примера рассматривается Италия, где Президент имеет право назначать сенаторов пожизненно.

Однако, анализируя мировой опыт более подробно, приходим к выводу, что рассматриваемый порядок назначения в Совет Федерации представителей Российской Федерации Президентом Российской Федерации является несколько неоправданным. Для России характерна республиканская форма правления, поэтому порядок формирования парламента в странах с монархической формой правления плохо применим для нашей страны. Обращаясь к Вестминстерской модели, отметим, что монарх в этом случае является частью законодательной ветви власти и образует еще одну – третью – палату парламента, то есть власть исходит от монарха, а парламента опосредует эту власть в законодательной сфере. Таким образом, члены парламента назначаются внутри одной ветви власти, а, значит, принцип разделения властей не нарушается.

Обращаясь к итальянской модели формирования парламента, обратим внимание на то, что Президент действительно имеет право назначать пятых граждан, «прославивших родину выдающимися заслугами в сфере общественной деятельности, науки, искусства и литературы» и сам после отставки может стать пожизненным сенатором. Важно помнить, что в Италии глава государства избирается парламентом, а не населением. Кроме того, в отличие от России, Президент Италии не обладает реальной политической властью: «ни один президентский акт не будет действителен, если он не контрасигнован предложившими его министрами, которые за этот акт ответственны» [4, с. 318]. Таким образом, наличие института контрасигнатуры – обязательного заверения решений Президента – делает итальянскую модель формирования парламента абсолютно неприемлемой для Российской Федерации.

Приходим к выводу, что сторонники нового порядка формирования Совета Федерации, говоря об успешности проведенной реформы и ссылаясь на мировой опыт формирования парламента главой государства, недостаточно подробно проанализировали опыт формирования законодательной ветви власти в странах с разными формами правления.

Неопределенным остается вопрос о законодательных требованиях к лицам – представителям Российской Федерации в Совете Федерации. На настоящий момент Федеральный закон «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» предусматривает такие требования только для кандидатов в члены Совета Федерации от субъектов Российской Федерации.

Постараемся проанализировать законодательно закрепленные требования к кандидатам для наделения полномочиями члена Совета Федерации от субъектов Российской Федерации и определить требования к кандидатам в Совет Федерации – представителям Российской Федерации.

В соответствии с частью 1 статьи 2 Федерального закона «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» для того, чтобы стать кандидатом для наделения полномочиями члена Совета Федерации от субъекта Российской Федерации, важно соответствовать четырем законодательно закрепленным составляющим [6]:

1. Гражданство Российской Федерации.
2. Возрастной ценз – не менее 30 лет.
3. Обладание безупречной репутацией.
4. Проживание на территории соответствующего субъекта Российской Федерации определенный срок.

К претенденту на должность члена Совета Федерации – представителя от Российской Федерации – могут быть применены некоторые требования, предъявляемые к членам Совета Федерации от субъектов страны. К таким требованиям относятся гражданство Российской Федерации и достижение тридцатилетнего возраста. Требование о проживании на территории соответствующего субъекта Российской Федерации определенный срок не должно применяться к кандидатам в Совет Федерации – представителям Российской Федерации, поскольку последние не представляют интересы субъектов государства. К рассматриваемым кандидатам может быть применено требование, например, о постоянном проживании на территории Российской Федерации на протяжении 20 лет.

Интересным для рассмотрения является такое требование для кандидатов в члены Совета Федерации как обладание безупречной репутацией. Данное требование выходит за рамки правового поля, представляя собой скорее субъективную моральную или нравственную оценку должностным лицом кандидата в члены Совета Федерации. Поэтому необходимо рассмотрение понятия «безупречная репутация» с нескольких подходов.

В толковом словаре С. И. Ожегова репутация представляет собой приобретаемую кем-нибудь общественную оценку, общего мнения о качествах, достоинствах и недостатках кого-нибудь [5, с. 401]. То есть безупречная репутация – это общественное мнение о достоинствах и безукоризненных качествах личности, о ее поведении без недостатков. Предполагается, что такое поведение должно быть не только во время работы или исполнения служебных обязанностей, но и в быту. При этом спорным остается вопрос: чья общественная оценка должна учитываться органом или должностным лицом при принятии решения о наделении полномочиями членом Совета Федерации – представителей Российской Федерации или субъектов Российской Федерации. Как правило, оценивает репутацию ближайшее окружение лица – коллеги, соседи, родственники, которые зачастую могут ввести в заблуждение компетентные органы.

Если попробовать рассмотреть понятие безупречной репутации с правовой точки зрения, то у претендента с безупречной репутацией не должно

быть нарушений российского законодательства как в уголовной сфере и области административных правонарушений (что в ряде случаев не позволяет быть кандидатом для наделения полномочиями члена Совета Федерации от субъектов Российской Федерации), так и в других областях.

В части 4 статьи 2 Федерального закона «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» определены препятствия для наделения полномочиями члена Совета Федерации от субъектов Российской Федерации, к которым относятся гражданство иностранного государства, недееспособность, содержание в местах лишения свободы, судимость за тяжкое или особо тяжкое преступление (за исключением случаев, если в соответствии с новым уголовным законом это деяние не признается тяжким или особо тяжким преступлением), непогашенная судимость за совершение преступлений экстремистской направленности, подвергнутый административному наказанию за совершение административного правонарушения, предусмотренного статьей 20.3 или 20.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (в течение срока, когда гражданин Российской Федерации считается подвергнутым административному наказанию).

На наш взгляд, кандидатом для наделения полномочиями члена Совета Федерации не может быть гражданин Российской Федерации, осужденный за любое преступление, в том числе небольшой и средней тяжести, если только в соответствии с новым уголовным кодексом деяние не признается преступлением или при его реабилитации. Если рассматривать установленные законом ограничения во взаимосвязи с безупречной репутацией, то следует установить ограничения для кандидатов, подвергнутых административному наказанию не только по указанным статьям, но и по всем другим статьям Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [1, с. 89].

В результате исследования мы определили, что поправка о порядке формирования Совета Федерации была внесена в Конституцию Российской Федерации по той причине, что Совет Федерации состоял из представителей только субъектов Российской Федерации, а сама страна, Российская Федерация, в верхней палате не представлена. Однако данная конституционная норма расширила полномочия Президента РФ, позволив ему вмешиваться в деятельность законодательной власти. К примеру, назначая членов Совета Федерации, Президент Российской Федерации может влиять на работу палаты парламента, изменяя количество голосов при принятии решения в любую сторону. С нашей точки зрения, раз возник вопрос введения в состав новых членов Совета Федерации, то их должен избирать сам народ Российской Федерации, поскольку предложение дать возможность Президенту Российской Федерации напрямую назначать и отрешать от должности членов Совета Федерации ставит под вопрос положение о независимости законодательной власти.

Еще один вопрос, требующий внесения соответствующих изменений в нормы Федерального закона «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации», касается порядка назначения Президентом Российской Федерации членов Совета Федерации – пред-

ставителей Российской Федерации. В данной статье нами были предложены дополнения, определяющие требования к членам Совета Федерации – представителям Российской Федерации, которые могут быть внесены в нормы соответствующего Федерального закона, регламентирующего порядок наделения полномочиями члена Совета Федерации от субъекта Российской Федерации.

Список литературы

1. Винокуров В.А. Предложения по внесению изменений в Федеральный закон «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Юридическая мысль. 2015. № 4. С. 84-90.
2. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 31, ст. 4398. – С. 11747-11778.
3. Литвинов А.М. Подходы к формированию Совета Федерации. Deskриптивное исследование // Законность и правопорядок в современном обществе. 2015. № 23. С. 75-81.
4. Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М.: Статут, 2013. 520 с.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1989. 750 с.
6. О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Рос. Федерации : федер. закон от 3 дек. 2012 г. № 229-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 20 ноября 2012 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 28 ноября 2012 г. : ввод. Федер. законом Рос. Федерации от 3 дек. 2012 г. № 229-ФЗ // Рос. газ. – 2006. – 7 дек. ; Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2012. – № 50 (часть 4), ст. 6952. – С. 16116-16122.
7. О Совете Федерации Федерального Собрания Рос. Федерации: закон Рос. Федерации о поправке к Конституции Рос. Федерации от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ : одобр. Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 23 мая 2014 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 28 мая 2014 г. : ввод. Федер. законом Рос. Федерации от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ // Рос. газ. – 2014. – 23 июля ; Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 30 (часть 1), ст. 4202. – С. 10963.

О НЕДОПУСТИМОСТИ ДОПРОСА АДВОКАТА В СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ

Осодоева Н.В.

преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики,
канд. юрид. наук, Бурятский государственный университет,
Россия, г. Улан-Удэ

В статье рассматриваются актуальные проблемы свидетельского иммунитета адвоката, защитника. Исследуются мнения ученых, судебная практика, анализируются причины недопустимости допроса в качестве свидетеля адвоката, защитника о сведениях, ставших им известными в связи с обращением к ним за юридической помощью или в связи с ее оказанием.

Ключевые слова: свидетельский иммунитет, свидетель, адвокат, защитник, адвокатская тайна, допрос.

УПК РФ в п. 2 и 3 ч. 3 ст. 56 четко и императивно указывает, что не подлежат допросу в качестве свидетелей адвокат, защитник подозреваемого, обвиняемого – об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием, адвокат – об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с оказанием юридической помощи [1].

В п. 6 Постановления Конституционного Суда РФ от 20 февраля 1996 г. №5-П указано: «Из неотъемлемого права каждого человека на защиту себя и своих близких, права каждого человека не свидетельствовать против самого себя и не быть принуждаемым к даче таких показаний вытекает, что как в ч. 1, так и в ч. 2 ст. 51 в число лиц, которые освобождаются от обязанности давать свидетельские показания, включаются те, кто обладает доверительной информацией, будь то в силу родственных связей или по роду своей профессиональной деятельности». Разглашением являются случаи, когда полученные адвокатом сведения становятся известны одному постороннему лицу [2].

Определение Конституционного Суда РФ от 6 июля 2000 года № 128-О по жалобе гражданина Виктора Васильевича Паршуткина на нарушение его конституционных прав и свобод п. 1 ч. 2 ст. 72 УПК РСФСР и ст. 15 и 16 Положения об адвокатуре РСФСР 1980 г. защитило адвокатскую тайну, исключив возможность допроса адвоката в качестве свидетеля об обстоятельствах и фактах, ставших ему известными в связи с оказанием юридической помощи в рамках профессиональной деятельности, независимо от времени и обстоятельств получения им таких сведений [3].

Непоколебимость свидетельского иммунитета адвоката была поставлена под сомнение в Определении от 6 марта 2003 года № 108-О по жалобе Гиви Важевича Цицкишвили на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации о том, что п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК РФ не исключает адвоката дать соответствующие показания в случаях, когда сам адвокат и его подзащитный заинтересованы в оглашении тех или иных сведений [4].

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в определении от 1 марта 2004 г. не усмотрела в действиях суда нарушений закона по делу Быкова и других: адвокат, присутствовавший на предварительном следствии при допросе подсудимого Быкова, был допрошен судом о нарушениях закона при допросе Быкова. В результате чего показания последнего были признаны судом допустимым доказательством. Протокол допроса оглашен в судебном разбирательстве и использован в обвинительном приговоре [5].

Эта же позиция была высказана Конституционным Судом РФ в Постановлении № 13-П от 29 июня 2004 г., в котором указано, что освобождение лица от обязанности давать показания, которые могут ухудшить положение его самого или его близких родственников либо привести к разглашению доверенной ему охраняемой законом тайны, то есть наделение этого лица свидетельским иммунитетом, является одной из важнейших и необходимых предпосылок реального обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

Вместе с тем применительно к уголовному судопроизводству «свидетельский иммунитет» не может рассматриваться в качестве препятствия для реализации лицом, обладающим таким иммунитетом, права использовать известные ему сведения, в том числе в целях обеспечения и защиты прав и законных интересов лиц, которых эти сведения непосредственно касаются [6].

Несомненно, острым остается вопрос о праве адвоката давать показания по поводу обстоятельств, ставших ему известными в связи с защитой.

В спорах сформировались две точки зрения. Одну из них сформулировал Президент Федеральной палаты адвокатов Е. Семеняко. Он считает, что адвокат должен руководствоваться, прежде всего, принципом: «Не можешь помочь доверителю – не навреди». Адвокат вправе дать в качестве свидетеля показания об обстоятельствах, ставших ему известными в процессе оказания юридической помощи подзащитному. Но сделать это можно только в одном случае, когда эти показания усиливают позицию клиента [7]. Многие ученые также придерживаются мнения о возможности допроса адвоката в качестве свидетеля [8, с. 51-53; с. 14; с. 58].

Представляется, наиболее приемлемым является мнение главы Адвокатской палаты Москвы Генри Резника. Он считает, что вызванный на допрос судебной повесткой адвокат обязан явиться в судебное заседание в назначенный срок либо заранее уведомить суд о причинах неявки, а затем принять все меры, чтобы предотвратить свой допрос в качестве свидетеля [9]. Также негативно относятся к возможности допроса адвоката и другие ученые [10, с. 4-6; 11, с. 8; 12, с. 49,82-86; 13, с. 57].

В свое время глубокое обоснование этого запрещения было дано уважаемым русским юристом А. Ф. Кони, который писал: «Проникнут нравственным элементом закон в том случае, когда воспрещается спрашивать о сознании подсудимого своему защитнику. Между защитником и тем, кто в тоске и тревоге от грозно надвинувшегося обвинения обращается к нему в надежде на помощь, устанавливается тесная связь доверия и искренности. Защитнику открываются тайники души, ему стараются разъяснить свою виновность или объяснить свое падение и свой, скрываемый от других, позор такими подробностями личной жизни, по отношению к которым слепая Фемида должна быть и глухою» [14, с. 53-54].

В обоснование своей позиции хотелось бы обратиться к нормам Основного закона РФ. В соответствии со ст. 23 Конституции РФ «каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени» [15].

Как следует из Определения Конституционного Суда РФ от 29 мая 2007 года № 516 – О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб граждан Гольдмана А. Л. и Соколова С. А. на нарушение их конституционных прав статьей 29, п. 3 ч. 2 ст. 38, п. 2 и 3 ч. 3 ст. 56 и п. 1 ч. 1 ст. 72 УПК РФ», запрет «допрашивать адвоката об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с участием в производстве по уголовному делу или в связи с оказанием иной юридической помощи, распространяется на обстоятельства любых событий – безотносительно к тому, имели ли они место после или до

того, как адвокат был допущен к участию в деле в качестве защитника обвиняемого, а также независимо от того, кем решается вопрос о возможности допроса адвоката – судом или следователем» [16]. Анализ указанного Определения Конституционного Суда РФ позволяет сделать вывод о недопустимости допроса адвоката в качестве свидетеля по уголовному делу в отношении его подзащитного.

Соответственно, установленный запрет в ст. 56 УПК РФ на допрос адвоката, вытекает из содержания защиты в уголовном процессе, доверительных отношений между обвиняемым и его защитником, права граждан на неразглашение личных тайн.

Необходимо отметить, что суды не должны принимать в качестве доказательства показания адвокатов и защитников о доверенных им тайнах. В соответствии со ст. 75 УПК РФ данные доказательства не могут быть признаны допустимыми. В уголовном процессе невозможно совмещение противоположных и исключających друг друга функций свидетельствования и защиты.

Список литературы

1. Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 9. Ст. 828.
3. Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 33. Ст. 3433.
4. Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 21. Ст. 2060.
5. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 1. С. 16 – 17.
6. Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 27. Ст. 2804.
7. Ямшанов Б., Петелина М. Допрос адвоката. Федеральная палата адвокатов выступает с протестом против начавшейся практики вызовов защитников на допрос: статья. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» в локальной сети Нац. б-ки РБ.
8. Дикарев И. Свидетельские показания адвоката по ходатайству его доверителя // Законность. 2006. № 8. С. 51-53; Пилипенко Ю. С. Предмет адвокатской тайны // Закон и право. 2009. № 6. С. 14; Волосова Н. Ю. Особенности правового регулирования участия священнослужителя в уголовно-процессуальных отношениях // Закон и право. 2008. № 4. С. 58.
9. Ямшанов Б., Петелина М. Указ. статья. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» в локальной сети Нац. б-ки РБ.
10. Мельниченко Р. Г. Адвокатам разрешили давать показания против своих клиентов? // Адвокат. 2008. № 7. С. 4-6.
11. Козырева И. Е. К вопросу о предмете свидетельских показаний // Российский следователь. 2008. № 24. С. 8.
12. Лазарева В. А., Попов Д. В. Проблемы использования свидетельских показаний в уголовном процессе. М., 2009. С. 49, 82-96.
13. Будников В. Л. Показания в уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 57.
14. Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе. Собр. соч.; В 8 т. Т.4. М.: Юрид. лит., 1967. С. 53-54.
15. Конституция. – М., 1993.
16. URL: http://sudbiblioteka.ru/ks/docdelo_ks/konstitut_big_4681.htm (дата обращения: 20.10.2015).

ПРАВОВАЯ ОХРАНА ПРОМЫШЛЕННЫХ ОБРАЗЦОВ В ЕС И РФ. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Пахомова К.С.

магистрант, Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Россия, г. Москва

Актуальность данной темы исследования обуславливается ростом важности как международно-правовой охраны промышленных образцов на уровне Российской Федерации и в рамках региональных организаций и региональных интеграционных образований, так и права, на основании которого они функционируют, начиная с XIX века. В результате включения Российской Федерации в соглашения, принимаемые под эгидой ВТО, право интеграционных объединений становится интересно не только само по себе, но и в контексте отдельных институтов правового регулирования, т.к. цель интеграционных объединений детерминирована установлением правового режима с целью обеспечения товарного характера различных благ, в том числе и результатов интеллектуальной деятельности.

Ключевые слова: промышленный образец, Модельный кодекс, Женевский акт, степень свободы дизайнера, контрафакт, Локарнская классификация (МКПО).

Основываясь на законодательстве РФ и Евросоюза в сфере защиты промышленных образцов, проведен сравнительный анализ для сближения законодательства ЕС и РФ в области дизайна и промышленных образцов и модернизации системы охраны прав интеллектуальной собственности в Российской Федерации.

Исследование охватывает синтез правовых норм ряда законодательных актов, которые употреблялись как основа для проведения сравнения. Основными юридическими текстами, лежащими в основе изыскания и наиболее часто представленными в статье, являются тексты Регламентов и Директив Европейского Союза по товарным знакам Сообщества и по охране дизайна Сообщества, с одной стороны, и текст Части IV Гражданского Кодекса Российской Федерации, с другой стороны. Эти документы содержат основные правовые нормы, регулирующие особенности правовой охраны товарных знаков и дизайна/промышленных образцов в Европейском Союзе и в Российской Федерации.

В 1992 г. был принят Патентный закон Российской Федерации, в котором, в частности, устанавливалась правовая охрана промышленных образцов по типу патентного права: патент на промышленный образец, действующий 15 лет со дня подачи заявки, предоставлял его владельцу исключительное право. В 1993 г. был принят Закон Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах», предусматривающий правовую охрану произведений декоративно-прикладного искусства (очевидно, и при применении их к промышленным изделиям). 1 января 2008 г. вступила в силу четвертая часть ГК РФ. Были отменены и Патентный закон РФ, и Закон РФ «Об авторском праве и смежных правах». ГК РФ не внес существенных изменений в правовую охрану промышленных образцов и произведений декоративно-прикладного искусства.

На евразийском пространстве было принято Соглашение о единых принципах регулирования в сфере охраны и защиты прав интеллектуальной собственности 2010 года (далее – Соглашение) [25]. В данном документе в качестве цели провозглашается создание скоординированной системы охраны и защиты прав интеллектуальной собственности. Обращаясь к нормам Соглашения, которые регулируют сферу патентных прав, можно указать, что в них закрепляется возможность получения патента на промышленный образец по национальной процедуре [25].

Данный документ не содержит нормы, в которых были бы прописаны другие ключевые аспекты правовой охраны промышленных образцов. В частности, Соглашение не отражает единого подхода к понятию промышленного образца, не регулирует вопросы приоритета промышленного образца, условия его патентоспособности, правила экспертизы заявки на промышленный образец, и ряд других. Такая ситуация свидетельствует о том, что Соглашение не решает вопросы унифицированной охраны прав на промышленные образцы и не содержит конкретных мероприятий по гармонизации действующих национальных законодательств в этой сфере. На территории государств-участников СНГ был принят Модельный кодекс интеллектуальной собственности для государств-участников СНГ от 07.04.2010 г. (далее – Модельный кодекс) [27].

Промышленным образцом в соответствии со статьей 1352 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ) считается художественно-конструкторское решение изделия промышленного или кустарно-ремесленного производства, определяющее его внешний вид. Следовательно, промышленный образец – это дизайн изделия, направленный на улучшение декоративных свойств и функциональности изделия.

Промышленный образец по своей природе близок к объектам авторского права, изобразительному искусству, к области промышленной эстетики. Однако в отличие от произведений искусства промышленный образец создается с целью массового тиражирования, т.е. может быть многократно воспроизведен путем изготовления соответствующего изделия.

Интеллектуальные права на промышленный образец включают исключительное право, срок действия которого исчисляется со дня подачи первоначальной заявки на выдачу патента в Федеральную службу по интеллектуальной собственности и составляет пятнадцать лет.

В соответствии со статьей 1377 ГК РФ заявка на выдачу патента на промышленный образец (заявка на промышленный образец) должна относиться к одному промышленному образцу или к группе промышленных образцов, связанных между собой настолько, что они образуют единый творческий замысел (требование единства промышленного образца).

В 2014 году законодательство в области интеллектуальной собственности претерпело существенные изменения, что потребовало изменения практики Роспатента, а также организации масштабных работ по подготовке предложений по совершенствованию подзаконных актов. Традиционно особое внимание уделялось вопросам повышения качества предоставления государ-

ственных услуг. С этой целью осуществлялся мониторинг практики правоприменения, проводились мероприятия по совершенствованию технологического и организационного обеспечения процедур предоставления правовой охраны объектам промышленной собственности. Решена стратегическая задача по переходу к регистрации объектов патентных прав в электронном виде.

С целью повышения осведомленности населения в области интеллектуальной собственности и создания условий для повышения изобретательской и инновационной активности хозяйствующих субъектов Роспатентом осуществляется сотрудничество с регионами. В 2014 году заключены соглашения о сотрудничестве с правительствами шести регионов, в том числе с Советом министров Республики Крым и Администрацией города Севастополя.

В рамках реализации положений Меморандума о взаимопонимании между Роспатентом и Всемирной организацией интеллектуальной собственности в 2014 году созданы центры поддержки технологий и инноваций на базе 36 хозяйствующих субъектов, включая 17 центров второго уровня. Важным событием в рамках сотрудничества Роспатента с Всемирной организацией интеллектуальной собственности стало открытие Представительства Всемирной организации интеллектуальной собственности в г. Москве 22 июля 2014 года.

В 2015 г. Роспатентом продолжена работа по подготовке нормативных актов, направленных на совершенствование механизма осуществления контрольных и надзорных мероприятий.

Приказом Министерства экономического развития Российской Федерации от 8 апреля 2015 г. № 209 утвержден Административный регламент исполнения Федеральной службой по интеллектуальной собственности государственной функции по осуществлению контроля и надзора в сфере правовой охраны и использования результатов интеллектуальной деятельности гражданского назначения, созданных за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, а также контроля и надзора в установленной сфере деятельности в отношении государственных заказчиков и организаций – исполнителей государственных контрактов, предусматривающих проведение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ (зарегистрирован в Минюсте России 15 мая 2015 г., рег. № 37309).

Система международной регистрации промышленных образцов была учреждена в 1925 году, когда по аналогии с Бернским союзом (образованным Бернской конвенцией по охране литературных и художественных произведений 1886 года) и Парижским союзом (образованным Парижской конвенцией по охране промышленной собственности 1883 года) был создан Гаагский союз. При подписании Женевского акта Гаагское соглашение о международном депонировании промышленных образцов было переименовано и в настоящее время носит название Гаагское соглашение о международной регистрации промышленных образцов.

Женевский акт, проекты постановления Правительства Российской Федерации и федерального закона о его ратификации соответствуют положениям Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г., а также

положениям иных международных договоров Российской Федерации. Женевский акт принят для упрощения процедуры получения одновременной охраны промышленных образцов в ряде стран. Главная цель принятия Женевского акта 1999 года как раз и состояла в привлечении в Гаагский союз стран, законодательство которых предусматривает проведение экспертизы по существу. Женевский акт допускает альтернативную возможность подачи международной заявки: как через национальное ведомство, так и напрямую в Международное бюро.

Основные функции в борьбе против поступления контрафакта на территорию Евросоюза возложены на таможенные органы стран-членов. Первоначальной правовой базой их деятельности в этом направлении был Регламент Совета №1383/2003/ЕС от 22 июля 2003 г. Регламент упростил технологию проверки и снизил ее стоимость, но главное – предоставил право таможенным органам уничтожать нелегальные товары без излишней бюрократической процедуры и выплаты какой-либо компенсации их владельцам. В некоторых случаях к последним применяются и штрафные санкции.

На основании проведенного сравнительного исследования способствование сближению законодательства Европейского Союза и Российской Федерации в области охраны товарных знаков и дизайна/промышленных образцов и содействие дальнейшей модернизации системы прав ИС в России сделаны следующие выводы:

В настоящее время определения дизайна Евросоюза и промышленного образца РФ и условия их охраны сходны, разница наблюдается только в терминологии. Применяют термины «информированный пользователь» и «информированный потребитель», которые нуждаются в дополнительном толковании. Термин «степень свободы дизайнера» для промышленного образца РФ упоминается только в Административном регламенте (Пункт 22.5.5. (2.1)) и нуждается в толковании для полноценного применения на практике.

Раскрыты различия в установлении видов сведений, ставших общедоступными в мире, которые детализированы для дизайна ЕС.

Применение Локарнской классификации (МКПО) осуществляется сходно и используется исключительно для административных целей в ЕС и РФ.

В ЕС для дизайна в отношении орнаментации может быть употреблено более одного класса Локарнской классификации (МКПО) в рамках одной и той же заявки.

Виды законодательства, регулирующего вопросы охраны дизайна ЕС и промышленных образцов РФ, отличаются. Охрана промышленных образцов РФ предоставляется патентным законодательством в Российской Федерации (в рамках ГК РФ), в Европейском Союзе существует специальный вид законодательства для охраны дизайна Сообщества.

Отличие законодательства РФ заключается в том, что оно определяет право работника на вознаграждение, выплачиваемое работодателем, если работником был создан служебный промышленный образец в связи с выполнением им своих трудовых обязанностей или конкретного задания работодате-

ля (Статья 1370 ГК РФ). Этот вопрос по дизайну в ЕС определяется национальным законодательством государств-членов Европейского Союза.

В России патент на промышленный образец выдается в бумажном виде, причем один патент на всех соавторов или правообладателей. Регистрация дизайна в ЕС Сертификат доступен в электронном виде и может быть распечатан с сайта Ведомства по гармонизации, а в бумажном виде может быть получен в исключительных случаях.

Условия в РФ и Европейском Союзе схоже в вопросах правовой охраны, сроков, порядка продления и льготные периоды по новизне.

Существует ряд терминологических различий (например, использование требования «оригинальность» (для промышленного образца РФ) вместо требования «индивидуальный характер» для дизайна Сообщества, которые в целом не влияют на сделанный вывод.

Кумулятивный принцип правовой охраны в отношении зарегистрированного дизайна Евросоюза и российского промышленного образца действует в обеих системах. Дизайн, охраняемый как дизайн ЕС, имеет право на охрану согласно авторскому праву государств-членов, которое осуществляется с даты создания дизайна или фиксации его в какой-либо форме. Условия предоставления охраны определяется каждым государством-членом ЕС самостоятельно (Статья 96 (2) CDR)

В Российской Федерации охрана незарегистрированных промышленных образцов не предоставляется сверх тех условий охраны, которые предоставляются авторским правом.

Понятие «зависимый промышленный образец» получило новые положения в отношении охраны промышленного образца РФ, в результате использование возможно только в случае получения разрешения на использование от обладателя более ранних прав на промышленный образец, на основании которого был создан и запатентован новый промышленный образец. Права, возникшие ранее на промышленный образец РФ, охраняемый в соответствии с патентным правом (ГК РФ), является препятствием для их использования без разрешения патентообладателя в новом промышленном образце РФ. Похожие положения имеются для дизайна ЕС, но специального термина не используется.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 03.07.2016).
2. Административный регламент по промышленным образцам.
3. Административный регламент по ознакомлению с документами заявки на выдачу патента.
4. Административный регламент по продлению срока действия исключительного права.
5. Административный регламент по восстановлению действия патента.
6. Административный регламент по публикации решений судов.
7. Правила составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации промышленных образцов, и их формы Порядок ознакомления с документами заявки на выдачу патента и выдачи копий таких документов.

8. Порядок продления срока действия патента.
9. Регламент Комиссии (ЕС) No 2869/95 от 13 декабря 1995 о пошлинах, уплачиваемых в Ведомство по гармонизации на внутреннем рынке (Товарные знаки и промышленные образцы) (OJ EC No L 303 от 15.12.1995, р. 33) с изменениями, внесенными: Регламентом Комиссии (ЕС) No 781/2004.
10. Приказ Федеральной службы интеллектуальной собственности (Роспатент) от 30 Ноября 2009 N 170 "Об утверждении Рекомендаций по отдельным вопросам экспертизы обозначений, представляющих собой этикетки и полиграфические упаковки".
11. «Соглашение о взаимодействии Федеральной антимонопольной службы и Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам" (утв. ФАС РФ, Роспатентом 09.04.2010).
12. Директива 98/71/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 13 октября 1998г. О правовой охране промышленных образцов // Directive 98/71/EC of the European Parliament and of the Council of 13 October 1998 on the legal protection of designs, (далее именуется DCD).
13. Регламент Совета (ЕС) No 6/2002 от 12 Декабря 2001 О промышленных образцах Сообщества (OJ EC No L 3 от 5.1.2002, р.
14. Регламент Комиссии (ЕС) No 2245/2002 от 21 октября 2002г. об имплементации Регламента Совета (ЕС) No 6/2002 по промышленным образцам (OJ EC No L 341 от 17.12.2002, р. 28) с изменениями, внесенными Регламентом Комиссии (ЕС) No 876/2007.
15. Приказ Федеральной службы интеллектуальной собственности (Роспатент) от 31.03.2009 N 48 "Об утверждении Рекомендаций по вопросам экспертизы заявок на промышленные образцы" (вместе с "Рекомендациями по проверке новизны и оригинальности промышленного образца") (далее именуется RUIDR).
16. Приказ Министерства образования и науки РФ от 29 октября 2008 г. N 322 (с изменениями от 06.10.2011) "Об утверждении Административного регламента исполнения Федеральной службой по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам...».
17. Федеральный закон от 12 марта 2014 No 35-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (согласно этому закону в ГК РФ были внесены изменения, вступающие в силу с 01.10.2014 и с 01.01.2015).
18. Федеральный закон от 18 декабря 2006 No 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее именуется 'Вводный закон ГК РФ').
19. Федеральный закон от 30 декабря 2008 No 316-ФЗ «О патентных поверенных» (с изменениями, внесенными Федеральным законом No 185-ФЗ от 02.07.2013 (далее именуется как «Закон о патентных поверенных»).
20. Близнац И.А., Леонтьев К.Б. Авторское право и смежные права. – М.: Проспект, 2011. – 416 с.
21. Гаврилов Э.П. 40-летие Договора о патентной кооперации // Патенты и лицензии. 2010. N 8. С. 8; Гаврилов Э.П. Первому российскому закону об авторском праве – 100 лет // Там же. 2011. N 2. С. 23.
22. Дюмулен И.И. Всемирная торговая организация. Экономика, политика, право. 3-е издание, дополненное. – М.: ВАВТ Минэкономразвития России (серия: Экономист-международник), 2012. – 360 с.
23. Кольчугин Д.Ю. Практика охраны объектов интеллектуальной собственности преподавателями кафедры, участвующей в подготовке экономистов и менеджеров // Экономика и предпринимательство. 2015. № 6-3 (59-3). – С. 526-530.
24. Результаты Уругвайского раунда многосторонних торговых переговоров. Правовые тексты. – М.: МАИК «Наука/Интерпериодика», 2002. – 486 с.

25. Соглашение о единых принципах регулирования в сфере охраны и защиты прав интеллектуальной собственности: Совершено г. Москва, 9 декабря 2010 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2014.

26. Уколов С.М. Мировые соглашения в интеллектуальных спорах.//Суд по интеллектуальным вопросам/ март 2016.

27. Модельный кодекс интеллектуальной собственности для государств-участников СНГ: Постановление № 34-б Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 07.04.2010 г. // [Электронный ресурс]. – URL: <http://zaki.ru/pagesnew>. (дата обращения 12.07.16)

28. О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы: Закон Республики Беларусь от 16.12.2002 г. № 160–3 // Национальный центр интеллектуальной собственности Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.belgospatent.org>. (дата обращения 12.07.16).

29. О промышленных образцах: Закон Республики Таджикистан от 28.02.2004 г. // Национальный патентно-информационный центр Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.tjpat.org>. (дата обращения 12.07.16).

30. Патентный Закон Кыргызской Республики от 25.07. 2002 г. // Государственная патентная служба Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kyrgyzpatent.org>. (дата обращения 12.07.16).

31. Патентный Закон Казахстана от 16.07.1999 г. № 427 // Национальный институт интеллектуальной собственности Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kazpatent.kz>. (дата обращения 12.07.16).

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ СУДЕБНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Решетова Е.С.

студентка 4 курса, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, России, г. Тамбов

Булгаков В.В.

доцент кафедры гражданского права, канд. юрид. наук,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
России, г. Тамбов

Дается понятие судебного представительства. Анализируются особенности современной классификации института судебного представительства в рамках гражданского и процесса РФ. Разрабатывается концепция классификации судебного представительства по признаку профессиональности оказываемых услуг.

Ключевые слова: представитель, гражданский процесс, классификация судебного представительства, профессиональное судебное представительство, договорное представительство, право на квалифицированную юридическую помощь.

Институт представительства существует практически во всех отраслях права. В гражданском судопроизводстве институт представительства выступает важнейшей гарантией осуществления конституционного права граждан и организаций на защиту их нарушенных или оспоренных прав и охраняемых законом интересов.

В ст. 48 ГПК РФ закреплено право граждан вести свои дела в суде лично или через представителей. Дела организаций всегда ведут в суде их органы либо представители. Любое процессуальное представительство представляет собой выполнение процессуальных действий одним лицом от имени и в интересах другого лица [5].

Судебный представитель в гражданском судопроизводстве – это участник гражданского судопроизводства, совершающий процессуальные действия от имени и в интересах представляемых граждан или юридических лиц, создающий для них своими действиями правовые последствия. Например, если представитель от имени представляемого истца реализует предоставленное ему право на отказ от иска, то после принятия такого отказа судом производство по делу прекращается, а у истца навсегда погашается право на судебную защиту по данному требованию.

Таким образом, судебное представительство – это процессуальная деятельность одного лица (представителя) в интересах другого лица (представляемого) и от его имени, осуществляемая в ходе гражданского судопроизводства в целях защиты прав и интересов представляемого, а также содействия правосудию по гражданским делам [1, с. 249].

Представляемым лицом может быть любое лицо, участвующее в деле, за исключением прокурора, а представителем – дееспособное лицо, имеющее надлежащим образом оформленные полномочия на ведение дела, кроме судей, следователей, прокуроров. Судьи, следователи, прокуроры могут выступать в суде лишь в качестве представителей соответствующих органов или законных представителей.

Гражданское процессуальное право регулирует только правоотношения, возникающие между судом и представителем, между судом и представляемым лицом. Отношения между представляемым и представителем носят материально-правовой характер, и, следовательно, в предмет регулирования гражданского процессуального права не включаются. Вместе с тем именно наличие материально-правовых отношений между представителем и доверителем служит предпосылкой процессуальных отношений, регулируемых институтом представительства в гражданском судопроизводстве.

Институт процессуального представительства в современном гражданском и арбитражном процессе Российской Федерации имеет существенное значение как для теории, так и для правоприменительной практики. Именно посредством судебного представительства в правоприменительной практике достигается возможность эффективной реализации ряда основополагающих принципов отечественного судопроизводства: равный доступ к правосудию, право лица на своевременную квалифицированную помощь, равенство всех перед законом и судом и другие.

Принципы права служат ориентиром правоприменительной деятельности государственных органов. Их соблюдение обеспечивает нормальное и единообразное развитие и функционирование правовой системы. Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ в своих постановлениях весьма часто ссылаются на необходимость использования принципа справедливости.

Принцип справедливости служит источником права при определенных обстоятельствах (например, в случае пробелов в праве). Справедливость как сочетание прав и обязанностей охватывает все области общественных отношений [4, с. 4].

Отдельное внимание в теории соответствующих отраслей процессуального права традиционно уделяется вопросам классификации видов судебного представительства. Теме классификации института судебного представительства посвящено немало трудов авторитетных авторов, среди которых можно выделить Е.Г. Тарло, М.А. Викут, М.К. Треушникова, Г.Л. Осокину, А.В. Вилисова и других. Однако, несмотря на разработанность данной темы, вследствие ряда объективных обстоятельств она остается актуальной и сегодня.

Вопросы классификации судебного представительства имеют существенное значение не только для теории процессуального права – верное понимание оснований возникновения судебно-представительских отношений в существенной степени способствует разрешению ряда практических вопросов.

Анализ трудов отечественных авторов – исследователей процессуального права показывает обширность имеющихся классификаций судебного представительства. Так, некоторые авторы классифицируют его в зависимости от наличия волеизъявления доверителя, в данном случае выделяют добровольное и обязательное судебное представительство. Под добровольным понимается судебное представительство интересов доверителя, основанное на оформленном соответствующим образом согласии представляемого субъекта делегировать ряд полномочий конкретному судебному представителю (представительство судебным представителем на основании доверенности). Обязательное представительство – судебно-представительская деятельность, осуществляемая при обстоятельствах, исключающих необходимость получения согласия доверителя для представления его интересов в соответствующем суде (судебное представительство недееспособных или ограниченно дееспособных лиц в соответствии с нормами федерального законодательства) [2, с. 48].

Другая, не менее распространенная, классификация судебного представительства базируется на различиях в основаниях возникновения судебно-представительских отношений. Традиционно выделяют следующие виды представительства:

1. Договорное – между доверителем и представителем заключается соглашение об оказании соответствующих услуг [6, с. 311].

2. Общественное – судебное представительство осуществляется общественными объединениями. В данном случае доверителем может являться как член подобного объединения, так и любое иное лицо [6, с. 312].

3. Законное – основанное на определенных в законодательстве юридически значимых фактах. К законному представительству относят представление интересов несовершеннолетнего лица его родителями, опекунами.

4. По назначению – судебный представитель для лица назначается судом. Допустимо при наличии определенных в законе обстоятельств, например, если у ответчика, место жительства которого неизвестно, отсутствует

судебный представитель. Характеризуя данный вид судебного представительства, многие авторы [3, с. 15] указывают на его новизну для отечественного права, отмечая при этом, что фактически судебное представительство по назначению впервые было предусмотрено действующим процессуальным законодательством Российской Федерации [7, с. 201].

Некоторые авторы выделяют и иные виды судебного представительства в зависимости от оснований его возникновения. Наличие ряда актуальных вопросов, появляющихся при реализации и функционировании правового института судебного представительства в рамках гражданского и арбитражного процесса Российской Федерации, позволяет предположить возможность дальнейшей разработки темы классификации судебного представительства и использования полученных результатов.

Список литературы

1. Адвокатура в России: учебник для вузов (под ред. д.ю.н., проф. В.И. Сергеева). М.: «Юстицинформ», 2011. 576 с.
2. Богомолов М.В. Особенности современной классификации правового института судебного (процессуального) представительства в гражданском и арбитражном процессе // Вестник Поволжского института управления. 2014. № 1 (40). С. 47-53.
3. Бортникова Н.А. Представительство по назначению суда в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 5. С. 15-18.
4. Булгаков В.В. Концепция справедливости в праве: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2001. 176 с.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (с изм. и доп. от 01.01.2016) // Собрании законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.
6. Осокина Г.Л. Гражданский процесс: Общая часть. М.: Норма, 2008. 752 с.
7. Чамышева Ю.А. Представительство по назначению суда – новый вид судебного представительства в гражданском судопроизводстве Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2006. № 2. С. 200-202.

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ СИСТЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРИОРИТЕТОВ

Рябцев А.А.

Ликвидационная комиссия ФСКН России, подполковник полиции,
Россия, г. Москва

В статье раскрыты существующие правовые подходы к оценке содержания понятия «национальная безопасность». На основе происшедших изменений в социальной, экономической, правовой и иных сферах автор исследовал эволюцию правовых основ обеспечения национальной безопасности Российской Федерации на наиболее важных для личности, общества и государства направлениях, вскрыл правовые пробелы в системе стратегических национальных приоритетов Российской Федерации, показал объективные системные взаимодействия ее элементов в части, касающейся антинаркотической безопасности, и предложил новое определение понятия «антинаркотическая безопасность».

Ключевые слова: система стратегических национальных приоритетов, антинаркотическая безопасность, организованная транснациональная преступность, наркотические средства.

В современных условиях среди общесистемных теоретических понятий в сфере деятельности органов государственной власти Российской Федерации, уполномоченных на борьбу с организованной транснациональной наркопреступностью, особое значение приобрело понятие «национальная безопасность». Это связано с объективным усложнением и растущей динамикой геополитических, социальных, экономических и др. процессов в условиях глобализации, обуславливающих появление новых и трансформацию существующих угроз, представляющих опасность для личности, общества и государства.

Однако в период становления правовых основ Российской Федерации стратегические национальные приоритеты рассматривались законодателями в основном с позиции обеспечения экономической безопасности. Так, в научных работах и публикациях о состоянии защищенности объектов безопасности Российской Федерации в 1990-х гг. отмечается актуальность угроз саморазрушения личности, общества, государства под воздействием внутренних негативных социально-экономических факторов и в этой связи актуальность задач разработки модели новой экономической системы государства с учетом процессов вхождения российской экономики в единое мировое экономическое пространство.

В 1992 г. было нормативно определено понятие «безопасность» и его содержание. Согласно Закону Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности», под безопасностью понималось «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз», под жизненно важными интересами понималась «совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства», под угрозами безопасности – «совокупность условий и факторов, создающих опасность жизненно важным интересам личности, общества и государства». При этом к основным объектам безопасности отнесены: «личность – ее права и свободы; общество – материальные и духовные ценности; государство – его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность» [2].

Автор полагает, что такая редакция понятийного аппарата в значительной степени была основана законодателем не на глубоких теоретических исследованиях сформировавшихся взаимосвязей общественных отношений, а на исходном толковании понятия «безопасность», означающем «состояние, при котором не угрожает опасность» [17, с. 144].

В 1992 г. принципы обеспечения безопасности Российской Федерации связывались с законностью, с соблюдением баланса жизненно важных интересов личности, общества и государства, с взаимной ответственностью личности, общества и государства по обеспечению безопасности, а также с интеграцией с международными системами безопасности. Систему безопасности Российской Федерации в этот период образовывали органы законодательной, исполнительной и судебной властей, государственные, общественные и иные организации и объединения, граждане, принимающие участие в обеспечении

безопасности в соответствии с законом, а также законодательство, регламентирующее отношения в сфере безопасности. К основным функциям системы безопасности относились: выявление и прогнозирование внутренних и внешних угроз жизненно важным интересам объектов безопасности, осуществление комплекса оперативных и долговременных мер по их предупреждению и нейтрализации; создание и поддержание в готовности сил и средств обеспечения безопасности; участие в мероприятиях по обеспечению безопасности за пределами Российской Федерации в соответствии с международными договорами и соглашениями, заключенными или признанными Российской Федерацией; и др. [2].

Автор полагает, что законодатель в ряду функций системы безопасности Российской Федерации обоснованно на первое место поставил функцию по выявлению и прогнозированию внутренних и внешних угроз жизненно важным интересам объектов безопасности, т. е. личности, обществу и государству. Однако в 1990-х гг. отсутствовал соответствующий правовой механизм, который позволил бы данную функцию реализовать.

Непосредственно в Законе Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» полномочия органов власти в системе безопасности были разграничены в редакции, не предусматривающей реализацию целого ряда обозначенных законодателем функций. Например, функция по выявлению и прогнозированию внутренних и внешних угроз жизненно важным интересам объектов безопасности не была отнесена ни к одному из субъектов системы обеспечения безопасности Российской Федерации и, как следствие, осуществлялась ими формально.

Наряду с указанным, Законом Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» не была определена система стратегических национальных приоритетов Российской Федерации. Более того, отсутствовало само понятие «стратегические национальные приоритеты». Вместе с тем др. нормативными правовыми актами Российской Федерации, изданными в 1990-х гг., были регламентированы отдельные понятия, по мнению автора, образующие элементы такой системы. Например, в 1994 г. определено понятие «пожарная безопасность» [1], в 1996 г. – «экономическая безопасность» [9] и др.

Первая попытка нормативно отобразить совокупность элементов системы стратегических национальных приоритетов Российской Федерации была предпринята только в Указе Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», в котором отмечено, что «основными направлениями обеспечения национальной безопасности Российской Федерации являются стратегические национальные приоритеты, которыми определяются задачи важнейших социальных, политических, экономических преобразований для создания условий реализации конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, осуществления устойчивого развития страны, сохранения территориальной целостности и суверенитета государства» [6].

Данным Указом Президента Российской Федерации было также впервые определено содержание понятия «национальная безопасность», под ко-

торым законодателем предложено понимать «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства» [6]. Ранее это понятие без определения его содержания упоминалось в качестве тождественного понятию «безопасность» в указах Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» [7], от 10 января 2000 г. № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» [8].

Вместе с тем в 2009 г. законодатель лишь наметил важнейшие направления обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, которые приобрели более конструктивное системное содержание в новом Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности»: «содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации (далее – безопасность, национальная безопасность)» [2].

В 2010 г. основные принципы обеспечения национальной безопасности, действовавшие с 1992 г., были существенно дополнены. Дополнено также содержание данной деятельности (функции). При этом оставлена на первом месте функция по прогнозированию, выявлению, анализу и оценке угроз безопасности Российской Федерации, а также более полно в сравнении с позицией законодателя 1992 г. определен перечень субъектов деятельности и содержание их полномочий в области обеспечения безопасности [2].

Указанные нормативные положения сформировали основы правового механизма обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, который приобрел свое современное содержание с изданием Указа Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», уточнившим понятийный аппарат. В частности, дополнено содержание понятия «национальная безопасность», под которым понимается «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации. Национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности» [9].

В такой редакции еще более конструктивно по сравнению с более ранней редакцией определены важнейшие направления обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: государственная, общественная, информационная, экологическая, экономическая, транспортная, энергетиче-

ская безопасность, безопасность личности. Вместе с тем автор полагает не вполне корректным прямо соотносить указанные виды безопасности с содержанием понятия «национальная безопасность». Согласно Указу Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», «система обеспечения национальной безопасности – совокупность осуществляющих реализацию государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности органов государственной власти и органов местного самоуправления и находящихся в их распоряжении инструментов», а «обеспечение национальной безопасности – реализация органами государственной власти и органами местного самоуправления во взаимодействии с институтами гражданского общества политических, военных, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности и удовлетворение национальных интересов» [9]. Перечисленные законодателем виды безопасности более корректно относить к системе стратегических национальных приоритетов Российской Федерации, образующих в своей совокупности важнейшие направления обеспечения национальной безопасности.

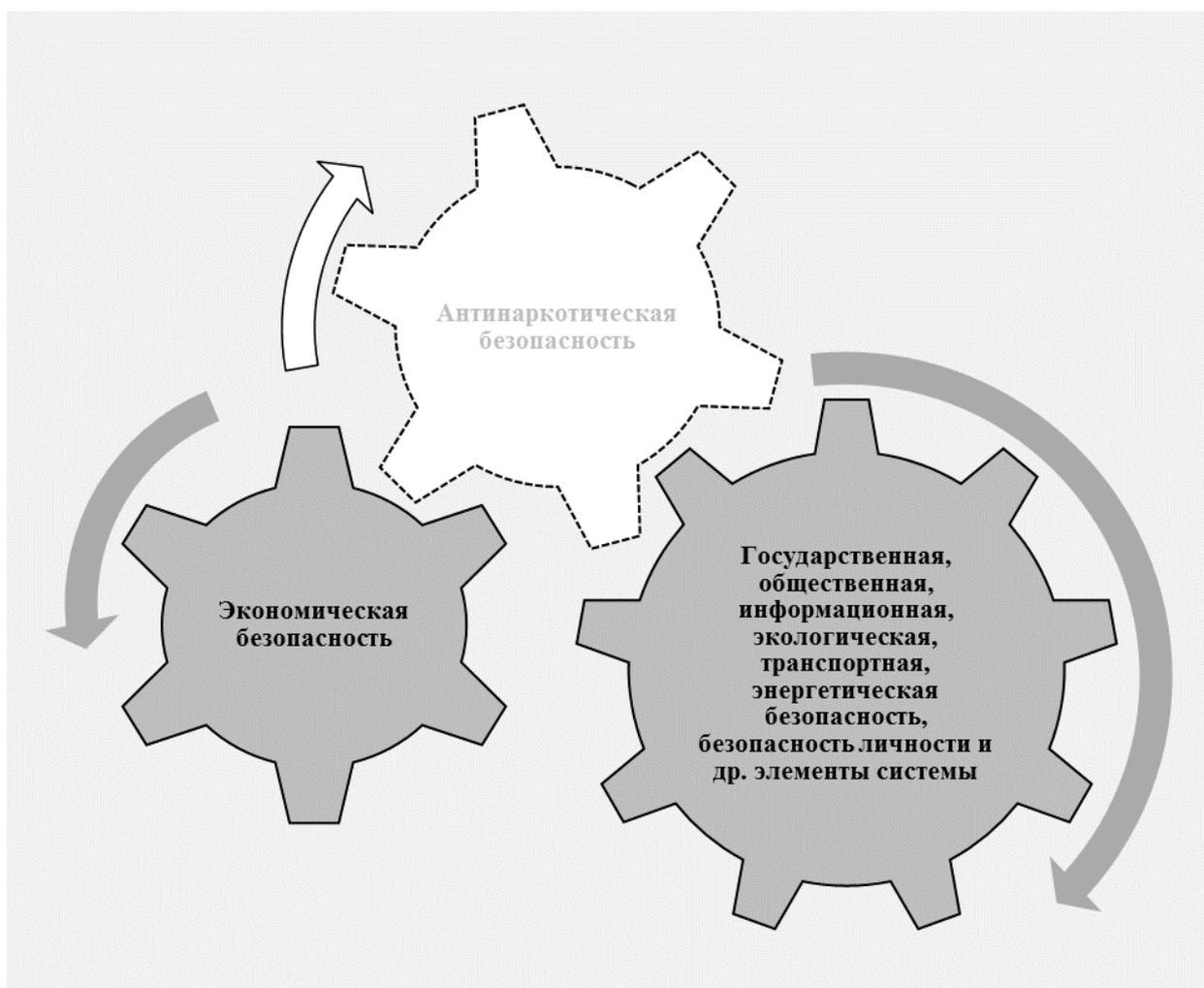


Рис. 1. Действующая правовая система стратегических национальных приоритетов и ее пробелы

На основе сравнительного исследования действующих нормативных правовых актов автором составлена система стратегических национальных приоритетов Российской Федерации на современном этапе. При этом системный элемент «антинаркотическая безопасность» отмечен условно, так как в действующих нормативных правовых актах его содержание не определено (см. рис. 1).

Очевидная незавершенность теоретической разработки понятия «национальная безопасность» и его содержания привели к формированию многочисленных авторских подходов. Так, отдельные авторы в своих научных работах воспроизводят определение национальной безопасности, сформулированное в нормативных правовых актах Российской Федерации, в том числе утративших силу, отдельные – дали собственное толкование [13, с. 111].

Несомненный теоретический интерес представляет научная позиция Кузнецова В.Н., который определил безопасность, как «сетевую устойчивую совокупность необходимых и достаточных факторов, надежно обеспечивающих: достойную жизнь каждого человека; защищенность всех структур жизнеспособности семьи, общества и государства; их цели, идеалы, ценности и интересы, их культуру и образ жизни, традиции от неприемлемых рисков, от внутренних и внешних вызовов и угроз, способность эффективно предотвращать формирующиеся опасности на основе культуры компромисса по поводу благополучия и справедливости для всех» [15, с. 551].

В изученных источниках отражены также иные мнения об определении понятия «национальная безопасность» и его содержания [14, с. 14].

Правовая основа обеспечения национальной безопасности Российской Федерации формировалась и развивалась под влиянием внутренних процессов, происходящих в развитии личности, общества и государства, а также внешних угроз, обусловленных международными и др. проблемами. Сравнительное исследование изданных с 1990-х гг. по настоящее время нормативных правовых актов показало эволюцию правовых основ современной парадигмы национальной безопасности Российской Федерации и позволило вскрыть пробелы в определении существующих целевых ориентиров.

В начале 1990-х гг. началось формирование понятийного аппарата и становление системного представления об обеспечении безопасности Российской Федерации. Важной тенденцией законодательной деятельности данного периода стало широкое обсуждение подготавливаемых законопроектов на научных конференциях, в средствах массовой информации и др. Изданные в этот период нормативные правовые акты стали важным этапом в развитии правовых основ национальной безопасности Российской Федерации, но при этом были мало взаимосвязанными и научно обоснованными. Автор полагает, что относительной последовательностью и логичностью характеризовалась лишь законодательная деятельность в сфере обеспечения экономической безопасности.

Правовые основы целого ряда иных важнейших направлений обеспечения национальной безопасности, в том числе антинаркотической безопасности в этот период практически не разрабатывались. Вместе с тем именно в

начале 1990-х гг. территория Российской Федерации стала активно «осваиваться» организованной транснациональной наркопреступностью, а российское население столкнулось с проблемой наркотизма [16, с. 216].

Неудовлетворенность эффективностью действующего законодательства в начале 1990-х гг. ставила перед недостаточно подготовленными законодателями все новые задачи и новые ситуационные правовые проблемы, порождая тем самым скороспелые решения в виде мало взаимосвязанных и научно обоснованных законопроектов [12].

Объективное изменение ситуации наметилось лишь к 2009 г.: на смену стихийным правовым отношениям начала 1990-х гг., зачастую построенным на принципе имплементации законодательства иностранных государств, приходило осмысление национальной безопасности Российской Федерации с позиции стратегических национальных приоритетов.

В 2000-х гг. были разработаны и изданы целый ряд стратегически важных нормативных правовых актов и документов, составляющих правовую основу обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Несмотря на отсутствие в основополагающих нормативных правовых актах, определяющих систему стратегических национальных приоритетов Российской Федерации, элемента «антинаркотическая безопасность», активно разрабатывались правовые основы соответствующей деятельности.

Отличительной особенностью этого периода стало отображение в нормативных правовых актах Российской Федерации взаимосвязей, характеризующих деструктивное воздействие на общественные отношения разных видов организованной транснациональной преступности [9]. При этом практически все виды транснациональной преступности характеризовались законодателем взаимосвязями с наркопреступностью [10, 11].

Автор полагает, что внимание законодателя к указанным проблемам обусловлено следующими негативными тенденциями: а) сохранение общей нестабильности мировой экономики и ее зависимость от финансовых трафиков наркоиндустрии; б) развертывание политических и военных конфликтов в разных регионах мира с навязыванием в этих регионах нового баланса ценностей, в том числе снижающих оценку общественной опасности наркопроизводства и наркопотребления отдельных видов наркотиков; в) усиление глобального информационного противоборства; г) обострение демографической ситуации в условиях вовлечения российской молодежи в наркопотребление; д) рост угроз, связанных с незаконными миграцией, производством и оборотом наркотиков, торговлей людьми и др. формами организованной транснациональной преступности.

На основе результатов исследования системных связей общественных отношений, возникающих при осуществлении организованной транснациональной преступной деятельности, связанной с незаконным оборотом наркотиков, и борьбы с ней, автором составлен перечень основных объектов деструктивного воздействия угроз, формирующихся в области незаконного производства, оборота и потребления наркотиков (рис. 2).

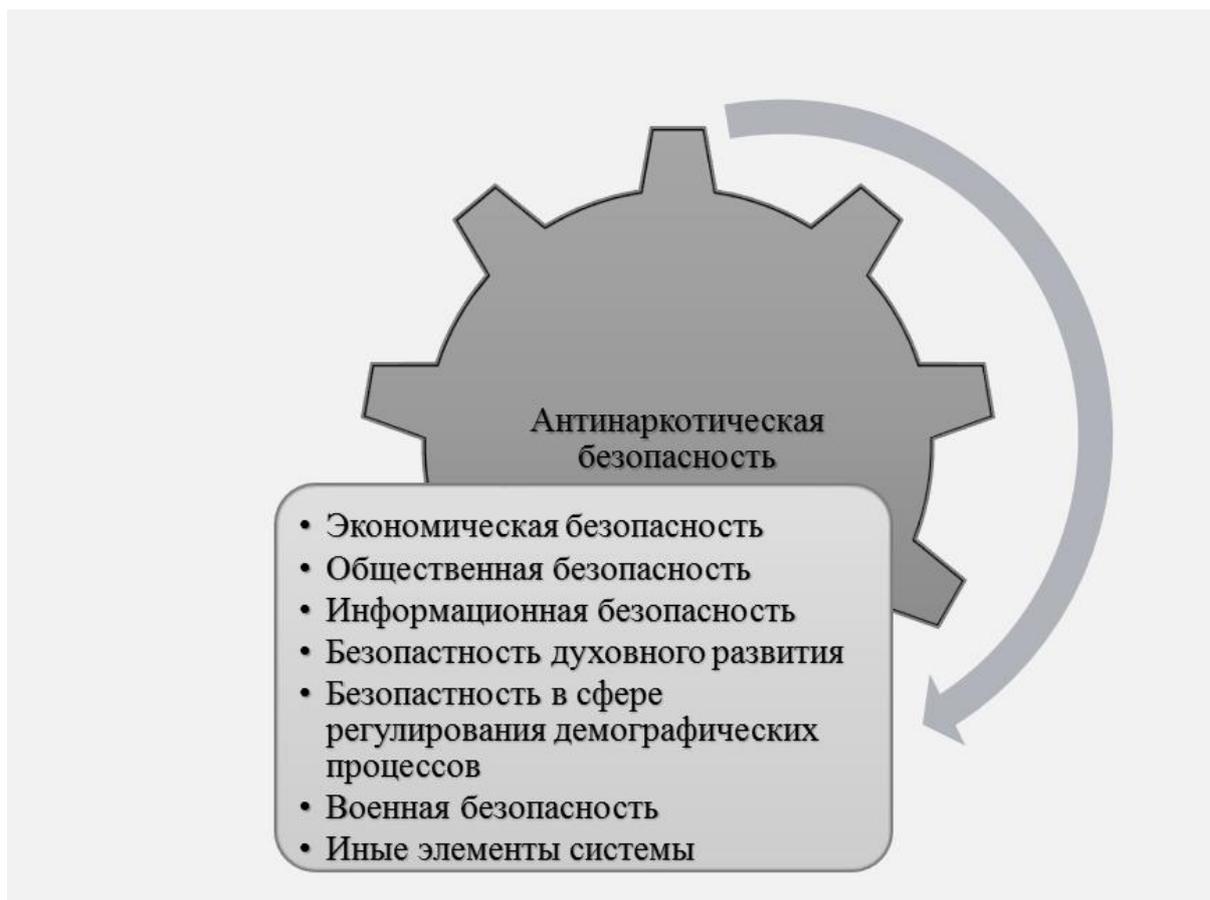


Рис. 2. Антинаркотическая безопасность в системе стратегических национальных приоритетов Российской Федерации, выступающих основными объектами деструктивного воздействия наркоугроз

Таким образом, очевидно появление новых угроз национальной безопасности Российской Федерации, которые необходимо учитывать, своевременно дополняя существующую систему стратегических национальных приоритетов (государственная, общественная, информационная, экологическая, экономическая, транспортная, энергетическая безопасность, безопасность личности и др.) новыми условными целевыми ориентирами в виде новых элементов данной системы. Например, в условиях явного доминирования на протяжении последних двух десятилетий угроз, формирующихся в области незаконного производства, оборота и потребления наркотиков, до настоящего времени отсутствует правовое осмысление соответствующего системного элемента стратегических национальных приоритетов – антинаркотическая безопасность Российской Федерации. Указанное приводит к закономерному отставанию правовых мер государственного реагирования на организованную транснациональную наркопреступность от ее качественного содержания.

На основании изучения взаимосвязей общественных отношений, возникающих при осуществлении организованной транснациональной преступной наркодеятельности, а также борьбы с данным видом преступности, в том числе мер по нейтрализации и предупреждению процессов ее детерминации, автором предложено под антинаркотической безопасностью Российской Федерации понимать состояние защищенности личности, общества и государ-

ства от внутренних и внешних угроз, формирующихся в области незаконного производства, оборота и потребления наркотиков.

Список литературы

1. Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации, 26.12.1994, № 35, ст. 3649.
2. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации, 03.01.2011, № 1, ст. 2.
3. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 230-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2015, № 29 (ч. I), ст. 4356.
4. Закон Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992, № 15. ст. 769.
5. Указ Президента Российской Федерации от 29 апреля 1996 г. № 608 «О государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (основных положениях)» // Собрание законодательства Российской Федерации, 29.04.1996, № 18, ст. 2117.
6. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства Российской Федерации, 18.05.2009, № 20, ст. 2444.
7. Указ Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 29.12.1997, № 52, ст. 5909.
8. Указ Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 10.01.2000, № 2, ст. 170.
9. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 04.01.2016, № 1 (ч. II), ст. 212.
10. Военная доктрина Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976 // «Российская газета», № 298, 30.12.2014.
11. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации 5 октября 2009 г. // «Российская газета», № 198, 20.10.2009.
12. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 20 сентября 2001 г. № 1896-III ГД // Собрание законодательства Российской Федерации, 01.10.2001, № 40, ст. 3814.
13. Волков Я.В. Геополитика и ее влияние на обеспечение безопасности в современном мире : дисс. ... д-ра полит. наук / Военный университет. М., 2001. С. 111.
14. Кийко М.Ю. Борьба с наркобизнесом в системе национальной безопасности России. Теория, методология, экономическая оценка // Ленанд. М., 2013. С. 14.
15. Кузнецов В.Н. Теория компромисса / Книга и бизнес. М., 2010. С. 551.
16. Лукьянович Н.В. Геополитика России: теоретико-методологические основы, генезис, особенности формирования и развития в условиях глобализации : дисс. ... д-ра полит. наук / Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации. М., 2004. С. 216.
17. Ожегов С.И. Словарь русского языка : ред. С.И. Скворцов. 26-е изд., испр. и доп. / Оникс; Мир и Образование. М., 2009. С. 144.

**АЛГОРИТМ ПЕРЕХОДА ГОСУДАРСТВЕННЫХ
И МУНИЦИПАЛЬНЫХ УНИТАРНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
НА ПРИМЕНЕНИЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОТ 05.04.2013 № 44-ФЗ
«О КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЕ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ,
РАБОТ, УСЛУГ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД»**

Сафина С.Д.

доцент кафедры «Гражданское право и процесс», канд. юрид. наук, доцент, сертифицированный преподаватель в сфере закупок, Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, Россия, г. Уфа

Настоящая статья посвящена определению алгоритма действий государственных и муниципальных унитарных предприятий с целью перехода на применение Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» с 01 января 2017 г.

Ключевые слова: государственные закупки, унитарные предприятия, переход на применение закона о контрактной системе.

В соответствии с положениями Федерального закона от 3 июля 2016 г. №321-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и нужд отдельных видов юридических лиц» государственные, муниципальные унитарные предприятия с 1 января 2017 г. осуществляют закупки в соответствии с требованиями Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [2] (далее – Федеральный закон № 44-ФЗ о контрактной системе).

Исключение составят закупки, осуществляемые в течение года в соответствии с Положением о закупке – правовым актом, предусмотренным частью 3 статьи 2 Федерального закона от 18 июля 2011 года № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [1] (Закон № 223-ФЗ о закупках отдельными видами юридических лиц), принятым государственными, муниципальными унитарными предприятиями и размещенным до начала 2017 года в единой информационной системе:

- за счет грантов, передаваемых безвозмездно и безвозвратно гражданами и юридическими лицами, в том числе иностранными гражданами и иностранными юридическими лицами, а также международными организациями, получившими право на предоставление грантов на территории Российской Федерации в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, субсидий (грантов), предоставляемых на конкурсной основе из соответствующих бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, если условиями, определенными грантодателями, не установлено иное;

- в качестве исполнителя по контракту в случае привлечения на основании договора в ходе исполнения данного контракта иных лиц для поставки товара, выполнения работы или оказания услуги, необходимых для исполнения предусмотренных контрактом обязательств данного предприятия, за исключением случаев исполнения предприятием контракта, заключенного в соответствии с пунктом 2 части 1 статьи 93 Закона № 44-ФЗ о контрактной системе.

Алгоритм перехода унитарных предприятий на применение Федерального закона №44-ФЗ о контрактной системе предполагает ряд действий, необходимых к осуществлению, рассмотрению которых и посвящена настоящая статья.

В первую очередь перед унитарными предприятиями стоит задача регистрации в Единой информационной системе в качестве заказчика по Федеральному закону №44-ФЗ о контрактной системе, для чего необходимо получить ключ усиленной электронной подписи в органах Федерального казначейства. Затем зарегистрироваться или перерегистрироваться (для зарегистрированных организаций) в соответствии с Приказом Федерального казначейства от 30.12.2015 № 27н «Об утверждении Порядка регистрации в Единой информационной системе в сфере закупок» [9] и настроить личный кабинет заказчика.

Государственным и муниципальным унитарным предприятиям следует учитывать, что осуществление закупочной деятельности в соответствии с требованиями Федерального закона № 44-ФЗ о контрактной системе построено на таких принципах, как принцип открытости, прозрачности информации о контрактной системе в сфере закупок, обеспечения конкуренции, профессионализма заказчиков, стимулирования инноваций, единства контрактной системы в сфере закупок, ответственности за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд, эффективности осуществления закупок.

Среди перечисленных принципов в настоящий момент особое значение для унитарных предприятий получает принцип профессионализма заказчика.

В соответствии со ст. 9 Федерального закона №44-ФЗ о контрактной системе, контрактная система в сфере закупок предусматривает осуществление деятельности заказчика на профессиональной основе с привлечением квалифицированных специалистов, обладающих теоретическими знаниями и навыками в сфере закупок. На заказчиков возложена ответственность за принимаемые меры по поддержанию и повышению уровня квалификации и профессионального образования должностных лиц, занятых в сфере закупок, в том числе путем повышения квалификации или профессиональной переподготовки в сфере закупок в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Государственным и муниципальным унитарным предприятиям необходимо также проанализировать совокупный объем закупок на следующий год с тем, чтобы определиться право или обязанность стоит перед заказчиком в решении вопроса о создании контрактной службы. Совокупный объем заку-

пок унитарным предприятиям следует определять как утвержденный на соответствующий финансовый год общий объем финансового обеспечения для осуществления заказчиком закупок в соответствии с Федеральным законом № 44-ФЗ о контрактной системе. Создание контрактной службы необходимо заказчикам, совокупный годовой объем закупок которых превышает сто миллионов рублей (обратите внимание, что создание специального структурного подразделения при этом не является обязательным). Заказчик может ограничиться назначением контрактного управляющего – должностного лица, ответственного за осуществление закупки или нескольких закупок, включая исполнение каждого контракта.

Если будет создана Контрактная служба, то действовать она должна в соответствии с положением (регламентом), разработанным и утвержденным на основании типового положения (регламента), утвержденного Министерством экономического развития России от 29.10.2013 № 631[8].

Во исполнение принципа профессионализма заказчика, работники контрактной службы, контрактный управляющий должны иметь высшее образование или дополнительное профессиональное образование в сфере закупок.

В целях организации закупочной деятельности в соответствии с требованиями Федерального закона № 44-ФЗ о контрактной системе, унитарным предприятиям необходимо будет сформировать комиссию по осуществлению закупок. В отличие от требований Федерального закона № 223-ФЗ, в соответствии с которым создание закупочных комиссий для проведения процедур закупок, является правом заказчика (за исключением проведения конкурсной процедуры), то в соответствии с Федеральным законом № 44-ФЗ о контрактной системе создание таких комиссий – это его обязанность.

Заказчиком могут создаваться конкурсные, аукционные, котировочные комиссии, комиссии по рассмотрению заявок на участие в запросе предложений и окончательных предложений и единые комиссии, осуществляющие функции по осуществлению закупок путем проведения конкурсов, аукционов, запросов котировок, запросов предложений. Число членов конкурсной, аукционной или единой комиссии должно быть не менее чем пять человек, число членов котировочной комиссии, комиссии по рассмотрению заявок на участие в запросе предложений и окончательных предложений должно быть не менее чем три человека. Во исполнение принципа профессионализма заказчика, в комиссию по осуществлению закупок заказчику следует включать преимущественно лиц, прошедших профессиональную переподготовку или повышение квалификации в сфере закупок, а также лиц, обладающих специальными знаниями, относящимися к объекту закупки.

Статьей 15 Федерального закона № 44-ФЗ о контрактной системе предусмотрена ранее отмечавшаяся возможность унитарных предприятий применять положения Федерального закона № 223-ФЗ о закупках отдельными видами юридических лиц. Для этих целей, зарегистрировавшись в Единой информационной системе в качестве заказчика по Федеральному закону № 44-ФЗ, унитарному предприятию необходимо принять положение о закупках в новой редакции, учитывающей область его применения в соответствии с

изменившимся законодательством. Разместить такое положение в Единой информационной системе необходимо будет в 2016 году с тем, чтобы иметь возможность применять его с 2017 г. по разрешенным основаниям, указанным выше.

Завершающим шагом перехода на применение Федерального закона №44-ФЗ унитарными предприятиями является планирование закупок на 2017 г. и последующие годы в соответствии с положениями закона о контрактной системе. Планирование закупок должно осуществляться исходя из определенных с учетом целей осуществления закупок посредством формирования, утверждения и ведения:

- 1) планов закупок;
- 2) планов-графиков.

Планирование для заказчиков федерального уровня должно осуществляться в соответствии с Постановлениями Правительства РФ от 05.06.2015 № 552 «Об утверждении Правил формирования, утверждения и ведения плана закупок товаров, работ, услуг для обеспечения федеральных нужд, а также требований к форме плана закупок товаров, работ, услуг для обеспечения федеральных нужд» [4], от 05.06.2015 № 553 «Об утверждении Правил формирования, утверждения и ведения плана-графика закупок товаров, работ, услуг для обеспечения федеральных нужд, а также требований к форме плана-графика закупок товаров, работ, услуг для обеспечения федеральных нужд» [5].

Заказчики регионального и муниципального уровня при планировании закупок будут использовать положения Постановлений Правительства РФ от 21.11.2013 № 1043 «О требованиях к формированию, утверждению и ведению планов закупок товаров, работ, услуг для обеспечения нужд субъекта Российской Федерации и муниципальных нужд, а также требованиях к форме планов закупок товаров, работ, услуг» [3], от 05.06.2015 № 554 «О требованиях к формированию, утверждению и ведению плана-графика закупок товаров, работ, услуг для обеспечения нужд субъекта Российской Федерации и муниципальных нужд, а также о требованиях к форме плана-графика закупок товаров, работ, услуг» [6]. Обоснование к плану и плану-графику закупок унитарные предприятия формируют в соответствии с требованиями Постановления Правительства РФ от 05.06.2015 № 555 «Об установлении порядка обоснования закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и форм такого обоснования» [7].

Переход на применение унитарными предприятиями Федерального Закона № 44-ФЗ о контрактной системе требует от заказчика достаточно серьезного и основательного подхода, осуществления ряда организационных мероприятий и обучения сотрудников, которые будут вести закупочную деятельность в соответствии с изменившимися требованиями законодательства. Надеемся, настоящая статья поможет заказчикам – унитарным предприятиям определиться с алгоритмом необходимых действий с целью соблюдения требований законодательства о переходе на применение Федерального Закона № 44-ФЗ о контрактной системе с 1 января 2017 г.

Список литературы

1. О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: Федеральный закон от 18 июля 2011 года № 223-ФЗ//Собрание законодательства РФ. 2011. № 30 (ч.1). Ст. 4571.
2. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ// Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.
3. О требованиях к формированию, утверждению и ведению планов закупок товаров, работ, услуг для обеспечения нужд субъекта Российской Федерации и муниципальных нужд, а также требованиях к форме планов закупок товаров, работ, услуг: Постановление Правительства РФ от 21.11.2013 № 1043// Собрание законодательства РФ. 2013. № 48. Ст. 6252.
4. Об утверждении Правил формирования, утверждения и ведения плана закупок товаров, работ, услуг для обеспечения федеральных нужд, а также требований к форме плана закупок товаров, работ, услуг для обеспечения федеральных нужд: Постановление Правительства РФ от 05.06.2015 № 552// Собрание законодательства РФ. 2015. № 24. Ст. 3473.
5. Об утверждении Правил формирования, утверждения и ведения плана-графика закупок товаров, работ, услуг для обеспечения федеральных нужд, а также требований к форме плана-графика закупок товаров, работ, услуг для обеспечения федеральных нужд: Постановление Правительства РФ от 05.06.2015 № 553// Собрание законодательства РФ. 2015. № 24. Ст. 3474.
6. О требованиях к формированию, утверждению и ведению плана-графика закупок товаров, работ, услуг для обеспечения нужд субъекта Российской Федерации и муниципальных нужд, а также о требованиях к форме плана-графика закупок товаров, работ, услуг: Постановление Правительства РФ от 05.06.2015 № 554// Собрание законодательства РФ. 2015. № 24. Ст. 3475.
7. Об установлении порядка обоснования закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и форм такого обоснования: Постановление Правительства РФ от 05.06.2015 № 555// Собрание законодательства РФ. 2015. №24. Ст. 3476.
8. Об утверждении Типового положения (регламента) о контрактной службе: Приказ Минэкономразвития России от 29.10.2013 № 631// Российская газета. 2013. № 273.
9. Об утверждении Порядка регистрации в Единой информационной системе в сфере закупок: Приказ Федерального казначейства от 30.12.2015 №27н//Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2016. № 26.

ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ, СВЯЗАННЫХ С ЗЕМЕЛЬНЫМИ УЧАСТКАМИ

Скрябина Н.В.

магистрант кафедры гражданского права и процесса,
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального
образования «Российский государственный социальный университет»,
Россия, г. Дедовск

В статье рассматривается судебная практика, относящаяся к вопросам, связанным с использованием земельных участков, поднимается очень важный вопрос, о том, что: есть ли единая практика по данной категории дел, или каждый судья опирается при вынесении решения на свое личное убеждение? Нарушается ли в таком случае права гражданина и

юридического лица положенные им по Конституции РФ, Земельному кодексу РФ и Гражданскому кодексу РФ?

Ключевые слова: право, закон, судебная система, земельный участок, физическое лицо, юридическое лицо.

В Российской Федерации судебная система занимает значимую позицию в рассмотрении споров связанных с разрешением вопросов касающихся земельных участков. В данной главе автор будет рассматривать вопросы, которые разрешаются в судебном порядке, на первый взгляд гражданин обратился в суд, для того что бы его право восстановили, не редко бывают случаи. Когда федеральный суд удовлетворяет исковое заявление гражданина, а областные суды отменяют данное решение или изменяют его, но также не редки случаи, когда областные суды оставляют решение без изменения. Вопрос состоит в том, что существуют уже сложившаяся судебная практика по рассматриваемым делам, связанным с земельными участками, также судья должен единолично выносить решение основываясь на своем внутреннем убеждении, но если посмотреть на практику, то получается, что каждый судья трактует закон по-разному, в данном разделе своей работы автор попытается привести примеры данных решений суда и дать правовую оценку.

В городской суд обратилась гражданка К.Ю.А. с требованием отменить договор дарения земельного участка, взыскании морального вреда, в обоснование своих требований гражданка К.Ю.А. указана, что по договору дарения она подарила гражданину В.В.В. земельный участок, указав его уникальные характеристики, площадь, адрес места положения, что данная сделка фактически прикрывала другую сделку – по продаже указанного земельного участка, но ответчик не выплатил денежные средства в полном объеме. В связи с чем, истец просит признать сделку недействительной, применить последствия недействительности сделки путем возвращения земельного участка в собственность истца. В судебном заседании ответчик указал, что был заключен договор дарения земельного участка ему истцом, договоренности о выплате денежных средств не было, после заключения договора дарения ответчик продал данный спорный земельный участок 3-ему лицу С.Н.К. В судебном заседании 3-е лицо С.Н.К. просила оставить исковое заявление без удовлетворения, так как она приобрела данный спорный земельный участок у ответчика по договору купли – продажи на законных основаниях.

Суд изучив все представленные документы находящиеся в материалах дела приходит к выводу, что истцом не были представлены доказательства, что совершенный договор дарения имел под собой намерение совершить иную сделку, также в материалах дела имеется отказ о возбуждении уголовного дела в отношении ответчика по заявлению истца, также из материалов дела усматривается, что истец сама изъявила желание оформить данную сделку по договору дарения, также в соответствии с абз. 1 и абз. 2 п. 34 постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29.04.2010 №10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права соб-

ственности и других вещных прав» истец не заявила требований к 3-ему лицу С.Н.К., как к титульному собственнику спорного земельного участка, ввиду чего суд пришел к выводу – отказать в удовлетворении искового заявления [1]. Данное решение суда было обжаловано истцом в областном суде, но областной суд оставил решение без изменения [5].

Из данного решения суда можно сделать вывод, что права добросовестного приобретателя права защищены законом, вот почему важно, чтобы все документы были оформлены надлежащим образом. При заключении сделки необходимо понимать ее последствия. В данном случае истец хотел избежать уплаты налогов по договору купли – продажи и заключил договор дарения данного земельного, за что и поплатился своими денежными средствами и земельным участком.

Есть решения суда, когда Администрация района соблюдает все правила по проведению публичных слушаний об изменении вида разрешенного использования с «для огородничества» на «для индивидуального жилищного строительства» и по результатам этих слушаний разрешено владельцу изменить вид разрешенного использования, но Администрация района отказывает в данной процедуре, т.к. представлением Истринского городского прокурора запрещено осуществлять изменении вида разрешенного использования земельного участка, ранее предоставленного для целей не связанных со строительством. Однако положения ст.39 Градостроительного кодекса РФ и подп.3 п.1 ст.4 Федерального закона от 29.12.2004 №191-ФЗ «О введении в действие Градостроительного кодекса Российской Федерации» отсутствует в качестве отказа в изменении разрешенного использования земельного участка такое основание как представление прокурора. Суд удовлетворил требование истца К.П.А. о признании незаконным отказа в изменении вида разрешенного использования земельного участка и обязанности принять решение об изменении вида разрешенного использования земельного участка [2].

В свою очередь Московский областной суд отменил данное постановление по делу решение, сославшись на то, что в соответствии с ч. 1, 2 ст. 7 ЗК РФ земли в РФ по целевому назначению подразделяются на категории, используются в соответствии с установленным для них целевым назначением. Процедура предоставления земельного участка для жилищного строительства из земель, находящихся в государственной и муниципальной собственности происходит по средствам проведения аукциона (ст. 30.1. ЗК РФ). В данном случае истец получил земельный участок без проведения аукциона для целей, не предусматривающих жилищное строительство, принимая в собственность данный земельный участок, собственник изъявил свое согласие с указанным видом разрешенного использования. Кроме того, согласно п. 3 ч. 1 ст. 4 ФЗ от 29 декабря 2004 года №191-ФЗ «О введении в действие Градостроительного кодекса РФ» вплоть до принятия данного кодекса, но не более чем через пять лет со дня введения в действие данного кодекса решение об изменении одного вида разрешенного использования земельного участка на другой принимается главой местной администрации с учетом результатов публичных слушаний. Но с 01 января 2015 года данные полномочия перешли

к Министерству имущественных отношений МО. Ввиду чего данное решение было отменено [6].

Именно виду существования такого рода судебной практики и толкования новых законов, нужно просвещать граждан в юридической сфере, чтобы граждане не проходили все инстанции, получали вроде бы разрешение на изменение вида разрешенного использования земельного участка, а после всего суд им отказывал.

В городской суд обратился АО «Россельхозбанк» к гражданину К.Д.В. об обращении взыскания на заложенное имущество. Истец заключил с ответчиком несколько договоров о залоге (ипотеки) земельных участков. Истец обосновал свою позицию тем, что между истцом и ООО «Тротуар» был заключен договор об открытии кредитной линии, с последующим процентным возмещением, в обеспечение исполнения договора истец и ответчик заключили договор залога (ипотеки) в отношении земельных участков ответчика, была проведена в дальнейшем процедура размежевания земельных участков. Также был заключен договор ипотеки (залога) в отношении земельных участков для размещения на них складских помещений, общая площадь, которых 40 000 кв.м. Заемщик не надлежащим образом исполнял свои обязательства по данному кредитному договору, в отношении ООО «Тротуар» введена процедура банкротства. Суд изучив представленные материалы дела, заслушав доводы сторон пришел к выводу иск удовлетворить в полном объеме. Ответчик подал апелляционную жалобу на решение суда. Ответчик обосновал свое несогласие тем, что истцом было указано, что ООО «Тротуар» с марта 2015 года не исполняет свои обязательства по кредитному договору, суд не учел положение ст. 54.1 ФЗ «Об ипотеке (залоге) недвижимости», так как просрочка была не значительной, не соразмерной взыскиваемому имуществу с ответчика, истец злоупотребили своим правом [4]. Судебная коллегия посчитала, что решение суда следует изменить в части начальной суммы имущества, с которой начинаются публичные торги, установив ее в соответствии с рыночной стоимостью земельных участков, в остальной части решение суда оставить без изменения [3].

В данном решении суда четко видно противоречие суда первой инстанции и апелляционной инстанции в отношении суммы публичных торгов. В данном случае четко видно, что каждый судья руководствуется внутренним убеждением и своей трактовкой закона. Также данное решение показывает закон в действии в отношении не исполнения договора ипотеки (залога).

В Российской Федерации есть четкое разграничение между нарушением права физических лиц и юридических лиц. Первые обращаются за восстановлением нарушенного права в Федеральные суды, а вторые обращаются за восстановлением нарушенного права в Арбитражные суды. В данном разделе своей работы автор хочет рассмотреть более значимые примеры возникновения нарушения права юридических лиц, которые разрешаются в Арбитражных судах РФ более часто.

В Арбитражный суд обратился Комитет по управлению имуществом Администрации Одинцовского муниципального района Московской области

к ООО "Крейт" с иском о взыскании задолженности и расторжении договора аренды земельного участка. Истец пояснил в судебном заседании, что между ним и ответчиком был заключен договор аренды земельного участка, стороны согласовали предмет договора – земельный участок с кадастровым номером, срок действия договора он составлял 49 лет, размер и порядок оплаты внесения арендных платежей. Земельный участок предоставлен был ответчику для строительства торгового комплекса. Ответчик в свою очередь не надлежащим образом исполнял свои обязательства по внесению арендной платы в срок, что и послужило причиной обращения истца в суд. Ввиду сложившейся задолженности ответчика истец, также просил взыскать пени за просрочку платежей, суд изучил представленные расчеты и проверил их правильность. Истец просит расторгнуть договор аренды с ответчиком, по делу проведена экспертиза и составлен акт проверки земельного участка, данный акт сообщает о том, что земельный участок свободен от строений, что свидетельствует о том, что участок не используется по его целевому назначению. Из материалов дела следует, что ответчик более двух раз не вносил арендную плату в установленный договором срок. Истцом была соблюдено досудебное урегулирование вопроса, путем направления ответчику претензии, о чем в материалах дела имеется квитанция и уведомление о вручении. Суд изучив все материалы дела и заслушав позицию сторон пришел к выводу удовлетворить исковое заявление в полном объеме [7].

В данном решении суда мы можем наблюдать, последствия не исполнения условий договора заключенного, для аренды земельного участка, а именно не исполнение пунктов договора аренды земельного участка, не выплат по арендной плате, не использования земельного участка по целевому назначению, а именно простою земельного участка.

Автор пришел к выводу после изучения судебной практики, что когда изучаешь закон или нормативно – правовой акт, постановление, и иные подзаконные акты, то сложно представить их действие в реальном времени и на практике. С этой задачей справляется только изучение закона в действии, а это само действие демонстрируется, более подробно в изучении судебной практики. Автор для акцентирования внимания на данной сфере изучения закона, пришел к выводу, что данное изучение судебной практики должно быть посвящена отдельная глава в его работе и именно она является заключенной главой. Ввиду того, что автор хотел показать, что сложно представить действие закона и его исполнение основывая свою позицию, только на трактовании кодекса, для этого нужно всецело изучать юриспруденцию. Например врач не может все 6 лет обучения читать только книги и изучать труды других ученых, он должен обязательно пройти практику в больницах и другим медицинских учреждениях, чтобы видеть, как применяется трактование и лечение болезней в реальной жизни, которые он учил в специальной медицинской литературе, так и студенту юристу, необходимо, не только учить закон и уметь, знать где и как найти данную норму законодательства, но и уметь применить этот самый закон, для этого и следует изучать судебную практику. Автор привел некоторые примеры судебных решений, для нагляд-

ного акцентирования внимания на тот факт, что между судами возникает негласный спор в трактовании того или иного закона. Как важно знать закон Российской Федерации, для того чтобы составить правильный договор, для защиты своих интересов в суде или чтобы дело не доходило до суда. Как важно выстраивать свою позицию в судебном заседании. Именно ввиду этого нужно государственной власти направить свое внимание, как на разработку и усовершенствование закона, так и на просвещение граждан своей страны в юридической сфере. Конечно можно сослаться на то чтобы граждане сами были внимательнее, когда оформляют документы, также можно сказать чтобы люди, которые работают в государственных органах просвещали граждан по тем или иным вопросам юридического характера, но следует не забывать о человеческом факторе, который имеет место быть в любом государственном учреждении, что каждый человек трактует закон в своем понимании, что же говорить, о простых гражданах страны, когда судебная система не может прийти к единому мнению в отношении трактования одного и того же закона. Если возвратиться к тому вопросу чтобы в государственном органе граждан консультировали, то получится, что тогда работу потеряют юристы – консультанты, также если гражданин обращается к адвокату с удостоверением, то это уже может говорить о его профессиональной подготовленности, а если брать простых консультантов в государственных органах, то это могут быть простые студенты, проходящие практику и у них маловероятно есть большой юридический стаж в данной сфере дел. Вот именно поэтому автор считает, что нужно на законодательном уровне издать юридическую литературу единого образца, в которой будет четко и ясно разъяснен закон. Это облегчит работу судебной системы, как судов первой инстанции, второй инстанции, так как в данной литературе будет собрано более единое мнение в отношении закона, касающегося земельных отношений юридических и физических лиц. В конце своей работы автор пришел к выводу, что особенности рассмотрения дел, связанных с земельными участками, заключаются в том, что каждый судья самостоятельно нарабатывает судебную практику для себя. Когда применяется новый закон, судья сам выбирает для себя трактовку, того или иного судебного акта и уже на основании своего внутреннего убеждения, судья выносит решение, опираясь на изложенное в статье и законе.

Список литературы

1. Официальный интернет портал Истринского городского суда Московской области, решение суда от 18.12.2014 г., по делу №2-4018/14,, дата обращения 07 июля 2016г. https://istra--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&H_date=18.12.2014, дата обращения 07 июля 2016 г.
2. Официальный интернет портал Истринского городского суда Московской области, решение суда от 03.06.2015 г., по делу № 2-1775/16, https://istra--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&H_date=03.06.2015, дата обращения 07 июля 2016 г.
3. Официальный интернет портал Кемеровского областного суда, апелляционное определение суда от 31.03.2016 г., по делу №33-4021/16, https://oblsud--kmr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&numbe=2056071&delo_id=5&new=5&text_number=1&case_id=1937436, дата обращения 08.07.2016 г.

4. Официальный интернет портал Ленинского районного суда г. Кемеров, решение суда от 20.11.2015 г., по делу №2-2617/15, https://leninsky--kmr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&H_date=20.11.2015, дата обращения 07 июля 2016 г.

5. Официальный интернет портал Московского областного суда, апелляционное определение от 01.04.2016 г., дело №33-6356/15, https://oblsud--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=7308810&delo_id=5&new=5&text_number=1&case_id=6921538, дата обращения 08.07.2016 г.

6. Официальный интернет портал Московского областного суда, апелляционное определение от 05.08.2015 года, дело №33-18728/15, https://oblsud--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=7540011&delo_id=5&new=5&text_number=1&case_id=7464076, дата обращения 08.07.2016 г.

7. Официальный интернет портал Арбитражного суда Московской области, решение суда от 28.04.2016 г., по делу №А41-5261/16, <http://kad.arbitr.ru/Card/b502e46b-51dd-4ce6-bfe7-90752320dd10>, дата обращения 07 июля 2016 г.

НАЛОГОВАЯ ТАЙНА В СИСТЕМЕ МЕР ЗАЩИТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Слюсарева Т.Г.

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, канд. юрид. наук,
Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт,
Россия, г. Невинномысск

Зорина В.Ю.

студентка 3 курса юридического института,
Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, г. Ставрополь

Сегодня защита экономической информации представляет собой неизбежно важную и неотъемлемую составляющую ее сохранности, достоверности и подлинности. В статье рассматривается налоговая тайна как одна из мер правовой защиты экономической информации, а также особенности установления режима данного вида тайны.

Ключевые слова: информация, экономическая информация, налоговая тайна, режим доступа к информации.

На современном этапе развития общества информация выступает в качестве ключевого фундамента в процессе формирования такого государства, которое бы отвечало требованиям постиндустриального мира.

Информация очень разнообразна и делится в зависимости от видов человеческой деятельности, в которой она используется. Так, выделяют научную информацию, техническую, производственную, управленческую, социальную, правовую, экономическую и иные виды. Каждый из видов информации имеет свою смысловую нагрузку, ценность, материальное выражение, правовые средства и меры защиты. Особый интерес в современных условиях, на наш взгляд, вызывает экономическая информация, а именно конкретные меры ее защиты.

Экономическая информация – это совокупность сведений, отражающих социально-экономические процессы и служащих для управления этими про-

цессами и коллективами людей в производственной и непроизводственной сферах [1]. Данное определение, безусловно, иллюстрирует достаточно широкий подход к пониманию данного вида информации. Для простоты восприятия Басовским Л.Е. была сформулирована трактовка указанной категории как «информации о процессах производства, распределения, обмена и потребления благ» [2 с. 26]. При этом важно подчеркнуть, что наиболее важной характеристикой экономической информации являются ее количественные показатели.

Защита экономической информации представляет собой важную и неотъемлемую составляющую ее сохранности, достоверности и подлинности. Помимо технических средств обеспечения информбезопасности существуют и исключительно правовые механизмы сохранения экономических сведений. Экономическая информация может быть как общедоступной, так и конфиденциальной. Информация с ограниченным режимом доступа защищается в порядке, учитывающим все ее возможные разновидности: государственная, служебная, коммерческая, банковская, нотариальная, аудиторская, адвокатская, налоговая тайны и тайна страхования. Отметим, что названные разновидности тайн можно рассматривать как смежные, беря за основу лишь объект, который их объединяет. Однако, несмотря на однородность названных средств защиты, они имеют достаточно существенные различия (например, различия по сфере их действия).

Экономическая информация – понятие, содержащее в себе широкий спектр различных сведений. Так, одной из составных частей данной научно-правовой категории являются сведения, которые были получены налоговым органом, следственными органами, органами внутренних дел, органом государственного внебюджетного фонда и таможенным органом о налогоплательщике. При этом важно отметить, что все обозначение выше сведения будут составлять налоговую тайну.

По поводу информации, подходящей под определение налоговой тайны, могут складываться различного рода правоотношения, в том числе, связанные со сбором, получением, хранением, распространением, защитой такой информации, а также ответственностью за неправомерное ее разглашение и использование. Правовое регулирование института налоговой тайны осуществляется Налоговым кодексом РФ, иными кодифицированными актами, а также рядом Федеральных законов.

Налоговая тайна является одной из мер правовой защиты экономической информации. Так, в соответствии с Налоговым Кодексом налоговую тайну составляют любые полученные налоговым органом, органами внутренних дел, следственными органами, органом государственного внебюджетного фонда и таможенным органом сведения о налогоплательщике, за исключением сведений,

- 1) являющихся общедоступными, в том числе стали таковыми с согласия их обладателя-налогоплательщика;
- 2) об идентификационном номере налогоплательщика;
- 3) о нарушениях законодательства о налогах и сборах и мерах ответственности за эти нарушения;

4) предоставляемых налоговым (таможенным) или правоохранительным органам других государств в соответствии с международными договорами (соглашениями), одной из сторон которых является Российская Федерация, о взаимном сотрудничестве между налоговыми (таможенными) или правоохранительными органами (в части сведений, предоставленных этим органам);

5) предоставляемых избирательным комиссиям в соответствии с законодательством о выборах по результатам проверок налоговым органом сведений о размере и об источниках доходов кандидата и его супруга, а также об имуществе, принадлежащем кандидату и его супругу на праве собственности;

6) предоставляемых в Государственную информационную систему о государственных и муниципальных платежах, предусмотренную Федеральным законом от 27 июля 2010 года № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»;

7) о специальных налоговых режимах, применяемых налогоплательщиками, а также об участии налогоплательщика в консолидированной группе налогоплательщиков;

8) предоставляемых органам местного самоуправления в целях осуществления контроля за полнотой и достоверностью информации, представленной плательщиками местных сборов, для расчета сборов, а также о суммах недоимки по таким сборам;

9) о среднесписочной численности работников организации за календарный год, предшествующий году размещения указанных сведений в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»;

10) об уплаченных организацией в календарном году, предшествующем году размещения указанных сведений в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» суммах налогов и сборов (по каждому налогу и сбору) без учета сумм налогов (сборов), уплаченных в связи с ввозом товаров на таможенную территорию Евразийского экономического союза, сумм налогов, уплаченных налоговым агентом; 11) о суммах доходов и расходов по данным бухгалтерской (финансовой) отчетности организации за год, предшествующий году размещения указанных сведений в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» [3].

Основное отличие и характерная черта налоговой тайны заключаются, прежде всего, в том, что конфидентами в данном случае выступают соответствующие государственные органы, их должностные лица, а также привлекаемые ими специалисты и эксперты. Поэтому сведения, составляющие налоговую тайну, следует относить к профессиональной (служебной) тайне сотрудников налоговых, таможенных органов, органов государственных внебюджетных фондов и лиц, содействующих налоговому администрированию [4, с. 188]. Исходя из этого, следует сказать, что разглашение информации, составляющей налоговую тайну, определено в качестве одной из основных угроз безопасности деятельности не только физических и юридических лиц, но и самих налоговых органов, которые берут на себя обязанность по защите и сохранению предоставленных им сведений.

Внешнюю угрозу в данном случае составляют противоправные устремления криминальных элементов на получение конфиденциальной информации налоговых органов, внутреннюю – нарушение режима обращения со служебными документами и материалами, создающее предпосылки к утечке служебной информации [5, с. 64].

Правовой режим налоговой тайны характеризуется, прежде всего, ограниченным и четко регламентированным порядком доступа к ней. Такая информация не является общедоступной. В целях защиты прав и интересов лица, общества и государства, законодатель предусмотрел ограниченный режим доступа к информации, охраняемой налоговой тайной, путем установления исчерпывающего перечня субъектов, обладающих в силу закона правом мотивированного обращения к налоговым органам за предоставлением сведений, составляющих налоговую тайну, в указанных законом целях [6, с. 38-42].

Что же касается ограничений режима доступа к информации, то связаны они, прежде всего, со специальным правовым статусом информации, которая составляет налоговую тайну. Очевидно, что распространение подобного рода информации, может привести к причинению ущерба интересам как отдельных граждан, неприкосновенность частной жизни которых охраняется законом, так нанести вред организациям, коммерческие и иные интересы которых могут существенно пострадать в случае произвольного распространения конфиденциальной информации об их деятельности, например, в конкурентной среде. Однако в науке существует немало споров, основанием которых является факт недостаточной конфиденциальности информации. В данном случае речь идет о доступе сотрудников государственных органов к информации, предоставляемой налогоплательщиками. Сторонники данной точки зрения высказываются критично относительно самого понятия «налоговая тайна», считая его неподходящим для существа информации такого рода. В судебной практике также имеют место дела в отношении применения указанной статьи и разглашения конфиденциальных сведений, попадающих под регулирование института налоговой тайны, однако единообразной практики применения положений статьи 102 Налогового Кодекса, на наш взгляд, еще не сформировано [7].

Правовой режим налоговой тайны не ограничивается особым порядком доступа к информации. Выделяют и такую важнейшую составляющую, как применение мер юридической ответственности за нарушение установленного порядка конфиденциальности информации. Под нарушением конфиденциальности информации понимается ее разглашение, распространение, утрата и другие действия, в результате которых информация, составляющая налоговую тайну, стала доступна третьим лицам [8, с. 48].

Таким образом, подводя итог, можно добавить, что имеет место существенное различие в соотношении налоговой тайны и других режимов защиты конфиденциальной экономической информации. Необходимо исходить из того, что существующие виды и подвиды экономической информации, составляющие служебную, коммерческую, банковскую и иные виды тайны, являются предметом защиты именно налоговой тайны. Однако каждый из названных видов преследует одинаковые цели по защите сведений.

Цель и исключительное правовое значение налоговой тайны состоит в обеспечении защиты прав и законных интересов субъектов экономической деятельности посредством организации режима конфиденциальности для информации об их имущественной состоятельности (будь то физическое лицо или же организация). Режим налоговой тайны, по нашему мнению, один из самых основных и прочных методов защиты экономической информации. В сравнении, к примеру, с техническими мерами, он является наиболее продуманным и оформленным с правовой точки зрения.

Список литературы

1. Жук М.Г. Экономическая информация / Электронный ресурс: <http://pravmisl.ru/>.
2. Басовский Л.Е. Теория экономического анализа: Уч. пос. М., 2001. 26 с.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // СЗ РФ, № 31, 03.08.1998.
4. Снытников А.А., Туманова Л.В. Обеспечение и защита права на информацию. М., 2001. 188 с.
5. Клейменова М.О. Налоговое право: Уч. пос. // Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2013. 64 с.
6. Шеховцева Е.В. Налоговая тайна: правовой режим охраны // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 1. 38-42 с.
7. Электронный ресурс: <https://rospravosudie.com/law/Статья102 НК РФ>.
8. Клейменова М.О. Налоговое право: Уч. пос. // Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2013. 48 с.

ИНСЦЕНИРОВКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ЕЁ ЦЕЛИ

Солодовник В.В.

преподаватель кафедры предварительного расследования, канд. юрид. наук,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
Россия, г. Санкт-Петербург

В статье рассматриваются преступная инсценировка, которая представляет собой искусственное создание в определенное время и в определенном месте таких обстановки и условий, которые должны ввести в заблуждение следователя и других лиц, а также создать у них ложное представление о произошедшем. Цели и способы инсценировки.

Ключевые слова: инсценировка, способ сокрытия преступления.

Одним из наиболее сложных способов сокрытия преступления в следственной практике является преступная инсценировка, которая представляет собой искусственное создание в определенное время и в определенном месте таких обстановки и условий, которые должны ввести в заблуждение следователя и других лиц, а также создать у них ложное представление о произошедшем в данном месте событии. Свои действия по инсценированию преступник может дополнять соответствующим поведением и показаниями как своими, так и связанных с ним лиц.

Без создания материальных следов и соответствующей обстановки на месте происшествия инсценировки быть не может, поэтому в основе инсценировки преступления всегда лежит искусственное создание материальных следов события. Поведение исполнителя инсценировки и связанных с ним лиц, преследующие цель усилить воздействие на следователя, всегда являются дополнением к материальным следам, хотя по времени могут предшествовать их обнаружению и восприятию следователем. На следователя может быть оказано, в том числе, психическое воздействие, инициаторами инсценировки, чтобы подтолкнуть его к совершению действий, которые выгодны противодействующей стороне [1, с. 244-251]. Таковы те случаи, когда исполнители инсценировки сами сообщают органу расследования о якобы совершенном преступлении (например, заявление о мнимой краже) или о возникших у них предположениях о возможном его совершении (например, заявление об исчезновении человека).

Инсценировка может преследовать цели создания:

а) видимости совершения в определенном месте иного преступления и сокрытие признаков подлинного;

б) видимости происшедшего на данном месте события, не имеющего криминального характера, для сокрытия совершенного преступления;

в) видимости совершенного преступления для сокрытия фактов аморального поведения, беспечности и иных поступков, не имеющих криминального характера;

г) ложного представления об отдельных деталях фактически совершенного преступления или об отдельных элементах его состава: инсценировка совершения преступления иным лицом, в другом месте, в иных целях и по другим мотивам и т. п.

Основным фактором, побуждающим преступника принимать меры к сокрытию содеянного, является желание избежать ответственности. Но само это желание может быть обусловлено разными причинами. Чаще всего это, разумеется, страх перед наказанием, иногда – стыд, боязнь позорящей огласки, как бывает при совершении преступлений против близких людей, сексуальных преступлений, сопряженных с половыми извращениями.

В других случаях разоблачения стремятся избежать, чтобы как можно дольше продолжать преступную деятельность, что характерно для рецидивистов. Наконец, сокрытие преступления осуществляется и тогда, когда оно входит обязательным элементом в способ совершения преступления, т. е. когда само преступление невозможно совершить, не приняв специальных заблаговременных мер к его сокрытию. Таково положение возникает, как отмечалось, при совершении длящихся хищений.

Сокрытие преступлений путем инсценировок может преследовать еще одну цель: создание из чувства мести, зависти, ревности и т. п. ложных доказательств виновности лица, никак не связанного с совершаемым преступлением. Здесь мы, по существу, сталкиваемся с оговором, который, как указывалось, тоже может быть способом сокрытия преступления, но оговором с помощью ложных «немых свидетелей» – инсценированной обстановки места

события, фальсифицированных доказательств Уголовная ответственность за подобный оговор предусмотрена статьей 306 УК РФ, которая рассматривает искусственное создание доказательств обвинения как квалифицирующий признак заведомо ложного доноса. Кроме того, инсценировка может быть осуществлена в совокупности с другими способами сокрытия преступлений, например, с маскировкой [2, с.71-76].

Если преступление скрывается не самим виновным, а по сговору с ним иными лицами, то мотивами этих лиц могут быть корысть, если они ожидают за это вознаграждения, чувства любви, жалости, ложно понимаемого товарищеского долга, стыда перед оглаской, когда дело касается близкого человека, или из боязни изобличения их самих в иных преступлениях или позорящих поступках.

Наконец, следует указать еще две группы факторов, побуждающих к сокрытию преступлений посторонних лиц и потерпевших.

В следственной практике хоть и редко, но встречаются случаи, когда постороннее лицо, скрывая «чужое» преступление по просьбе виновного или по собственной инициативе, преследует цель шантажа. При этом шантажист стремится «материализовать» полученную им информацию о преступлении, скрывая от органа расследования вещественные доказательства виновности объекта шантажа.

Помимо факторов, побуждающих к сокрытию преступления, существует ряд обстоятельств, влияющих на возможность, полноту и выбор способа реализации этого замысла.

Все способы сокрытия преступления, за исключением пассивного утаивания, требуют затраты определенного времени. Между тем во многих случаях преступник торопится. Это отражается на выборе способа сокрытия, неполноте или небрежности инсценировок, их расчете на временное действие. Помимо этого, на выбор способа влияет и отношение преступника к предмету посягательства. Чем теснее связь преступника с предметом посягательства, тем сложнее и изощреннее способ сокрытия преступления, ставящий, кроме прочего, цель маскировки этой связи. Это, как правило, способы постоянного сокрытия преступления.

Помимо сказанного, детерминируют (определяют) способ сокрытия преступления те же факторы, что и способ совершения преступления. Это объективная обстановка, включая место и время совершения преступления; качества и свойства материальных объектов на месте сокрытия; метеоусловия места и времени сокрытия; условия и образ жизни лиц, имеющих отношение к месту сокрытия, наличие преступного опыта и преступных навыков.

Правильно пишет А.В. Ушенин, что успешность деятельности по раскрытию и расследованию преступлений напрямую зависит от умения следователя определять объективные и субъективные факторы, которые повлияли на появление тех или иных признаков инсценировки [3, с. 86]. Однако, каким бы тонким и изощренным ни был замысел преступника, с помощью уяснения, поставленных им целей, можно выявить допущенные им ошибки, кото-

рые будут положены в основу инсценировки и выявления обстоятельств подлинного преступления, а также лиц, его в действительности совершивших.

Список литературы

1. Солодовник В.В. Об объектах противодействия расследованию преступлений и способах воздействия на них // Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 6 ноября 2015 года / сост.: Дикаев С.У., Кутуев Э.К., Васильченко Е.И. – СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2015. – С. 244-251.
2. Солодовник В.В., Тишкина Н.В. Понятие и способы маскировки преступления // Мир юридической науки. – 2015. – № 7-8. – С. 71-76.
3. Ушенин А.В. Распознавание и разоблачение инсценировок и фальсификаций при расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – С.86.

О НЕОБХОДИМОСТИ УЧАСТИЯ ПЕДАГОГА, ПСИХОЛОГА И ЗАКОННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ПРИ ДОПРОСЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Солодовник В.В.

преподаватель кафедры предварительного расследования, канд. юрид. наук,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
Россия, г. Санкт-Петербург

В статье рассматриваются требования, предъявляемые к таким участникам уголовного судопроизводства как педагогу, психологу, для возможного участия их при допросе несовершеннолетнего. О необходимости участия их при проведении такого следственного действия как допрос несовершеннолетнего. А так же рассматриваются вопросы связанные с законным представителем несовершеннолетнего.

Ключевые слова: допрос, допрос несовершеннолетнего, участники уголовного судопроизводства, преступность несовершеннолетних.

Допрос является самым распространенным следственным действием, которое проводится в целях получения показаний об обстоятельствах совершенного преступления. Предмет доказывания по делам в отношении несовершеннолетних более подробно рассмотрен нами в других публикациях [5, с. 332-336]. Главной обязанностью лица, которое производит допрос несовершеннолетнего, является получение от него достоверных показаний, но при этом должны быть на максимальном уровне соблюдены его права.

Представляют интерес определение круга лиц, которые могут принимать участие в допросе несовершеннолетнего, а в частности педагога, психолога и законного представителя.

С.А. Роганов, Т.Л. Константинова считают, что в законе следует предусмотреть возможность участия в допросе несовершеннолетнего правонарушителя педагога, а также специалиста в области подростковой и юношеской психологии [4, с. 200-205]. С.В. Артемов полагает, что более полезным при допросе несовершеннолетнего будут специальные познания не педагога, а

психолога или врача-психотерапевта, т.к. суждения только по чисто педагогическим вопросам в процессе важны очень редко. Оценка же признаков личности осуществляется судом именно на базе данных психологии [1, с. 129-133]. Мы разделяем точку зрения указанных ученых и считаем, что участие детского психолога является важным дополнением к правовой регламентации допроса несовершеннолетних, так как именно психолог, имеющий опыт работы с несовершеннолетними, сможет разобраться и помочь подростку справиться с трудностями, возникающими в процессе проведения данного следственного действия.

До сих пор нет законодательного закрепления по поводу того, кто именно должен выступать в качестве педагога или психолога в процессе допроса. Например, С.В. Тетюев пишет, что зачастую приходится приглашать для участия в допросе несовершеннолетнего не только педагогов по профессии и образованию, но и руководителей подростковых кружков, клубов. Именно поэтому понятие «педагог» в уголовном процессе необходимо толковать шире, нежели это делается обычно [6, с. 28-32].

Мы не можем полностью разделить данную точку зрения, так как наличие педагогического образования и опыта работы с несовершеннолетними именно той возрастной группы, к которой относится подозреваемый, обвиняемый являются минимальными требованиями, которые предъявляются к педагогу, участвующему в допросе этого несовершеннолетнего. Если же появится необходимость пригласить руководителя кружка, тренера, то он будет приглашен вместе с дипломированным педагогом.

В отличие от педагога к психологу предъявляются более жесткие требования. Ю.П. Михальчук считает, что психолог – это лицо, имеющее высшее психологическое образование, со специализацией в области детской, подростковой, юношеской психологии и имеющее стаж работы по специальности не менее пяти лет [3, с. 40]. Скорее всего, данное мнение связано с тем, что при проведении допроса в большинстве случаев необходимо приглашать психологов, а не педагогов, потому что, если преступление совершил подросток, то в большинстве случаев это говорит о психологическом отклонении в его развитии и лишь психолог сможет разобраться в данной ситуации с психологической точки зрения. Мы не можем требовать от педагога досконального знания психологических особенностей, умелой ориентировки в сложных психологических проблемах, возникающих при расследовании дел несовершеннолетних, в отличие от психолога.

Говоря об участии педагога и психолога при проведении допроса несовершеннолетнего можно согласиться с А.В. Харчиковым, который считает, что необходимо предоставить следователю альтернативу в выборе между специалистами в области детской и юношеской психологии, иным психологом либо педагогом, а при необходимости возможность пользоваться помощью сразу нескольких специалистов [8, с. 15-16]. На наш взгляд, можно даже предусмотреть обязательность участия при допросе несовершеннолетнего и педагога и психолога. При принятии решения об участии данных специалистов следователь всегда должен действовать в интересах несовершеннолетнего.

Следующей значительной проблемой в области проведения следственных действий с несовершеннолетними, является необходимость участия законного представителя. На обязательность участия законного представителя в допросе несовершеннолетнего ученые – процессуалисты смотрят по-разному. Так Е.А. Ухарева считает, что участие родителей в допросе несовершеннолетнего является не всегда желательным [7, с. 24]. А С.В. Матвеев считает данное участие нежелательным во всех случаях [2, с. 15-18].

Мы считаем, что участие законного представителя в допросе несовершеннолетнего не должно быть обязательным. Оно может быть обеспечено следователем исходя из конкретной необходимости. При этом должны учитывать отношения в семье, если несовершеннолетний в присутствии законных представителей не может дать полностью ту информацию, которая необходима для дела, то присутствие последнего при допросе является нежелательным. Он может испытывать стыд, страх, осуждение со стороны родителей, так же часто законные представители пытаются всеми способами оказать влияние на несовершеннолетнего, в целях дачи им ложных или искаженных показаний.

Кроме того, следует отметить, что если при допросе участвуют родители, то ребенок, зачастую отвечает только после того, как увидит ободряющую реакцию с их стороны, что так же оказывало негативное воздействие. Также существует и другая сторона этой проблемы. Поскольку допрос всегда является определенным стрессом для несовершеннолетнего, присутствие родителей может хотя бы как-то помочь ребенку справиться с этим состоянием. Если ребенок, является скрытым, малообщительным, редко делится своими переживаниями с родными, то даже законные представители не всегда смогут найти подход к нему, и уж тем более ещё сложнее будет узнать важные для дела обстоятельства органам предварительного расследования.

Список литературы

1. Артемов С.В. К вопросу о законодательном регулировании участия педагога в уголовном судопроизводстве // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2016. – №1 (23). – С. 129-133.
2. Матвеев С.В. УПК РФ об участии законных представителей, близких родственников в расследовании уголовных дел, совершенных несовершеннолетними // Журнал российского права. – 2002. – №5. – С. 15-18.
3. Михальчук Ю.П. Основные уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты допроса несовершеннолетнего обвиняемого на предварительном следствии: учебное пособие. – Краснодар, 2004. – С. 40.
4. Роганов С. А., Константинова Т. Л. К вопросу об участии педагога при производстве допроса // Ленинградский юридический журнал. – 2015. – №2 (40). – С. 200-205.
5. Солодовник В.В. О некоторых проблемах доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Противодействие преступлениям, совершаемым несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних: материалы международной научно-практической конференции (Москва, 13 февраля 2015 года) / под ред. А.И. Бастрыкина. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – С. 332-336.
6. Тетюев С.В. Зачем уголовному процессу педагог? // Рос. юстиция. – 2010. – № 6. – С. 28-32.

7. Ухарева Е.А. Участие законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в производстве следственных действий (правовые и организационные аспекты): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – С. 24.

8. Харчиков А.В. Проблемы получения и оценки показаний несовершеннолетних на предварительном следствии: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1996. – С. 15-16.

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В РАССМОТРЕНИИ СУДОМ ХОДАТАЙСТВ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ О ПРОДЛЕНИИ СРОКА СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ

Стуконог И.В.

прокурор г. Армавира Краснодарского края,
соискатель кафедры уголовного процесса, Кубанский государственный
университет, Россия, г. Армавир

В статье исследуются вопросы участия прокуроров в рассмотрении ходатайств следователей и дознавателей о продлении срока заключения под стражей обвиняемым по уголовным делам. Делаются предложения о внесении изменений в действующее законодательство с целью совершенствования участия прокуроров при осуществлении судебного контроля за соблюдением сроков ареста на досудебных стадиях уголовного процесса и обеспечения прав участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: Продление срока ареста, заключение под стражу, прокурор, разумный срок, досудебные стадии уголовного судопроизводства, уголовный процесс, суд.

В Конституции России и нормах международного права закреплены основополагающие права и свободы человека и гражданина, основания и пределы их ограничения. Так, ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. гарантирует каждому человеку права на свободу и личную неприкосновенность, определяет, кем и при каких условиях возможно их ограничение [1, ст. 5].

Верно отмечают С. П. Щерба и А. В. Попова, что заключение под стражу – наиболее суровая мера пресечения, которая ограничивает на определенное время основополагающие права и свободы человека и предполагает строгую изоляцию в специальных учреждениях лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления. Именно поэтому при ее применении (*добавлю:* продлении) требуется неукоснительное соблюдение положений уголовно-процессуального закона с учетом индивидуального подхода в каждом конкретном случае ее избрания (*добавлю:* и продления) [12, с. 22].

В соответствии с требованиями ст. 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) содержание под стражей при расследовании преступлений не может превышать 2 месяца. Срок содержания под стражей в период предварительного следствия исчисляется с момента заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу до направления прокурором уголовного дела в суд [2, ст. 109]. Законодатель предусмотрел и порядок продления срока ареста. Так, в случае невозможности закончить

предварительное следствие в срок до 2 месяцев и при отсутствии оснований для изменения или отмены меры пресечения этот срок продлевается судьей районного суда (или военного суда соответствующего уровня) на срок до 6 месяцев. Дальнейшее продление срока может быть осуществлено только при наличии определенных условий: продлен может быть срок ареста лишь лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, и только в случаях особой сложности уголовного дела, а также при наличии оснований для избрания этой меры пресечения. Осуществляется продление срока содержания под стражей судьей того же суда по ходатайству следователя, внесенному с согласия руководителя соответствующего следственного органа по субъекту Российской Федерации, либо в случаях, связанных с исполнением запроса о правовой помощи, по ходатайству дознавателя с согласия прокурора субъекта Российской Федерации или приравненного к нему военного прокурора, до 12 месяцев.

Рядом ученых обоснованно указывается на имеющиеся противоречия в ч. 2 ст. 109 УПК РФ в части возможности продления срока содержания под стражей свыше 6 месяцев по уголовным делам органов дознания только обвиняемым в совершении тяжких преступлений. Так, К. Б. Калиновский отмечает, что «противоречие данных норм, на первый взгляд, может быть истолковано так, что условие в виде производства по тяжкому преступлению (ч. 2 ст. 109 УПК РФ) не относится к дознанию. Тогда срок содержания под стражей при производстве дознания может быть продлен ещё на 6 месяцев (т.е. до 12 месяцев), если шестимесячный срок содержания под стражей истёк в связи с исполнением запроса о выдаче. Однако такое толкование противоречит смыслу ст. 22 Конституции Российской Федерации, которая отдаёт приоритет праву человека на свободу. Как указывает Конституционный Суд Российской Федерации, недопустимость избыточного по продолжительности содержания под стражей вытекает и из п. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, согласно которому каждый имеет право на рассмотрение любого предъявленного ему обвинения без неоправданной задержки, что в первую очередь касается лиц, лишённых свободы на досудебных стадиях уголовного судопроизводства» [7, с. 94].

Е. Н. Бушковская обоснованно обращает внимание, что используемое законодателем понятие «особая сложность уголовного дела», при наличии которой допускается возможность продления приведенных выше процессуальных сроков, является несовершенно. Безусловно, предусмотреть все факторы, совокупность которых даёт основание оценивать уголовное дело как «особо сложное», вряд ли возможно. Вместе с тем законодателю следовало бы сформулировать хотя бы самые общие критерии, позволяющие отнести уголовное дело к категории особо сложных, отсутствие критериев оценки сложности уголовного дела объективно даёт основание относить к «особо сложным» дела, фактически не являющиеся таковыми. Следствием такого положения является возможность безосновательно длительного применения меры пресечения, ограничивающей конституционное право на неприкосновенность личности [6, с. 96-97].

Срок содержания под стражей свыше 12 месяцев может быть продлен лишь в исключительных случаях в отношении лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений, судьей Верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, автономной области, автономного округа, окружного (флотского) военного суда. Это производится на основании ходатайства следователя, внесенного с согласия в соответствии с подследственностью Председателя Следственного комитета Российской Федерации либо руководителя следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти (при соответствующем федеральном органе исполнительной власти), до 18 месяцев.

Законодатель четко ввел запрет на дальнейшее продление срока стражи, указав в ч. 4 ст. 109 УПК РФ, что в таком случае обвиняемый, содержащийся под стражей, подлежит немедленному освобождению. Исключения составляют случаи продления ареста до момента окончания ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела и направления прокурором уголовного дела в суд, а также когда уголовное дело направляется прокурором в суд с утвержденным обвинительным заключением (постановлением, актом), но остается недостаточным срок содержания под стражей для принятия судьей решения по поступившему к нему делу.

Уголовно-процессуальный закон требует, чтобы ходатайство о продлении срока содержания под стражей было представлено в суд по месту производства предварительного расследования либо месту содержания обвиняемого под стражей не позднее чем за 7 суток до его истечения.

В зависимости от того, в какой форме расследуется уголовное дело, прокурор обладает различными полномочиями при продлении срока содержания под стражей. Так, по делам органов дознания процедура инициирования перед судом вопроса об избрании ареста и его продления осуществляется лишь с согласия прокурора. Если прокурор такого согласия не дает, дознаватель не правомочен самостоятельно выйти в суд с таким ходатайством, соответственно освобождает ранее задержанное лицо и избирает подозреваемому или обвиняемому иную меру пресечения. По уголовным делам органов предварительного следствия прокурор не согласовывает этого ходатайства. Уголовно-процессуальным законом предусмотрены также случаи дачи согласия прокурора на проведение дознавателем конкретных процессуальных действий или на принятие решений, например, согласие на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения; согласие на продление срока дознания и т.д. При этом согласие прокурора также следует расценивать как акт прокурорского реагирования, который представлен в виде резолюции на постановлении органа расследования [8, с. 320; 10, с. 212].

Вместе с тем и в том и ином случае прокурор в обязательном порядке участвует в рассмотрении судьей постановления о возбуждении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу. Это очень важные полномочия прокурора, правильная реализация которых способству-

ет соблюдению прав личности в уголовном процессе, в том числе и на разумный срок уголовного судопроизводства.

Так, если УПК РФ содержит фразу, что прокурор вправе участвовать в таких судебных заседаниях, то приказ Генерального прокурора РФ обязывает прокуроров участвовать в них.

Также приказ Генеральной прокуратуры № 137 от 6.09.2007 дополняет положения УПК РФ обязыванием прокуроров в случае принятия решения об отказе в даче согласия дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства о продлении срока содержания под стражей выносить мотивированное постановление, которое приобщать к материалам уголовного дела [3, п. 15].

Ч. 6 ст. 108 УПК РФ предписывает прокурору либо по его поручению лицу, возбуждавшему ходатайство, обосновать его. Генеральная прокуратура вменяет подчиненным прокурорам в ходе рассмотрения вопроса об избрании и продлении меры пресечения в виде заключения под стражу применять взвешенный, избирательный подход; внимательно изучать представляемые в суд материалы уголовного дела, ответственно рассматривать каждый случай и оценивать доводы соответствующих ходатайств дознавателя, следователя, а также лиц, участвующих в судебном заседании, включая потерпевших, не допуская при этом формализма. При этом при отсутствии в прилагаемых материалах аргументированных выводов о необходимости продления срока заключения лица под стражу отказывать дознавателю в даче согласия на возбуждение соответствующего ходатайства, а также не поддерживать заявленное следователем ходатайство в суде [5, п. 1.10].

В п. 1.15 указания Генпрокуратуры РФ от 09.11.2011 № 392/49 прокурорам вменяется учитывать, что в постановлении следователя, дознавателя о возбуждении перед судом ходатайства о продлении срока содержания под стражей должны быть указаны данные, свидетельствующие об отсутствии оснований для изменения или отмены меры пресечения, а также весомые и конкретные обстоятельства, подтверждающие необходимость дальнейшего содержания лица под стражей. При этом следует исходить из позиций Европейского Суда по правам человека о том, что обоснованное подозрение в совершении лицом преступления является обязательным условием законности содержания под стражей, однако по истечении определенного срока оно перестает быть достаточным, а сам по себе факт предъявления обвинения в совершении преступления в группе не является основанием для длительного срока содержания под стражей [5, п. 1.15].

Генеральная прокуратура требует от прокуроров, участвующих в судебном заседании, составлять письменное заключение об обоснованности заявленного ходатайства об избрании меры пресечения, которое согласовывать с соответствующим руководителем либо его заместителем [4, п. 1.6]. В части ходатайств о продлении срока ареста распорядительные документы надзорного ведомства не содержат такого требования, вместе с тем на местах сложилась практика подготовки таких заключений по всем ходатайствам следователей и дознавателей, рассматриваемым с участием прокурора в судах.

Е. Н. Бушковская высказалась о наличии парадоксальной ситуации с ролью прокурора, участвующего при рассмотрении ходатайства следователя, но не согласовавшего его. Ученая верно отмечает, что закон не обязывает следователя направлять прокурору копию постановления о возбуждении перед судом соответствующего ходатайства, что может привести к ситуации, когда у явившегося на судебное заседание прокурора нет чёткой позиции по такому ходатайству (в то же время у суда всегда имеется время для ознакомления с представленными следователем материалам, так как ходатайство рассматривается в определённый срок). Наконец, если законодатель так усиленно печётся о процессуальной самостоятельности следователя, представляющего, как и прокурор, сторону обвинения, то роль прокурора в судебном заседании при рассмотрении ходатайства следователя становится вообще непонятной. Если следовать логике законодателя, то следователь как процессуально самостоятельный участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения должен столь же самостоятельно отстаивать свою позицию перед судом. Также следует отметить, что неучастие прокурора в судебном заседании не является правовым препятствием для обжалования прокурором судебного решения, если он сочтёт последнее незаконным или необоснованным. Поэтому у законодателя имеются два пути решения данного вопроса: сделать одинаковым порядок обращения в суд для следователя или дознавателя или, если следователь процессуально самостоятелен, не вменять в обязанность прокурора его участие в рассмотрении судом ходатайств следователя [6, с. 61-62].

Считаю, что здесь ясна логика законодателя при определении обязательности участия прокурора в судебном рассмотрении ходатайств следователей и дознавателей об избрании содержания под стражей и продлении срока ареста. Так как заключение под стражей является государственно разрешенным способом ограничения конституционного права гражданина на свободу передвижения, рассмотрение вопросов о его применении осуществляется с участием прокурора, чтобы использовать дополнительные возможности прокурорского надзора с целью защиты прав гражданина.

Кроме того, участвуя в судебном заседании при рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста или залога, продлении этих мер пресечения, прокурор обязан вникнуть в вопросы и сроков предварительного расследования, в том числе, не истекли ли они, продлены ли в установленном порядке, являются ли разумными. Данный тезис подтверждается положениями приказа Генеральной прокуратуры РФ № 137 от 6.09.2007, требующего от прокуроров обеспечивать надлежащий прокурорский надзор за неукоснительным соблюдением органами дознания требований уголовно-процессуального законодательства при применении процессуальных мер принуждения и пресечения, связанных с ограничением конституционных прав, в том числе на свободу и личную неприкосновенность. Во всех случаях выявления нарушений добиваться восстановления законности и решать вопрос об ответственности виновных лиц [3, п. 12].

Участвуя в судебном заседании при рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста или залога, продлении этих мер пресечения, прокурор выступает как сторона в процессе, излагая свою точку зрения по рассматриваемому вопросу, способствуя тем самым принятию законного, обоснованного и мотивированного судебного решения. Не согласившись с решением суда, прокурор вправе принести на него представление.

При этом позволю не согласиться с позицией авторов, считающих эти полномочия недостаточными. Так, М. Ф. Парфенова предлагает принять ряд системных изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, касающихся расширения полномочий прокурора за соблюдением конституционных прав и свобод подозреваемых и обвиняемых, прежде всего – дачи согласия следователю на заявленное ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу [9, с. 34].

Считаю, что эти изменения не смогут вписаться в общую канву реформы судопроизводства, предполагающей отделение следствия от прокурорского надзора, без надобности ограничат процессуальную самостоятельность следователя. Вместе с тем, уверен, что тщательное изучение материалов, приложенных к ходатайству, активное участие прокурора в судебном заседании по установлению всех оснований для избрания или продлении меры пресечения, принципиальная позиция при обжаловании незаконного или необоснованного решения суда являются гарантией эффективной реализации прокурором данных полномочий.

Кроме того, существует еще один механизм для реагирования на нарушения, в том числе разумных сроков уголовного судопроизводства, допускаемые следователями и дознавателями. Усмотрев какие-либо нарушения, прокурор вправе заявить ходатайство о вынесении судом частного постановления с целью обратить внимание на эти нарушения руководителя следственного органа или дознания, потребовав их устранения.

Так, в судебном заседании было рассмотрено ходатайство следователя следственного комитета о продлении срока содержания под стражей А., обвиняемого по ч. 1 ст. 131, ч. 1 ст. 132 УК РФ. В суде установлено, что срок предварительного следствия по уголовному делу составил 7 месяцев 20 суток, срок содержания обвиняемого под стражей ранее был продлен до 7 месяцев 18 суток. Определив, что «по мнению суда, убедительных доказательств особой сложности данного уголовного дела свыше 6 месяцев не представлено», суд пришел к убеждению, что столь длительный срок предварительного расследования возник вследствие неэффективной организации предварительного расследования», в связи с чем в адрес руководителя следственного отдела следственного комитета вынес частное постановление [11].

Считаю, что для организации более эффективного участия прокурора в рассмотрении ходатайств органов следствия о продлении срока заключения под стражей следует внести изменения в ч. 8 ст. 109 УПК РФ дополнив ее следующей нормой: «Копия ходатайства о продлении срока содержания под

стражей и обосновывающих его материалов должны быть представлены прокурору по месту производства предварительного расследования либо месту содержания обвиняемого под стражей не позднее чем за 7 суток до его истечения».

Список литературы

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с "Протоколом [№ 1]" (Подписан в г. Париже 20.03.1952), Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), Протоколом № 7 (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: сетевой. Дата обновления 28.10.2016.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 06.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2016) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: сетевой. Дата обновления 28.10.2016.

3. Приказ Генпрокуратуры РФ от 06.09.2007 № 137 (ред. от 28.12.2007) «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: сетевой. Дата обновления 28.10.2016.

4. Приказ Генпрокуратуры России от 02.06.2011 № 162 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: сетевой. Дата обновления 28.10.2016.

5. Указание Генпрокуратуры РФ от 09.11.2011 № 392/49 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением требований уголовно-процессуального законодательства о задержании, заключении под стражу и продлении срока содержания под стражей» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: сетевой. Дата обновления 28.10.2016.

6. Бушковская Е. Н. Надзор прокурора за процессуальной деятельностью следователя и дознавателя в досудебном производстве. Дисс...канд. юрид. наук. М., 2011. 176 с.

7. Калиновский К. Б. Коррекционное толкование отдельных положений законов о внесении изменений в УПК РФ // Журнал российского права. 2008. № 8.

8. Настольная книга прокурора / под ред. д-ра юрид. наук С.И. Герасимова. М., 2002. 840 с.

9. Парфенова М.В. Выбор меры пресечения как фактор, влияющий на обеспечение прав подозреваемого и обвиняемого // Российская юстиция. 2015. № 3.

10. Прокурорский надзор в Российской Федерации: учеб. / под ред. А.А. Чувилева. М., 1999. 400 с.

11. Частное постановление Армавирского городского суда Краснодарского края от 16.03.2013 // Архив прокуратуры г. Армавира.

12. Щерба С. П., Попова А. В. Дискреционные полномочия прокурора при применении меры пресечения в виде заключения под стражу // Законность. 2016. № 1.

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ СТРАХОВАНИЯ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

Таилова А.Г.

зав. каф. юридических и гуманитарных наук, канд. юрид. наук, доцент,
ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет, филиал в г. Избер-
баш, Россия, г. Избербаш

Алиева Э.Б.

доцент кафедры административного и финансового права, канд. экон. наук,
ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет,
Россия, г. Махачкала

В статье рассматривается общественная опасность мошенничества и особенности уголовной ответственности за мошенничество в сфере страхования. Чаще такое мошенничество совершается в сфере имущественного страхования – транспортных средств, от пожара, хищений. Среди преступлений совершаемых страховыми агентами типичными являются. Сложность проблемы квалификации указанных общественно опасных деяний полное или частичное присвоение страховых взносов страхователей вызывает их неоднозначную квалификацию в судебной практике.

Ключевые слова: мошенничество, страхование, налогообложение, преступление, квалификация.

Общественная опасность мошенничества в сфере страхования выражается в том, что данные преступления препятствуют формированию за счет денежных взносов целевого страхового фонда, предназначенного для возмещения возможного ущерба, выравниванию потерь в семейных доходах в связи с последствиями происшедших страховых случаев. Последствием страхового мошенничества является падение репутации страхового рынка в целом в глазах страхователей, а как следствие – снижение спроса на страховые услуги.

Чаще такое мошенничество совершается в сфере имущественного страхования – транспортных средств, от пожара, хищений. Выражается оно в объявлении страховой суммы выше действительной стоимости объекта страхования, многократном одновременном страховании объекта страхования сразу в нескольких страховых компаниях, несообщении всех обстоятельств, имеющих значение для определения страхового риска, в предъявлении завышенных требований о возмещении ущерба, фальсификации факта наступления страхового события, уничтожении имущества, затоплении судов, провоцировании аварий, фиктивном составлении документов о причиненных убытках от стихийных действий.

Так, например, с декабря 2009 г. по март 2010 г. группа граждан г. Сыктывкара имитировала дорожно-транспортные происшествия с автомашинами, уже имеющими существенные повреждения. После этого они обращались в страховые компании за получением страхового возмещения по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев

транспортных средств (ОСАГО). Для регистрации фиктивного ДТП привлекались сотрудники дорожно-постовой службы ГИБДД города, которые составляли подложные документы, где указывалось о происшествиях, не происходивших в действительности. После обращения в страховые компании с заявлением о выплате страхового возмещения и предоставления документов из ГИБДД дельцам выплачивались страховые возмещения от 45 до 120 тыс. руб. К уголовной ответственности по данному факту было привлечено четыре человека, двое из которых являются сотрудниками ГИБДД. Жертвами мошенников должны были стать страховые компании «Росгосстрах» и «Спасские ворота». Один из подсудимых – некто Ч., работавший агентом Росгосстраха, оформил договор страхования джипа «Мицубиси», который на тот момент уже побывал в дорожно-транспортном происшествии. Ч. заранее договорился обо всем с участниками аварии и пытался обмануть страховщика у которого работал [4].

Среди преступлений совершаемых страховыми агентами типичными являются полное или частичное присвоение страховых взносов страхователей. Руководители подразделений страховой компании в сговоре с сотрудниками бухгалтерии осуществляют хищение страховых взносов страхователей, не регистрируя страховые договоры [1, с. 120].

Особым видом финансового мошенничества является неправомерное возмещение налога на добавленную стоимость.

Налог на добавленную стоимость является одним из фиксированных видов налогов. В 1992 г. в Российской Федерации был введен НДС, который реализуется через механизм взимания налога путем уплаты его по мере возникновения налогооблагаемой базы. Ставка НДС в нашей стране установлена в 18% и является единой для всех организаций, независимо от форм собственности и сферы деятельности. Однако в целях создания благоприятных условий для развития коммерческих организаций, развития производственной базы, повышения конкурентной способности российских товаров на внешнем рынке, притока валютных средств законодателем была предусмотрена льгота по НДС, которая заключается в следующем: в том случае, когда товар (услуги, продукт научной или интеллектуальной деятельности), произведенный на территории РФ, в последующем экспортируется, НДС, ранее уплаченный в бюджет, подлежит полному возмещению организации-экспортеру.

Сложность проблемы квалификации указанных общественно опасных деяний подтверждается также наличием методических рекомендаций Генеральной Прокуратуры РФ по расследованию уголовных дел, возбужденных по факту неправомерного возмещения НДС с целью изобличения противоправной деятельности и сбора доказательной базы.

Таким образом, рассмотренные общественно опасные деяния следует квалифицировать как финансовое мошенничество по ст. 159 УК РФ, а дополнительной квалификации по ст. 199 УК РФ не требуется в связи с тем, что уклонение от уплаты налога в данных случаях является способом совершения хищения.

Список литературы

1. Волохова О.В. Современные способы совершения мошенничества: особенности выявления и расследования. – М.: Юрлитинформ, 2005.
2. Постановление № 9п2010 по делу Р. Ю. и А. (Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за I квартал 2010 года по уголовным делам // ВВС РФ. 2010. № 6. С. 12).

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ

Таилова А.Г.

зав. каф. юридических и гуманитарных наук, канд. юрид. наук, доцент,
ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет,
филиал в г. Избербаш, Россия, г. Избербаш

Алиева Э.Б.

доцент кафедры административного и финансового права, канд. экон. наук,
ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет,
Россия, г. Махачкала

В статье рассматриваются особенности преступных деяний, сопряжённых с мошенничеством в сфере кредитования, наиболее часто встречаемые в судебной практике. В банковской сфере можно выделить виды банковского мошенничества в зависимости от того, какие должности занимают банковские служащие. Пользуясь разрозненностью информации, а в ряде случаев привлекая сотрудников банков, мошенники получают кредиты на фирмы-однодневки по поддельным документам или документам, похищенным у граждан.

Ключевые слова: мошенничество, сфера кредитования, преступные действия.

Под мошенничеством в сфере кредитования понимается обманное обращение в собственность (владение):

- имущества или права на него, принадлежащего банку или иной кредитной организации;
- любого чужого имущества, совершенное с использованием банковских операций или документов;
- любого чужого имущества, совершенное банковскими служащими с использованием своего служебного положения;
- любого чужого имущества с использованием лжебанка или иной лжекредитной организации [1, с.78].

Приведем пример такого вида банковского мошенничества, как «фишинг».

Неизвестные лица в массовой рассылке писем по электронной почте просили уточнить данные по пластиковым картам клиентов Ситибанка. При нажатии на ссылку в этом письме клиент попадал на лжесайт банка, где ему предлагали набрать номер карты и ПИН-код, якобы потерянные ранее из-за технического сбоя. Такие письма приходили не только клиентам Ситибанка, и на подобные мошеннические действия могли попасться и держатели карт других банков.

После того как мошенники получают ПИН-код, деньги с карт могут сниматься через интернет-магазины, а также при помощи авторизации по телефону или по почте [2, с.5]. Самое опасное в этом виде мошенничества заключается в том, что операции с использованием ПИН-кода, как правило, невозможно оспорить и вина за их проведение ложится на держателя карты.

Таким образом, фишинг-атака (Phishing) – это использование массовых рассылок электронных писем или поддельных веб-сайтов, цель которых обманном путем выманить у людей номера их кредитных карт и другую важную финансовую информацию.

Характерная особенность фишингового сайта состоит в том, что он включает элементы или почти полностью копирует веб-сайты реально действующих финансовых учреждений, коммерческих структур, благотворительных фондов и других организаций. Фишинговый сайт предназначен исключительно для фиксирования сведений, поступающих от пользователей Интернета. Ложные сообщения рассылаются по электронной почте от имени тех финансовых учреждений или организацией, которые указаны в фишинговых веб-сайтах.

Содержание фишингового сообщения имеет существенное значение для успеха операции. Обычно e-mail извещает получателя о том, что возникли проблемы с его банковским счетом. Для урегулирования проблемы владельцу счета предлагается срочно посетить указанный в сообщении сайт, используя соответствующую ссылку (link), и сообщить запрашиваемые персональные данные. Невыполнение этого требования может привести к временной блокировке счета и к другим нежелательным проблемам. Рассылка фишинговых сообщений носит массовый характер и обычно охватывает сотни тысяч пользователей сети. Прикрываясь именами широко известных и уважаемых финансовых учреждений или компаний, мошенники способны убедить вступить с ними в переписку до 50% адресатов [3, с.67,68].

В нескольких районах Лондона и в Рамсгейте (Ramsgate), графство Кент, были задержаны выходцы из Латвии, Эстонии, России и Украины, которые подозреваются в хищении сотен тысяч фунтов стерлингов. Преступники направляли клиентам крупнейших британских банков (Barclays, Lloyds TSB и NatWest) по электронной почте фальшивые «официальные» запросы с просьбой уточнить их банковские данные, После этого деньги клиентов переводились на специальный банковский счет, открытый по поддельным документам, а уже с него перемещались в Россию [4].

В банковской сфере можно выделить виды банковского мошенничества в зависимости от того, какие должности занимают банковские служащие.

1. Мошенничество в области бухгалтерского учета совершают сотрудники бухгалтерии. Это выражается в следующем:

- завышении и занижении суммы проводок по дебиту и кредиту;
- неправомерном списании со счетов, когда служащий действует как агент или лицо, имеющее доверенность;
- фиктивных вкладах;
- открытии счетов на фиктивные лица;

- фиктивных проводках по счетам клиентов;
 - отнесения чеков служащих на счета клиентов;
 - изъятии и уничтожении чеков служащих до переноса чеков в бухгалтерскую книгу;
 - манипуляциях с процентами по сберегательным счетам.
2. Сотрудники кредитных отделов в корыстных целях осуществляют:
- фиктивные кредиты;
 - займы под неадекватное и не обладающее ликвидностью (или имеющее ограниченную ликвидность) обеспечение;
 - занижение сумм денежных сборов, ссудных процентов, скидок и завышение сумм выплаты процентов;
 - занижение кредитовых и завышение дебетовых проводок по контрольному счету в общей бухгалтерской книге;
 - продление срока платежа и увеличение размеров комиссий без ведома клиентов;
 - несанкционированное освобождение залога и др.

Так, сотрудники-мошенники похищают банковские средства путем занижения дохода, полученного в форме ссудных процентов и скидок по займам, или завышения суммы возврата процентов, когда займы погашаются досрочно; выдают фиктивные займы, оформленные на подставных или вымышленных получателей по несуществующим адресам или по адресам лиц, не имеющих никакого отношения к этим займам.

Пользуясь разрозненностью информации, а в ряде случаев привлекая сотрудников банков, мошенники получают кредиты на фирмы-однодневки по поддельным документам или документам, похищенным у граждан. Получив кредит в одном банке, мошенники переключаются на другой. А так как кредитные организации находятся вне единого информационного пространства, то несут потери. С целью их минимизации некоторые банки могут повышать процентные ставки по выдаваемым кредитам либо «камуфлировать» их под всевозможные комиссии, доводя реальную ставку до 50% годовых.

3. Сотрудники транзитных отделов банка, занимающиеся оформлением платежей с банками-корреспондентами, совершают мошенничество, используя:
- завышение сумм по документам по сравнению с фактически переведенными в банки-корреспонденты;
 - фиктивные проводки против остатков банков-корреспондентов;
 - создание фиктивных счетов банков-корреспондентов;
 - задержки в осуществлении проводок по счетам основной бухгалтерской книги и др.

Список литературы

1. Ветров Н.И. Уголовное право. Общая и особенная часть. – М., 2009.
2. Обзор судебной практики ВС РФ за IV квартал 2012 года (утв. на заседании Президиума Верховного Суда РФ от 3 января 2013 г.) БВС РФ №2.
3. Хафизова Л.С. «Фишинг – новый вид финансового мошенничества в сети интернет» «Закон и право» 2007, № 9.
4. www.tricks.mlhost.ru [электронный ресурс]

СОСТОЯНИЕ, СТРУКТУРА И ДИНАМИКА УБИЙСТВ

Таилова А.Г.

зав. каф. юридических и гуманитарных наук, канд. юрид. наук, доцент,
ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет, филиал в г. Избер-
баш, Россия, г. Избербаш

Магомедов А.А.

зам. директора по УМР, канд. юрид. наук, доцент,
ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет, филиал в г. Избер-
баш, Россия, г. Избербаш

В статье анализируется структура и динамика убийств, дана их общая характеристика. Приведены данные МВД по состоянию и динамике убийств по РФ и РД. Показатели убийств за последние годы свидетельствуют о росте преступных посягательств против жизни. В РД появился новый вид «убийств чести».

Ключевые слова: убийства, данные статистики, структура преступности, основные показатели.

Криминологические исследования, проведённые нами, затронули вопросы динамики и структуры преступности против жизни.

В 1990 году в России было зарегистрировано 15,6 тыс. убийств и покушений на убийство, в 1995 году – 31,7 тыс., в 2000 году – 31,8 тыс., в 2005 году – 30,8 тыс., в 2006 году – 27,5 тыс., в 2007 году – 22,2 тыс., в 2008 году – 20,1 тыс., в 2009 году – 17,7 тыс., в 2010 году – 15,6 тыс.

В 2011 году в России было зарегистрировано 14,3 тыс. убийств и покушений на убийство. Из этого числа 1399 преступлений было совершено в общественных местах, на дорогах и трассах вне населённых пунктов, совершено на транспорте – 52 [7].

В 2011 году число умерших от убийств в России в расчёте на 100 тыс. населения составило 11,5 среди всего населения [8].

По данным Следственного комитета России, раскрываемость убийств и покушений на убийство, совершённых за 2013 год, составила около 88 % [2].

В 2012 году правоохрательными органами было зарегистрировано 13,3 тыс. убийств и покушений на убийство в России, что равнялось 9,3 на 100 тыс. человек населения. По данным правоохрательных органов, в результате убийств в 2012 году погибло 9,7 тыс. человек (в данное число не входят 6,5 тыс. умерших в результате умышленного причинения тяжкого вреда здоровью) [7].

По данным демографической статистики за тот же год – 14,9 тыс. человек (10,4 на 100 тыс. человек населения) [3].

В 2014 году, по данным правоохрательных органов, в России зарегистрировано 11,9 тыс. убийств и покушений на убийство. По данным демографической статистики, в 2014 году в России было убито 12,7 тыс. человек (8,7 на 100 тыс. населения). Устойчивой тенденцией последних лет является

снижение числа убийств как по данным правоохранительных органов, так и по данным демографической статистики [7].

Число убийств за 2015 год снизилось на 10%, до 11,7 тыс. – это наименьший уровень в современной России. Такие данные следуют из отчета Росстата о смертности населения за январь-декабрь 2015 года. Показатель по убийствам сейчас вдвое ниже, чем в 1990 году (21,1 тыс. убийств), и он опустился на уровни конца 1980-х годов. Статистика МВД подтверждает рекордно низкие значения [8].

В абсолютном выражении по количеству убийств лидирует Московская (666 случаев, минус 9% за год) и Свердловская области – снижение на 16% (488 случаев), далее Иркутская (минус 11%, 416 случаев), Челябинская области (минус 6%, 394), Пермский край (минус 11%, 380). На 6% стало меньше убийств в Москве, всего 377. Меньше всего убийств констатировано в Чечне и Северной Осетии – по 10 и 11 убийств за 2015 год соответственно (двукратное снижение). В Ненецком и Чукотском автономных округах, в Кабардино-Балкарской Республике, Магаданской области – по 13 убийств за весь 2015 год [6].

Показатель убийств в 2015 году на 100 тыс. населения составил всего 8 убитых (в 2014 году – 8,7). Аналогичной относительной статистики за 2015 год по каждому региону нет, но исходя из данных за 2014-й, наименьшие показатели убийств на 100 тыс. населения в Чечне (2,2 человек), Москве (3,2) и Адыгее (3,4). Самыми «кровавыми» вполне можно назвать Тыву (44,8 человек на 100 тыс. населения), Забайкальский край (26,4), Алтай (22,8) [4]. Уровень убийств выше в сельской местности, чем в городе. Корень в разнице городской и сельской культур, в сельской жизни цена жизни всегда была как бы ниже: Бог дал, Бог взял. Второе – алкоголизм: в среднем порядка 70% всех убийств совершается в состоянии алкогольного опьянения, а в деревнях пьют больше. Кроме того, исторически так сложилось, что в деревне привыкли решать проблемы, особенно в состоянии алкогольного опьянения, при помощи подручных средств, что увеличивает риск совершения убийства, а не причинения травм. Всегда под рукой топор.

Число убийств и покушений на убийство в 2015 году снизилось на 4%, до 11 325 человек (в 2014 году – 11 813 человек). Дагестан занимает первое место в стране по количеству совершаемых преступлений. Так, согласно докладу МВД, опубликованному в январе 2015 года, Дагестан был назван первым регионом по числу совершенных в 2014 году преступлений с использованием оружия – 607 из 7500 по России. В республике с каждым годом увеличивается число преступлений экстремистской направленности, за последний год их количество возросло втрое. Увеличилось количество и преступлений террористической направленности: в 2012 году в республике зафиксировано 295 таких случаев (из 637 по России, согласно статистике МВД) [5].

В Дагестане отсутствует статистика по количеству "убийств чести", зачастую информация о преступлениях скрывается родственниками убитых женщин, считают эксперты. Ситуация в Дагестане может привести к увеличению количества таких преступлений.

Так например, 17 ноября в Гунибском районе Дагестана был задержан 54-летний житель Махачкалы, который вез в машине труп своей 21-летней дочери. Следственные органы рассматривают версию, что мужчина убил дочь, поскольку "он был недоволен ее нескромным поведением". За последние два года в правозащитную организацию "Матери Дагестана" поступили три обращения об убийствах девушек своими близкими родственниками, при этом, позже заявители отказались от своих жалоб.

Например, жительница Буйнакскса обратилась с заявлением, что ее родной брат убил свою дочь. Девушка хотела сбежать с любимым человеком, хотя была засватана за другого. Отец, узнав об этом, решил, что дочь опозорила его. Он ее задушил. Родственники объявили всем, что она повесилась [2].

В другом случае брат убил сестру. Мать не пошла в полицию, потому что не хотела терять еще и сына. Родственники купили справку, что у девушки были проблемы с сердцем. В третьем случае отец застрелил дочь. Мать подтвердила его версию о неосторожном обращении с оружием. Она сказала, что не прокормит остальных детей без мужа, а дочь, мол, сама была виновата [9].

В целом эксперты в Дагестане отмечают, что так называемые "убийства чести" в Дагестане являются явлениями редкими, но не исключительными. При этом оценить его масштабы и динамику невозможно из-за отсутствия статистики. Правоохранительные органы могут и не знать о таких убийствах, ведь заявления от родственников нет. Наоборот, они представят свидетельство о смерти от болезни. Но даже если участковый в селе знает об убийстве – в селе трудно что-то укрывать, он не станет инициировать расследование, потому что доказательств никогда не соберет – никто не даст свидетельских показаний, убийце будет обеспечено алиби.

Количество убийств и ранений в Дагестане, совершенных на почве кровной мести, составило по данным за 2015 год 10-15% всех зарегистрированных в республике преступлений [5]. Особую опасность представляют убийства, сопряженные с другими тяжкими насильственными преступлениями. Число таких убийств, как показывает анализ, в последние годы постоянно увеличивается. Наблюдается тенденция их роста, что соответствует закономерностям, характерным для криминального насилия в целом.

Убийства были и во многом остаются поныне латентным видом преступных посягательств.

Однако появляется все больше оснований утверждать, что даже применительно к убийствам официальная статистика все менее отражает реальную картину преступности, значительное количество убийств маскируется преступниками в безвестное исчезновение своих жертв.

Распространяющееся неблагополучие и общая незащищенность людей усиливает возможность каждого стать жертвой преступления. Так, по данным статистики от 1/2 до 2/3 граждан Республики Дагестан подверглись преступным посягательствам, а каждый пятый гражданин РД, пострадавший от тяжких и особо тяжких насильственных преступлений против жизни и здоровья, посягательству преступников подвергался неоднократно.

Список литературы

1. Данные Мин. Юстиции РД. Официальный сайт. <http://www.minustrd.ru/> (дата обращения 28.03.2016 г.).
2. Данные СК СУ РФ. Официальный сайт. sledcom.ru (дата обращения 28.03.2016 г.).
3. Данные демографической статистики. Официальный сайт: demography.academic.ru (дата обращения 28.03.2016 г.).
4. Данные ГИАЦ МВД РФ. Официальный сайт. <http://www.mvd.ru>.
5. Данные ИЦ РД. Официальный сайт. <http://www.05.mvd.ru>.
6. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации (<http://crimestat.ru/>)
7. Статистика и аналитика: статистика за 2010-2015 гг. [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports> (дата обращения 28.03.2016 г.).
8. Федеральная служба государственной статистики / http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/ (электронный ресурс дата обращения 20.01.2016- 20.03.2016)
9. <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/252690/>

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛА ПО СУЩЕСТВУ В ПОРЯДКЕ ЗАОЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Тимонина М.В.

Российский государственный социальный университет,
Россия, г. Дедовск

Для пересмотра дела по существу вышестоящими судебными инстанциями характерно наличие оснований для отмены или изменения судебных актов, которые перечислены в ст. 330 ГПК. Применение оснований из этой статьи свидетельствует о допущенных нарушениях нижестоящим судом, совершенных им в ходе рассмотрения гражданского правового спора между сторонами.

Ключевые слова: заочное решение, ответчик, заочное производство, разумный срок, сроки в заочном производстве, правоприменительный процесс.

Для заочного решения законодатель сформулировал совершенно иные основания для отмены: неявка ответчика по уважительным причинам в судебное заседание и наличие обстоятельств, влияющих на содержание судебного решения. Другими словами, отмена заочного акта не связывается изначально законодателем с нарушениями в области судебного познания, судебного доказывания и правоприменительного процесса. Поэтому ответчик подает не жалобу, в которой содержится просьба о проверке судебного акта, вследствие которой решение может быть как отменено, с направлением дела на новое рассмотрение по существу, так и изменено вышестоящим судом, а именно заявление об отмене.

Теперь более подробно проанализируем сами основания, установленные ст. 242 ГПК. На первый взгляд может показаться, что они предельно просты. Однако это не так, поскольку первое основание на самом деле исходит из презумпции вины ответчика, он обязан доказать суду, что неявка вы-

звана уважительными причинами (отпуск, командировка, болезнь и др.), а также невозможностью своевременного сообщения суду об этом. История развития процессуального права в связи с этим знает примеры иного подхода, в соответствии с которым неявка ответчика напротив считалась абсолютно уважительной, а неявившаяся сторона в данном отношении освобождалась от всякого бремени доказывания. Второе основание является не менее сложным.

В частности, ранее в ст. 213.11 ГПК РСФСР 1964 г. подчеркивалось: «...сторона представляет доказательства, которые могут повлиять на содержание принятого заочного решения». Между тем это означало, что суд, получив заявление о пересмотре заочного решения, уже в момент его принятия должен был ответить на вопрос – насколько доказательственный материал повлияет на содержательное наполнение судебного акта, хотя в целом доказательства оцениваются при разрешении спора по существу [2, ст. 213.11].

Сегодня в ГПК имеется ссылка прежде всего на обстоятельства и только затем на доказательства, могущие повлиять на содержание заочного правоприменительного акта. Кроме того, в ст. 242 ГПК не используется такой категориальный аппарат, как новые обстоятельства и новые доказательства, в противном случае процедура отмены заочного решения была бы близка по своей конструкции к полной апелляции, позволяющей суду второй инстанции обнаруживать принципиально новый фактологический и доказательственный материал [1, ст. 242 ГПК].

Отмена судебного заочного решения влечет за собой возобновление рассмотрения дела по существу по общим правилам гражданского судопроизводства в том же или ином составе судей, т.е. суд извещает всех лиц, участвующих в деле, о предстоящем разбирательстве спора с указанием места и времени. Если ответчик, которому надлежащим образом сообщили о новом рассмотрении дела, вторично не явился, то решение, выносимое судом, не наделяется статусом заочного. Такая правовая регламентация представляется правильной, с учетом того, что именно ответчик инициировал отмену первоначального заочного акта суда, вследствие чего он не мог не знать о новом разбирательстве. Из этого вытекает еще одно концептуальное правило, согласно которому ответчик по результатам рассмотрения гражданской правовой коллизии не обладает правом обращения с заявлением о пересмотре обычного судебного решения в рамках заочного производства. Следовательно, у него есть возможность пересмотра правоприменительного акта путем подачи апелляционной жалобы с соблюдением месячного срока [3, с. 76-82].

Список литературы

1. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 03.07.2016 г.) СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения 26.10.16 г.).
2. «Гражданский процессуальный кодекс РСФСР» (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) (ред. от 31.12.2002 г.). // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения 26.10.16 г.).
3. Черных И.И. К вопросу об обжаловании заочного решения в условиях обновленного гражданского процессуального законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 5. – С. 76-82.

ИСТОРИЯ ИНСТИТУТА ЗАОЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Тимонина М.В.

Российский государственный социальный университет,
Россия, г. Дедовск

В статье наглядно демонстрируется этап становления «заочного производства». Завершается изучение данного вопроса определением заочного производства.

Ключевые слова: заочный процесс, суд, судья, правосудие, судебный процесс, стороны, неявка, истец, ответчик, заочное решение.

Институт заочного рассмотрения имеет давнюю историю в отечественном российском процессуальном законодательстве. Анализ генезиса института заочного производства наглядно демонстрирует, что на этапе его становления понятие «заочный» использовалось буквально, механически переносилось на порядок рассмотрения гражданских споров. Заочным именовалось решение, основанное только на факте неявки одной стороны. Поначалу результат его был заранее предreshен из-за того значения, которое придавалось факту неявки ответчика.

В истории развития института заочного производства большое значение имела организация судебных вызовов.

Характер процедуры вызова отражался непосредственно на действии, следовавшем за ним. Уклонение от вызова побуждало применение властями суровых мер, иногда сопровождавшихся насилием.

Исторически сложилось так, что законодатель, руководствуясь тем соображением, что отсутствие какой-либо из сторон является препятствием к надлежащему разрешению дела, усматривал необходимость личной явки в суд и расценивал неявку как ослушание своей воли, как посягательство на общественный порядок. Таким образом, с точки зрения древнего законодателя, неявка тяжущегося на суд представлялась результатом виновного деяния, результатом, влекущим за собой применение процессуальных санкций уголовного характера. Вопрос неявки касался, прежде всего, ответчика, так как предполагалось, что истцу, возбудившему дело, незачем игнорировать судебное разбирательство.

По отношению к ответчику как к лицу, по вине которого не состоялось полноценное разбирательство, применялись самые разнообразные меры, носящие характер санкции.

На Руси к «провинившемуся» не явившемуся ответчику применялось битье батогами и даже заключение в тюрьму. Псковская Правда и уставные грамоты Руси XV-XVI столетия устанавливали, что в случае неявки ответчика истец получал так называемую «бессудную грамоту» о принуждении ответчика к явке в суд при помощи судебного пристава или к представлению поруки в том. Последнее означало, что ответчик должен быть взят на поруки родственниками с тем, чтобы они доставили его в суд, а если не смогут до-

ставить, то должны отвечать за него перед истцом. Поручительство устанавливалось независимо от поведения ответчика.

Уложение 1649 г. содержит понятие зазывных грамот, они посылались три раза. Неявка после получения первой и второй зазывных грамот наказывалась битьем батогами и только после третьей следовало обвинение в иске без суда. Неявка влекла проигрыш дела, который и был наказанием для не явившегося. В раннем русском процессе вызов был не только способом уведомления, но и преследованием, привлечением к суду. Примечательно, что смягчение способа вызова влекло за собой смягчение последствий неявки, что и создало предпосылки для возникновения заочного порядка рассмотрения дела [2. 195].

Отсутствие четкой системы вызовов порождало недоверие к заочным решениям, вследствие чего в России в 1653 г. была сделана попытка вообще отменить заочные решения и взыскивать с не явившегося ответчика только «проссти и волокиты», т. е. затраты на процесс, понесенные истцом. Однако через несколько лет (в 1685 г.) заочные решения были вновь разрешены.

Устав 1864 г. предусматривал условия рассмотрения дел в порядке заочного производства, требования к содержанию заочного решения, а также предъявления копии вынесенного решения сторонам, в том числе, отсутствующей. Так, в соответствии с редакцией Устава от 1890 года в случае неявки ответчика в мировой суд или суд общей юрисдикции любого уровня по просьбе истца судья принимал заочное решение. Если же не явился истец, суд прекращал производство по делу. Однако, истец мог возобновить дело путем предъявления нового иска. Ответчик был вправе представить письменные объяснения или попросить о рассмотрении дела в его отсутствие (ст. ст. 145, 1451, 1452, 1453 Устава). В случае прекращения основного иска по причине неявки ответчика встречный иск также не рассматривался судом [3, с. 144].

Законодателем были обозначены условия, при которых вынесенное судебное решение по гражданским делам не считалось заочным. В общих судах по Уставу гражданского судопроизводства в редакции 1890 г. решение не являлось заочным: а) когда ответчик просил вынести решение без него (подлежало только апелляции); суд мог требовать его присутствия или прекратить производство дела (ст. 719, ст. 719.1); б) в случае необходимости допроса свидетелей и проверки доказательств ответчика (ст. 720); в) когда ответчик, явившийся до вынесения решения, допускался к представлению объяснений (ст. 149, ст. 721); г) когда ответчик принимал лично или через поверенного какое-либо участие в деле; д) когда ответчик находился в зале заседания, но объяснений не давал (ст. 721.1) [3, с. 152].

Предполагалось апелляционное обжалование заочного приговора. Устав (в редакции 1892 г.) очертил правила подачи апелляционных жалоб и протестов на решение, вынесенное в заочном порядке, установил процедурные вопросы их разрешения и правовые последствия. Были установлены следующие сроки для обжалования заочных решений в мировых и окружных судах: для подачи отзывов – две недели, для подачи апелляционной жалобы –

один месяц с момента оглашения решения суда [1, с. 142]. Срок отсчитывался с момента вручения копии заочного решения либо выписки из него, а также предъявления повестки об исполнении решения либо его публикации. Ответчик мог принести отзыв с ходатайством о признании решения, вынесенного в заочном порядке, недействительным и своими возражениями по существу поданного иска или указанием, что он уже подан, просить о вызове истца, а также о рассмотрении дела заново (ст. ст. 151, 725-729, 7291 Устава). Судебная практика того времени устанавливала, что

а) в случае принесения отзывов на решение мирового судьи, вынесенное в заочном порядке, необходима было личное присутствие того, против кого оно было вынесено;

б) в том случае, когда на заочное решение были поданы сначала апелляция истцом, а затем отзыв ответчиком о пересмотре дела, то мировой съезд не производил пересмотр решения по существу, поскольку ответчик ходатайствовал о новом рассмотрении дела, в связи с чем апелляция теряла смысл [4, с. 397-401].

С получением отзыва заочное решение суда утрачивало силу, дело возвращалось в изначальное положение, то есть судья определял день для явки сторон на новое судебное разбирательство, о чем выдавал повестку обвинителю, указывая при этом, что неявка повлечет за собой определенные неблагоприятные последствия (в ред. 1890 г. Устава). Подача отзыва в трехдневный срок приостанавливала приведение заочного решения в исполнение, но суд мог, по просьбе истца, принять меры обеспечения иска (ст. ст. 152, 730, 731, 732 Устава). Практика подчеркивала, что с принятием отзыва недействительным признавалось решение, но не объяснения сторон в суде [5, с. 25].

Законодательно предусматривались ответственность за неявку на суд без уважительных причин и порядок взыскания судебных издержек с одной из сторон. По Уставу такие издержки в общем суде взыскивались с ответчика, даже если впоследствии заочное решение и было отменено. В случае отмены решения ответчик нес те судебные издержки, которые истцом понесены из-за неявки первого. Основаниями неявки выступали медицинское свидетельство, удостоверение станового пристава о болезни подсудимого. Суд откладывал заседание до выздоровления и явки в суд подсудимого (ст. ст. 723, 868 Устава) [6, с. 433-435].

Итак, процедура вынесения заочного приговора предусматривалась в гражданском процессе в мировых и общих судах. Заочный приговор по гражданским делам выносился по делам искового производства как в отношении ответчика, так и в отношении истца. Заочное производство осуществлялось на принципах законности, равноправия и правосудия. Гарантией их реализации выступала апелляционная процедура (апелляционный отзыв и частная жалоба).

Список литературы

1. Решение гражданского кассационного департамента 1870 г. № 850, дело Александренко; решение гражданского кассационного департамента 5 дек. 1872 г., дело Мед-

ведева // Судебные уставы 1864 г. М.: Российская академия правосудия; Директмедиа Паблишинг, 2008. С. 1404; Устав гражданского судопроизводства // Свод законов Российской империи. Книга пятая. Т. XVI [Электронные версии]. СПС «Консультант Плюс», 2008. – С. 142. (Дата обращения 16.10.16г.)

2. Свод законов Российской империи. Книга пятая. Т. XVI. – С. 144, 195, 391.

3. Решение гражданского кассационного департамента 1867 г. № 394, дело Русанова // Свод законов Российской империи. Книга пятая. Т. XVI. – С. 144, 152, 196-197.

4. Решение гражданского кассационного департамента 1870 г. № 690, дело Смирнова; решение гражданского кассационного департамента 1870 г. № 1142, дело Фокина // Судебные уставы 1864 г. С. 397-401, 1773-1775.

5. Жуйков В.М. Судебная реформа: проблемы доступа к правосудию. – М.: Статут, 2006. – С. 25.

6. Решение гражданского кассационного департамента 1872 г. № 545, дело Зайцева // Судебные уставы 1864 г. С. 991-994; Свод законов Российской империи. Книга пятая. Т. XVI. – С. 433-435.

ОБЖАЛОВАНИЕ ЗАОЧНОГО РЕШЕНИЯ

Тимонина М.В.

Российский государственный социальный университет,
Россия, г. Дедовск

Обжалование заочного решения представляет собой меру защиты стороны гражданского процесса – ответчика – от необоснованного нарушения его права на участие в судебном заседании при рассмотрении дела с его участием.

Ключевые слова: ответчик, истец, заочное решение, заявление об отмене заочного решения, заявление о пересмотре заочного решения, апелляционная жалоба.

Обжалование заочного решения суда представляет собой достаточно сложный процессуальный механизм уже по той причине, что в него входят два самостоятельных действия:

– подача ответчиком заявления об отмене вынесенного заочного решения (или иного акта), а также

– обращение ответчика с апелляционной жалобой на это же решение.

Подать заявление об отмене заочного решения может только ответчик по установленной форме в семидневный срок с момента, когда им была получена копия вынесенного заочного решения с уведомлением по правилам ч. 1 ст. 236 ГПК РФ. Причем речь идет о нескольких правовых сентенциях. В первую очередь обращение с заявлением об отмене заочного решения является для ответчика одним из двух способов обжалования подобных судебных актов. Здесь следует иметь в виду, что заявление об отмене согласно ч. 3 ст. 238 ГПК и ст. 333.36 НК пошлиной не облагается. Однако с принятием ГПК РФ налоговое законодательство нуждается в редактировании, поскольку сегодня в нем используется несколько иной правовой термин – «заявление о пересмотре заочного решения».

Затем ответчик обязан соблюсти семидневный срок обращения, жестко

привязанный к моменту получения копии акта суда. Далее заявление об отмене заочного решения в отличие от апелляционной жалобы будет рассматриваться судом, вынесшим его, а не судом второй инстанции, тем самым подчеркивается отсутствие функции пересмотра, иначе бы возникла одна из форм апелляции.

Для ответчика в законе существует в качестве второго варианта обжалования возможность пересмотра заочного решения вышестоящей судебной инстанцией. Этот же вариант распространяется и на истца. Иными словами, стороны вправе подать жалобу на итоговый правоприменительный акт мирового судьи или районного суда в зависимости от того, в суде какой инстанции было вынесено заочное решение по делу.

В отношении заочного решения законодателем институализирована иная идея, в соответствии с которой течение месячного срока на апелляционное обжалование начинается с совершенно иной даты, не согласующейся с общими условиями ст. 321 ГПК РФ. Здесь этот срок начинает свое течение после окончания семи дней, которые даются ответчику для реализации своего права подать заявление об отмене заочного решения. При этом если ответчик использовал право на подачу такого заявления, апелляционную жалобу он может подать в месячный срок с момента вынесения судом определения об отказе в удовлетворении заявления ответчика об отмене заочного решения.

Такое процессуальное решение дает возможность обжаловать заочное решение значительно дольше, чем обычное решение суда, особенно если учитывать, что ответчик реализует право на обжалование заочного решения только после получения его копии. Как верно отметил один заявитель в своих письменных возражениях на частную жалобу, что подача частной жалобы на определение суда об отказе в отмене заочного решения противоречит нормам процессуального права и способствует укоренению «судебной волокиты», просит частную жалобу оставить без рассмотрения.

Зачастую ответчик не присутствует в судебном заседании по причине непроживания по адресу регистрации, то есть он просто не знает о состоявшихся судебных актах. При этом высылка копии вынесенного заочного решения также происходит по этому адресу, по которому ответчик не проживает, в связи с чем конверт долгое время хранится и возвращается обратно в суд. Срок на апелляционное обжалование начинает истекать с момента возвращения конверта с отметкой о неполучении его ответчиком.

Таким образом, в настоящее время не может возникнуть ситуация двойного производства в суде первой и второй инстанций. Ответчик обязан сделать выбор способа защиты собственных интересов в суде: обращение либо с заявлением об отмене (семь дней), либо с жалобой о пересмотре (один месяц), причем эти сроки не совпадают в какой-либо части друг с другом. В свою очередь, истец также вправе обжаловать заочный судебный акт, но после того как выяснится, что ответчик не реализовал правомочие, относящееся к заявлению об отмене заочного решения.

В отличие от истца, ответчик вправе обратиться в суд, принявший заочное решение, с заявлением об отмене заочного решения, которое должно

отвечать строго определенным реквизитам. Кроме общих сведений о наименовании суда и лица, подающего заявление, просьбы об отмене, особое внимание уделяется причинам неявки в суд. Для того чтобы судебный орган отменил собственное постановление, ответчик обязан не только объяснить, по каким уважительным причинам он не имел возможности явиться в судебное заседание, но и подтвердить их посредством доказательств, например, командировочного удостоверения или листа временной нетрудоспособности.

Следует отметить, что, как правило, стороны доказывают уважительность неявки в судебное заседание, однако, упускают из виду доказательства факта отсутствия возможности своевременно уведомить суд о том, что сторона не явится в судебное заседание. Так, если факт непроживания действительно предполагает, что ответчик просто не знал о судебном заседании, то факты участия ответчика или его представителя в других судебных процессах можно было предполагать и предупредить более позже назначенный суд о невозможности явки в судебное заседание по причине участия в предыдущем.

Проблемой является система оснований для отмены заочного решения суда – суду не достаточно факта уважительности причин отсутствия ответчика по делу, необходимо также доказать факт наличия каких-либо существенных сведений, которые могут повлиять на исход дела. Однако, учитывая, что основной причиной отсутствия ответчика при вынесении заочного решения является его обычная неосведомленность о судебных разбирательствах по причине непроживания по месту его регистрации, такое положение вещей ставит под угрозу институт состязательности сторон гражданского процесса. При этом, факт непроживания на месте регистрации и, как следствие, не получение судебной корреспонденции, суд не расценивает как уважительную причину отсутствия в судебном заседании при вынесении заочного решения. То есть складывается ситуация, когда есть определенная доля принятых заочных решений суда, в которых ответчик, даже имея на руках неоспоримые доказательства своей правоты, которые не были известны суду, не может отменить заочное решение суда, поскольку он просто не проживал в месте своей регистрации и не был в судебном заседании. Истцы при этом, часто будучи осведомленными о телефонах и фактических адресах проживания ответчиком, умышленно скрывают этот факт, чтобы нейтрализовать сопротивление ответчика таким образом, получают на руки, в итоге, исполнительный лист, который потом уже доходит до ответчика – должника, поскольку судебные приставы производят розыск должника и без труда выходят на него. А повернуть такое решение суда к рассмотрению его в первую инстанцию бывает достаточно сложно, почти нереально. Такая ситуация является благодатной почвой для использования механизма судебной системы для решения своих проблем недобросовестными гражданами.

При подаче заявления об отмене заочного решения ответчик прилагает перечень и копии документов, которыми он обосновывает свои возражения по сути исковых требований, которые направляются истцу. Как и в случае направления отзыва или встречного искового заявления, заявление об отмене заочного решения подписывается лично ответчиком либо его представителем с приложением нотариальной доверенности или копии адвокатского ордера.

Согласно ч. 3 ст. 238 ГПК подобное заявление не оплачивается государственной пошлиной, хотя с этим можно было бы поспорить. Действительно, заочное решение выносится судом ввиду создания для неявившегося ответчика неблагоприятных правовых последствий, а его неявка предполагается виновной. Вместе с тем законодатель косвенно поощряет ответчика, освобождая от уплаты государственной пошлины, при обращении к суду с заявлением об отмене судебного решения. Это обстоятельство представляется алогичным, тем более если учесть, что истец и другие лица, участвующие в деле, несут дополнительные судебные расходы, связанные с возобновлением рассмотрения дела по существу.

Статья 238 ГПК не дает ответа на вопрос о том, как должен поступить суд в случае несоответствия заявления об отмене заочного решения требованиям, предъявляемым законом. Нужно полагать, что ст. 238 ГПК корреспондирует со ст. 136 ГПК, которая позволяет судебным органам при установлении нарушений реквизитов искового заявления оставлять заявление без движения. В связи с этим суд при принятии заявления об отмене заочного решения вправе оставить его без движения и в своем определении указать разумный срок для устранения выявленных недостатков. Если заявитель выполнит судебные предписания, заявление будет считаться поданным в день первоначального представления его в суд.

Иначе заявление об отмене заочного решения должно расцениваться в качестве неподанного и возвращается ответчику со всеми приложенными документами. Кроме того, по аналогии со ст. 324 ГПК следует возвращать заявления об отмене заочного решения суда, если ответчик пропустил срок подачи и в заявлении не содержится просьбы о его восстановлении.

Итак, обжалование заочного решения суда является правом ответчика на восстановление своего права на участие в состязательном гражданском процессе, которое предоставляется в случае одновременного наличия двух условий: во-первых, отсутствие ответчика при разбирательстве дела, окончившемся вынесением судебного акта, было вызвано уважительными причинами, во-вторых, у ответчика имеются веские основания считать, что решение было вынесено незаконно или необоснованно, то есть имеются доказательства неправомерности вынесенного решения в заочной форме в виде обстоятельств или доказательств. Таким образом, юридическим составом, позволяющим отменить заочное решение суда, является одновременное установление следующих обстоятельств: уважительность неявки ответчика в процесс; невозможность своевременного уведомления суда о неявке ответчика в процесс; обстоятельства, которые окажут влияние на вынесенное решение суда.

Проблему составляют доказательства отсутствия возможности своевременного уведомления суда о предстоящей неявке ответчика, а также размытость формулировок относительно возможности влияния на содержание решения суда.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

2. Решетняк В.И., Черых И.И. Гражданский процесс. – М.: Юрайт, 2014. – 605 с.
3. Уткина И. Заочное решение в гражданском процессе: вопросы и ответы // Российская юстиция. – 2013. – № 10. – С. 24-28.
4. Уткина И.В. Институт заочного решения в гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1997. – 228 с.
5. Черновол И. Разрешение гражданских дел в порядке заочного судопроизводства // Законность. – 2007. – № 8. – С. 76-81.
6. Черных И.И. К вопросу об обжаловании заочного решения в условиях обновленного гражданского процессуального законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 5. – С. 76-80.

СПОСОБЫ НЕЗАКОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СЛЕДОВАТЕЛЯ КАК НА ДОЛЖНОСТНОЕ ЛИЦО, ВЕДУЩЕЕ РАССЛЕДОВАНИЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Тишкина Н.В.

преподаватель кафедры предварительного расследования,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
Россия, г. Санкт-Петербург

Часовникова О.Г.

доцент кафедры уголовного процесса,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
Россия, г. Санкт-Петербург

В статье рассматривается противодействие при расследовании преступлений, способом противоправного воздействия на следователя при расследовании уголовных дел, приведены примеры воздействия на следователя, как на должностное, рассмотрена классификация основных способов воздействия.

Ключевые слова: участники уголовного судопроизводства, следователь, способы противодействия, противодействие расследованию преступлений.

Противоправное воздействие на участников уголовного судопроизводства, осуществляющее предварительное расследование, состоит в незаконном желании побудить должностное лицо действовать или бездействовать в противоправных интересах лица, оказывающего воздействие. Причины могут быть как субъективного, так и объективного характера. Наиболее подвержен, на наш взгляд такому воздействию следователь, так как в его производстве находятся уголовные дела о более тяжких преступлениях, чем у дознавателя.

В научной литературе отмечается; что среди мотивов заказных убийств выделяется такая цель, как воспрепятствование служебной деятельности потерпевшего. Например, в Ленинградской области была раскрыта деятельность организованной преступной группы, которая «на протяжении ряда лет занималась вымогательством, разбоями, убийствами и другими корыстно-насильственными преступлениями. Начальник таможенного поста Выборгской таможни, пытавшийся воспрепятствовать контрабанде различных гру-

зов, совершаемой членами преступного формирования, был убит в 1998 г. специально нанятыми киллерами [5].

Воздействие на участников уголовного судопроизводства оказывается все чаще на фоне снижения активности работы правоохранительных органов, низкой раскрываемости преступлений. Все это отражается, на гражданской позиции рядового обывателя, который в условиях криминального беспредела еще острее чувствует свою незащищенность и вынужден избегать гражданской активности. «Причина не содействовать уголовному судопроизводству связана с социально-психологическими особенностями отдельных социальных групп (чувство родства, куначество, местные обычаи – особенно широко распространены в сельских районах)» [1, с. 145]. Применение мер безопасности в отношении следователя и других участников уголовного судопроизводства более подробно рассмотрено в публикациях В.В. Солодовника и Н.В. Тишкиной [4, с. 68-77].

Изучение практики следственных подразделений показывает, что способы противоправного воздействия на должностных лиц, проводящих предварительное расследование, могут быть самыми разнообразными. Зависят они от таких факторов, как тяжесть совершенного преступления, социального статуса подозреваемого, обвиняемого, его принадлежности к преступному формированию. Кроме этого на способы противоправного воздействия оказывают влияние психологические качества должностного лица; волевые, моральные, физические, материальные и иные возможности преступника и т.п.

Из проведенного нами в 2014-2015 годах устного интервьюирования 52 следователей из разных регионов Российской Федерации, имеющих стаж работы в органах внутренних дел от одного года до 10 лет, установлено, что в отношении них неоднократно имели место случаи криминального воздействия в виде организации квартирных краж, угонов личного транспорта для того, чтобы впоследствии предложить свою «помощь» в обмен на непривлечение виновных к уголовной ответственности. И это не говоря уже о физическом и психологическом воздействии на них.

Определенную сложность вызывает процесс установления фактов противоправного воздействия на следователей, о чем свидетельствует незначительное количество рассмотренных судами уголовных дел о преступлениях, связанных с противоправным посягательством в отношении должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование. Между тем количество подобных преступлений из года в год неизменно возрастает.

Так по нашим данным, в Санкт-Петербурге и Ленинградской области только 16 следователей вели производство по таким делам неоднократно, еще 8 следователей имели в производстве по одному такому делу. Подавляющее большинство опрошенных ни разу не сталкивались с такими преступлениями. Криминальное давление на следователей оказывается в значительных масштабах, оставаясь при этом практически не наказуемым. Латентность преступлений данного рода остается довольно высокой. Объяснить это явление можно как нежеланием обращаться за помощью, разобраться самому, так и несовершенством самого механизма применения мер государственной защиты.

Совершенно очевидно, что воздействие на следователя отличается от воздействия на свидетеля и потерпевшего.

Классификация основных способов воздействия на следователя может выглядеть следующим образом:

1) угроза уничтожения или повреждение принадлежащего им имущества;

2) угроза смерти или причинения вреда здоровью;

3) унижение чести и достоинства и т.п.

Кроме этого распространен способ оказания давления на следователей путём воздействия на близких родственников.

В литературе отмечается увеличение многообразия способов противоправного воздействия на следователей в связи с осложнением криминогенной обстановки в России. Авторы выделяют следующие способы воздействия на следователей: преследование и оказание психического воздействия, выражающегося в угрозах убийством, расправой, уничтожением личного имущества, похищением детей и близких, надругательством над престарелыми и малолетними и т.п. Кроме этого, подкуп в любом виде и форме; шантаж; применение физического насилия; оскорбление или клевета; умышленное уничтожение или повреждение имущества; похищение родственников и иных близких.

Перечисленные способы воздействия можно дополнить следующими: воздействие в завуалированной форме («дружеский» совет, молчаливые угрозы, подкрепляемые обстановкой; жестами, отдельными фразами и пр.); психическое воздействие в форме неопределенных угроз (например, «будет хуже», «подумай о детях», «побереги свое здоровье» и т.п.). Правильно пишет В.В. Солодовник, что, оказывая на следователя психическое воздействие, противодействующая расследованию сторона стремится дестабилизировать психическое состояние следователя, подтолкнуть его к совершению действий, которые выгодны противодействующей стороне [3, с. 245].

Многообразие форм противоправного воздействия подтверждается и нашими данными. При анкетировании 20 сотрудников следственных подразделений и подразделений дознания в Красносельском районе Санкт-Петербурга 18 человек назвали различные виды угроз, прозвучавших в их адрес в процессе производства предварительного расследования в форме дознания: «наслать проклятье или порчу», «встретиться где-нибудь в тёмном переулке и поговорить», «расправиться на улице», «вставить перо», «убить (в т.ч. «расстрелять из автомата»)), другие словесные угрозы. В ходе анкетирования 15 следователей органов внутренних дел Кировского района Санкт-Петербурга были выявлены следующие способы: «доброжелательные советы» принять «правильное» решение или давление в завуалированной форме, прямые угрозы, физическое воздействие.

Преступники зачастую не ограничиваются одной формой воздействия и в том случае, если она не дала ожидаемого результата, прибегают к другой, с их точки зрения более эффективной. При этом они могут действовать через посредников либо специально нанятых людей, как в прямой, так и в аноним-

ной форме. В настоящее время преступники нередко прибегают к комбинированным способам, включающим как психическое воздействие, так и физическое. При этом подкуп соединяется с угрозой применения насилия в случае отказа выполнить требования.

Список литературы

1. Акутаев Р.М. Криминология и латентная преступность. – М., 2010. – 191 с.
2. Климов И.А., Синилов Г.К. Противодействие криминальной среды как объект и предмет исследования теории ОРД // Организационное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации. – М., 1997. – С. 20-26.
3. Солодовник В.В. Об объектах противодействия расследованию преступлений и способах воздействия на них // Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 6 ноября 2015 года / сост.: Дикаев С.У., Кутуев Э.К., Васильченко Е.И. – СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2015. – С. 245.
4. Солодовник В.В., Тишкина Н.В. О некоторых проблемах применения мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства // Мир юридической науки. – 2015. – № 9. – С. 68-77.
5. Архив суда Выборгского района г. Санкт-Петербурга. Уголовное дело № 21417.

ЦЕЛИ И ПРИЧИНЫ ОКАЗАНИЯ НЕЗАКОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Тишкина Н.В.

преподаватель кафедры предварительного расследования,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
Россия, г. Санкт-Петербург

В статье рассматривается противодействие при расследовании преступлений, раскрываются цели и причины воздействия на следователя при расследовании преступлений.

Ключевые слова: участники уголовного судопроизводства, следователь, противодействие расследованию преступлений, цели противодействия, причины незаконного воздействия.

Исследуя проблемы профилактики противоправного воздействия на лиц, участвующих в предварительном расследовании, и их близких, С.Ю. Журавлев приводит три уровня связей участников данного процесса:

- предупреждение свидетеля и потерпевшего о возможности воздействия со стороны преступника;
- установление доверительных отношений со свидетелями и установление договоренности об обмене информацией по поводу воздействия;
- человеческая заинтересованность и демонстрация возможности субъекта расследования защитить свидетеля от возможного воздействия [1, с. 94].

В свою очередь, незаконное воздействие может быть оказано заинтересованными лицами не только на свидетелей и потерпевших, но и на следова-

теля, который осуществляет процесс расследования. Правильно пишет В.В. Солодовник, что наследователя может быть оказано два вида воздействия: психическое и физическое [2, с. 244-251].

Причины поведения, связанного с противоправным воздействием на участников уголовного судопроизводства, осуществляющих предварительное расследование, состоят в незаконном желании побудить должностное лицо действовать или бездействовать в противоправных интересах лица, оказывающего воздействие. Причины могут быть как субъективного, так и объективного характера.

Субъективные причины посягательства на следователя могут заключаться в необходимости или желании продолжать преступную деятельность как самим посягающим, так и другими лицами.

Основными причинами противоправного посягательства на следователя, на наш взгляд, являются следующие:

1) осуществление служебной деятельности по расследованию преступления;

2) принятие процессуальных решений, не выгодных противодействующей расследованию стороне.

К объективным причинам, по нашему мнению, следует отнести:

- снижение эффективности борьбы правоохранительных органов с преступностью;

- низкая раскрываемость преступлений;

- личностные качества работников правоохранительных органов;

- общественное мнение населения о работе правоохранительных органов по борьбе с преступностью на местном, региональном и федеральном уровнях и т.п.

Также, следует отметить, что все угрозы в отношении следователей в конечном итоге имеют прямое или косвенное отношение к доказыванию по уголовному делу. Таким образом, можно констатировать, что угроза безопасности участвующих в деле лиц тесно связана с информационными детерминантами. Одни участники являются первоисточниками информации, другие рассматриваются, как возможные средства влияния на эти источники (цель посягательства – искажение информации). Доказательственный (информационный) аспект имеет первостепенное значение в понимании факторов, провоцирующих угрозы следователям, ведущим расследование по уголовному делу.

Целями противоправного воздействия на следователя и других должностных лиц, ведущих расследование, являются: воспрепятствование их законной деятельности; принуждение их к изменению ее характера; месть за указанную деятельность.

В каждом случае оказания незаконного воздействия на следователя, если оно связано с угрозами применения насилия или с применением насилия должен рассматриваться вопрос о применении в отношении следователя мер безопасности. Более подробно с данными проблемами можно ознакомиться в других научных публикациях [2, с. 244-251].

Оказывая противоправное воздействие, подозреваемые, обвиняемые и другие заинтересованные лица ожидают наступления следующих возможных или желаемых для них результатов в процессе производства предварительного расследования по уголовному делу:

1) сокрытие информации о совершенном или готовящемся преступлении от правоохранительных органов, правомочных возбудить уголовное дело. При этом могут быть использованы такие приемы противодействия как маскировки, инсценировки;

2) принятие благоприятного для преступников процессуального решения (например, вынесение постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, постановления о прекращении уголовного преследования);

3) воспрепятствование задержанию подозреваемого в совершении преступления в порядке ст. 91 УПК РФ;

4) избрание меры пресечения подписка о невыезде и надлежащем поведении вместо меры пресечения – заключение под стражу;

5) изменение ранее избранной меры пресечения на менее строгую;

6) незаконное освобождение задержанного подозреваемого, обвиняемого заключенного под стражу;

7) отказ от избрания мер процессуального принуждения (наложение ареста на имущество);

8) отказ от проведения конкретного следственного действия лицом, производящим предварительное расследование;

9) необоснованное изменение квалификации совершенного общественно-опасного деяния в сторону смягчения положения подозреваемого, обвиняемого;

10) привлечение к уголовной ответственности невиновного (другого лица);

11) незаконное приостановление или прекращение производства по уголовному делу, выгодное для подозреваемого, обвиняемого и др. При этом вопрос о преодолении противодействия расследованию должен подниматься в каждом случае незаконного приостановления или прекращения уголовного дела, а наличие оснований и выполнение условий приостановления предварительного расследования должны тщательно проверяться. В связи с считаем необходимым согласовывать решение о приостановлении предварительного расследования с руководителем следственного органа;

12) освобождение от уголовной ответственности виновного лица;

13) уничтожение, изменение, утаивание предметов и документов, способствующих раскрытию и расследованию преступления, являющихся доказательствами по уголовному делу, способствующих установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Список литературы

1. Журавлев С.Ю. Противодействие деятельности по раскрытию преступлений и тактика её преодоления: дис. ...канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 1992. – с.94
2. Солодовник В.В. Об объектах противодействия расследованию преступлений и способах воздействия на них // Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспек-

тивы развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 6 ноября 2015 года / сост.: Дикаев С.У., Кутуев Э.К., Васильченко Е.И. – СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2015. – С. 244-251.

3. Солодовник В.В. Уголовно-процессуальные проблемы института приостановления предварительного следствия: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб.: СПбУ МВД России, 2011. – 224 с.

4. Солодовник В.В., Тишкина Н.В. О некоторых проблемах применения мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства // Мир юридической науки. – 2015. – № 9. – С. 68-77.

ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ: СОВРЕМЕННЫЙ АНАЛИЗ И ПРОГНОЗЫ

Шхагапсоев З.Л.

начальник института, доктор юридических наук, профессор,
Северо-Кавказский институт повышения квалификации сотрудников
МВД России (филиал) Краснодарского университета МВД России,
Россия, г. Нальчик

На основании анализа статистических данных результатов деятельности правоохранительных органов выделены основные характеризующие признаки криминальных проявлений организованной преступности в субъектах Северо-Кавказского региона.

Ключевые слова: Северный Кавказ, организованная преступность, преступные группы, преступные сообщества, правоохранительная деятельность.

Изучение криминологической ситуации в субъектах СКФО за последние пять лет позволяет сделать вывод, что преступления, совершаемые организованными преступными группами и организованными преступными сообществами (далее по тексту – ОПГ и ОПС), по-прежнему вызывают значительную угрозу нормальному развитию российского общества. Так при относительном увеличении общего числа зарегистрированных преступлений в 2015 году на 9% [2, с. 13], удельный вес противоправных деяний, совершенных преступными группами, остается стабильным – около 10%. Данная закономерность проявляется как в масштабах Российской Федерации (2011 г. – 10,0%; 2012 г. – 9,9%; 2013 г. – 9,6%; 2014 г. – 9,4%; 2015- 10,1%), так и в Северо-Кавказском федеральном округе (2011 г. – 11,4%; 2012 г. – 13,9%; 2013 г. – 12,2%; 2014 г. – 10,7%; 2015 – 11,9%). Здесь и далее для подсчета и иллюстрации выводов использованы данные статистической отчетности Центра статистической отчетности Федерального казенного учреждения «Главный информационно-аналитический центр МВД России» за 2011-2015 годы [3].

Вместе с тем, доля направленных в суды СКФО уголовных дел от общего числа возбужденных в отношении преступных групп (сообществ) имеет тенденцию к сокращению (2010 г. – 78%; 2011 г. – 69%; 2012 г. – 77%; 2013 г. – 70%; 2014г. – 66%).

Известно, что совершение преступлений организованной группой является квалифицирующим признаком по семидесяти составам преступлений,

предусмотренных в Уголовном Кодексе Российской Федерации. При этом основное внимание обращено на противодействие с тяжкими и особо тяжкими преступлениями, которые составляют почти две трети противоправных деяний с квалифицирующим признаком «совершение преступления в составе организованной группы» либо признается обстоятельством, отягчающим наказание. При этом по двум особо выделенным составам организованной преступной деятельности – ст.209 «Бандитизм» и ст.210 «Организация преступного сообщества (преступной организации)», законодатель, уже за сам факт создания, руководства или участия в указанных подвидах организованной группы рассматривается как совершение особого оконченного преступления.

Здесь хотелось бы сделать ремарку и согласиться неоднократно высказанным мнением в специальной литературе, что официальная статистика в силу ее несовершенства до сих пор не позволяет получить достоверные данные о действительном размахе организованной преступности в стране в целом и в разных видах преступной деятельности (общеуголовной, экономической, экстремистско-террористической) [4, с. 47-48].

Это объясняется рядом причин, среди которых определяющим является то, что большая часть преступлений, совершенных организованными группами и сообществами, носит латентный характер. В частности экспертами называлось соотношение зарегистрированных и латентных преступлений: один к пяти в общеуголовной сфере или один к семи в сфере экономики [1, с. 6].

Обобщение практики деятельности оперативных подразделений МВД России свидетельствует, что характерными признаками противоправной деятельности, совершаемой в составе организованных групп и преступных сообществ в Северо-Кавказском регионе, на современном этапе являются:

1. Активизация действий ОПГ и ОПС по расширению своего влияния в сферах экономики и политики, направленные на установления устойчивых международных, межрегиональных и коррумпированных связей (2011 г. – 5; 2012 г. – 1; 2013 г. – 47; 2014 г. – 43; 2015 – 49) и обнаружение новых сверх доходных способов извлечения прибыли. В этой связи в среде организованной преступности обозначились попытки к легализации, проникновению криминальных элементов во властные структуры, к установлению контроля за органами власти и управления, в том числе и правоохранительными органами.

2. Возрастающий организационный характер деятельности ОПФ, предусматривающий наличие организатора, предварительного сговора с распределением ролей и функций (исполнители, охранники, разведчики, хранители касс и т. д.), круговой порукой и жестокой внутригрупповой дисциплиной, выработки заранее определенной тактики поведения участников ОПГ и ОПС при выявлении их сотрудниками правоохранительных органов, создание общего фонда финансирования действий преступной группы в целом и, в случае необходимости, материальной поддержки отдельных ее членов или их семей.

По результатам проведенных нами исследований в регионе выявлено около 60 организованных преступных формирований, объединяющих около 900 участников, с разной иерархической структурой. При этом обращает на

себя следующая тенденция: чем устойчивее и долговременнее функционирует преступное сообщество, тем больше количество членов, амбициознее планы и сложнее иерархия. Формирование ОПГ и ОПС занимает продолжительного времени – от нескольких месяцев до нескольких лет.

3. В регионе наряду с ОПГ и ОПС функционируют одиночные преступные группировки, не поддерживающие криминальные контакты с другими преступными формированиями. Как показывает практика деятельности правоохранительных органов, данные формы групповой преступности достаточно быстро выявляются и в дальнейшем не оказывают существенного влияния на криминальную ситуацию в регионе по линии организованной преступности.

При этом в регионе отмечается тенденция к увеличению количества организованных групп с псевдо – религиозной мотивацией, отрицающих идеологию преступного мира («понятия»), не делающих отчисления в «общак» и, по мнению лидеров ОПС, занимающихся «беспределом».

4. Значительное место (в отдельных субъектах региона до 90 %) в структуре организованной преступности занимают тяжкие и особо тяжкие преступления. При этом криминальная специализация в регионе характеризуется:

а) совершением корыстно-насильственных преступлений общеуголовного характера: кражи, разбой, грабежи; квалифицированное вымогательство; незаконный оборот оружия; криминальный автомобильный бизнес, незаконный оборот наркотиков;

б) совершением преступлений в сфере экономики: незаконные операции со стратегическим сырьем, мошенничество в кредитно-финансовой сфере, незаконный оборот алкогольной продукции;

в) деятельностью банд формирований экстремистско-террористической направленности.

5. Все существенней для всех субъектов региона становится проблема противодействия наркоторговли. Именно в силу своего географического расположения Северный Кавказ является зоной особого внимания наркодельцов. Борьба с наркопреступностью в регионе, несмотря на принимаемые меры, не приносит ожидаемые результаты. Так за последние пять лет отмечается ежегодное увеличение фактов выявления преступлений данного вида (2011 г. – 10134; 2012 г. – 10693; 2013 г. – 10396; 2014 г. – 10836; 2015 – 10506) [2, с. 126].

6. Возрастают масштабы уголовного террора как средства устрашения представителей бизнеса и устранения «конкурентов» в криминальной среде, получил большое распространение спрос на оружие. Из общего числа всех преступлений, совершенных ОГ и ПС с применением огнестрельного оружия, взрывчатых веществ и боеприпасов на территории России (2015 г. – 6939), каждое восьмое было выявлено в СКФО (2015 г. – 801).

7. Прикрытие общеуголовной деятельности ОГ и ПС националистическими и религиозными лозунгами.

8. Постоянно усиливается влияние организованной преступности в сферу экономики. Путем расширения количества контролируемых ими про-

мышленных, финансовых и иных структур, криминальные сообщества пытаются воздействовать на экономические процессы не только в регионе, но и на федеральном уровне.

Итак, анализ криминогенной ситуации в СКФО, даже при осознании того, что статистикой не фиксируется довольно весомый пласт криминальных проявлений, позволяет сделать вывод, что в целом обстановка по линии борьбы с организованной преступностью в Северо-Кавказском регионе характеризуется дальнейшим нарастанием организованности, вооруженности и профессионализма преступных формирований, их стремления оказывать все большее влияние на экономические, политические и социальные процессы.

При этом следует признать, что в субъектах СКФО, наиболее пораженных действиями организованных преступных групп (Ставропольский край, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Ингушетия), наблюдается общее увеличение уровня преступности (выше среднего по СКФО).

Список литературы

1. Мацинский Р.В. Региональная криминологическая детерминация организованной преступной деятельности: по материалам Восточно-Сибирского региона : автореферат дис... канд. юрид. наук. Иркутск, 2007. 26 с.
2. Преступность и правонарушения (2011-2015). Статистический сборник. М.: ГИАЦ МВД России, 2016. 180 с.
3. Форма статистическая отчетность «1-ОП» (582). Раздел 1. Сведения о преступлениях, совершенных участниками организованных групп или преступных сообществ (преступных организаций) за 2011-2015 годы // ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России». URL: http://10.5.0.16/csi/modules.php?name=ReglDocs&go=sel_op&fid=582 – Публичное пользование ограничено. (Дата обращения: 04. 10. 2016).
4. Яблоков Н.П. Расследование организованной преступной деятельности. М.: Юристъ, 2002. 172 с.

ВОЗМОЖНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКУМЕНТОВ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Якушева В.О.

студентка 3 курса Института юстиции,
Саратовская государственная юридическая академия, Россия, г. Саратов

Цепкова Т.М.

профессор кафедры гражданского процесса, к.ю.н.,
Саратовская государственная юридическая академия, Россия, г. Саратов

В данной статье рассматривается возможность использования электронного документа в качестве доказательства в российском гражданском процессе. Раскрывается понятие электронного документа, его основные черты. Также рассматривается возможность применения того или иного вида электронного документа, приводятся пути возможного разрешения поставленного вопроса.

Ключевые слова: гражданский процесс, электронный документ, вид доказательства, доказательство.

Гражданское процессуальное право (далее – ГПП) – это одна из самых динамичных отраслей права Российской Федерации. В связи с этим всё более актуальной становится вопрос использования электронных документов (далее – ЭД) в качестве судебных доказательств в гражданском процессе.

Рассматриваемая проблема достаточно актуальна, поскольку производство по делам, в которых в качестве доказательств фигурируют ЭД, не получило должной регламентации в процессуальном законодательстве и юридической науке.

Легальное понятие ЭД даётся в п.1 ст.2 Федерального закона (далее – ФЗ) «Об информации». Нельзя не согласиться с А. Вершининым в том, что ЭД не отличается от информации, которая может составлять содержание «бумажных» документов [1, с. 40].

Перечень доказательств, предусмотренных ч.1 ст. 55 ГПК является исчерпывающим, в нём не содержится упоминание об ЭД. Однако ст.71 ГПК предусматривает возможность использования подобных документов.

Документ в гражданском процессе рассматривается «как разновидность письменных доказательств» [3, с. 35]. Однако стоит отметить, что ЭД имеет ряд признаков, отличающих его от письменных документов.

Основными критериями оценки доказательств в соответствии с п.3 ст. 67 ГПК РФ являются такие понятия, как относимость, допустимость, достоверность и достаточность. Чтобы придать ЭД юридическую силу, необходимо выявить данные критерии в подобных документах.

При оценке частных ЭД в качестве доказательств по делу суды должны исходить из общей презумпции добросовестности действий участников соответствующего судебного процесса, из чего вытекает положение о возможности и необходимости установления достоверности документа. Достоверно то доказательство, которое получено из доброкачественного источника информации, однако последний не может являться гарантом достоверности, содержащейся в нём информации.

Существенным недостатком ЭД является возможность легкого изменения его содержания и, как следствие, отсутствие уверенности в достоверности полученного документа [2].

Трудности идентификации ЭД не должны полностью исключать возможность их использования в качестве доказательств в суде. При этом, ЭД как вещественным доказательствам присущи особенности, заключающиеся в возможности их исследования методами судебной экспертизы.

Содержание ЭД не отличает его от документов на других видах носителей. В правовых отношениях имеет значение сведения насчет юридически значимых фактов. Однако одним из отличительных признаков ЭД является его форма.

Говоря об электронной переписке как одном из видов доказательств в гражданском процессе, стоит отметить, что зачастую она игнорируется судьями в качестве полноценных доказательств. Связано это с отсутствием четкой законодательной базы, которая регулировала бы эти процессы. При отсутствии возможности подтверждения подлинности того или иного доказа-

тельства участники процесса зачастую представляют подобные документы в виде распечаток, удостоверенных авторами электронной переписки. Широко распространено нотариальное заверение электронной переписки для использования в суде.

Помимо фактического представления ЭД на электронном носителе, актуальным является и возможность представления в качестве доказательства данных из компьютерной сети Интернет. Оптимальным, по мнению многих ученых, на данный момент способом является заверение Интернет-страницы у нотариуса. Кроме того, по делам, связанным с Интернетом, может быть назначена экспертиза.

Для наиболее широкого использования ЭД в качестве доказательств в гражданском процессе необходимо обеспечить наиболее широкое применение электронно-цифровой подписи, как точного и удачного способа идентификации электронной информации. Возможность выявлять наличие фальсификаций ЭД экспертными методами является одной из существенных гарантий использования таких документов в гражданском процессе в качестве доказательств. Также, основываясь на наличии у ЭД признаков, отличающего его от письменного документа, представляется целесообразным выделить ЭД в качестве вида доказательства в гражданском судопроизводстве в отдельную статью ГПК РФ.

Список литературы

1. Вершинин А.П. Электронный документ: правовая форма и доказательство в суде. М., 2000. С. 40.
2. Боннер А.Т. Доказательственное значение информации, полученной из Интернета // Закон. 2007. N 12. URL: www.center-bereg.ru/h1579.html (дата обращения: 19.10.2016)
3. Треушников М.К., Судебные доказательства. М.: Городец, 1997. С. 35.

Подписано в печать 10.11.2016. Гарнитура Times New Roman.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 9,76. Тираж 100 экз. Заказ № 273
ООО «ЭПИЦЕНТР»
308010, г. Белгород, ул. Б.Хмельницкого, 135, офис 1
ИП Ткачева Е.П., 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а